

Мирошниченко Иван Николаевич

Золоту - жизнь, Человеку - смерть

12+

Иван Мирошниченко

Золоту – жизнь, человеку – смерть

«Автор»

2018

Мирошниченко И. Н.

Золоту – жизнь, человеку – смерть / И. Н. Мирошниченко —
«Автор», 2018

Главные герои эпического романа Ивана и Андрея Мирошниченко «Золоту – жизнь» реальны. Это Николай II , В.И. Ленин, И.В. Сталин и А. Гитлер. Сюжет держится на жизнеописании сотника Леонида Фуголь и его сына Якова. Судьба безжалостно швыряет их из стороны в сторону, испытывая на прочность, одного – из царского двора родной хаты в Сибирь. Другого, из стен ГПУ – в гитлеровское «гнездовье». Роман заканчивается на жизнеутверждающей ноте, но ход событий показывает, что его героям предстоит преодолеть немало трудностей на своем пути.

© Мирошниченко И. Н., 2018

© Автор, 2018

**Мирошниченко Иван Николаевич
Мирошниченко Андрей Иванович
ЗОЛОТУ-
ЖИЗНЬ,
ЧЕЛОВЕКУ -
СМЕРТЬ
Роман
Николай II и Ленин
Иосиф Сталин и Адольф Гитлер**

г. Актобе 1985-2018 г.г.

I. СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Около ветряка собралось огромное количество крестьян. Люди спорили меж собой, чья очередь молотить зерно. Уже несколько дней стояла тихая безветренная погода.

Ветряк стоял на самой высокой возвышенности Камышни. Лет двадцать тому назад здесь был густой дубовый лес. Солдаты вырубил лес, а крестьяне распахали поле, засеяли гречихой.

Дед Васильев привез пасеку, свои улья он поставил посередине поля, около криницы густо обросшей кустарником, соорудил себе шалаш.

Дед Василий славился в округе как лучший гончар. Его горшки пользовались спросом не только в Комышне, Миргороде, но и в Сорочинцах. На сорочинской ярмарке не было отбоя от его товара. Свое ремесло передал любимому внуку Васильеву Василию Васильевичу. По искусству гончарного и бондарного дела внук превзошел деда и отца – стал главным глиняным поставщиком горшков в лавки Миргородского еврея.

Раз в месяц внук приезжал на пасеку к деду, когда он качал мед, дед часто поднимался и смотрел, не идет ли к нему внук. Вдруг на дороге появилось облако пыли, и перед дедом появился внук.

Разгрузив повозку с продуктами для деда, внук отвел лошадь на луг.

– Что нового, внучек, дома, в селе?

– Дома все живы и здоровы, того и вам желают. Дела наши идут в последнее время плохо, все лавки завалены горшками. Гончары, как сговорились, все лепят горшки, день и ночь. Решил малость от гончарного дела отдохнуть. Около мельницы нанимают землекопов, хотят строить, а что – не говорят. Берут только тех, кто умеет строить, копать колодцы.

– Как выкачаю мед, так пойду к ним на работу. Платят в два раза больше, чем в Миргороде. Помните, около банка мы с отцом копали колодец, недалеко от нашего ветряка, там и набирают.

– Будешь рыть колодец или строить?

– Пойду туда, где больше платят.

– Не гонись, внучек, за длинным рублем, чтоб здоровье не потерял. Ты лучший мастер в нашем гончарном деле, пожалуйста, не ошибись.

– Попробую не ошибиться.

– Что-то мне эти люди на стройке не нравятся. Много фарсу и показухи. Лучше пойдешь к купцу и сруби ему светлицу, он тоже хорошо платит.

– Самые дорогие работы это – земляные, а я колодцы и шурфы для добычи глины умею хорошо копать.

Утром рано внук занялся подготовкой к выкачке меда, а дед решил поехать к мельнику за мукой.

Целый день дул ветерок и мельник с дедом обмолвился только несколькими словами, но зато Марьюшка все новости пересказала деду.

Нанимает на три недели какой-то богач из города у деда мельницу молотить муку, то есть берет в аренду. Платит за всю работу наперед и еще страховку на случай пожара. За эти три недели мы решили отремонтировать дом и сарай. Уже пора косить, а у нас нет свободного времени.

– А мой внук говорил вам, где желает работать?

– Из разговора мужа поняла, его нанимают те же люди, что и мельницу берут.

– В договоре указывается, что разглашать тайну их союза нельзя. Хорошо, что деньги наперед дадут, тут можно и промолчать, а лучше б он сходил, узнал, правильно ли мы поступаем. Но муж уперся: «Молчи, баба, не твоего ума дело!». Вот только я вам, как родственнику, сказала и больше никому.

– Не говорите, деда, мужу, а то не дай Бог отходит меня веревкой за болтовню. А за вашим внуком я присмотрю. Столоваться пусть приходит к нам, когда будет здесь работать.

С новыми хозяевами мельница мола даже по ночам. Все меньше и меньше стояло крестьянских подвод около нее. А сегодня, ни единой подводы, а мельница работает.

Жена мельника сушила сено на лугу и все время поглядывала в сторону мельницы. Посмотрела на небо, скоро должен церковный колокол известить о том, что пора обедать, а у нее еще не все сено перевернуто.

Взяла в руки деревянный рогач и хотела продолжить работу. Вдруг услышала голос.

– Тетя, давайте я вам помогу.

Василий взял дубовый рогач и начал быстро ворошить и переворачивать им сено.

– Ну как, Васек, работаешь, или только пришел?

– Завтра начинаем, а сегодня сказали – отдых. Работу должны сделать за неделю.

– Так ты приходи к нам ночевать и кушать.

– Сказали неделю работать, там же и столоваться. Ночлег тоже.

За обедом мельничиха сказала мужу, что это за мельница, от которой везут муку, а зерно не привозят. Муж прикрикнул на жену: «Не твое собачье дело, нам велено молчать, мы свое получили».

– А ты, Васек, присмотришь, что это за господа, которые крутят, пустую мельницу. Боюсь и подумать о том, что может там случиться. Деньги получил, бумаги подписал, приходится молчать.

Мельник пошел в горницу и вернулся оттуда с небольшим, но толстым ножом.

– Это тебе, Вася, на всякий случай. Не пускай его в ход без надобности, но и без него не ходи туда к ним. Спрячь, чтоб никто не видел. Хорош нож, я его приобрел в бою с японцами. Бьешь по железу, и не тупится, хорошей закалки. Вернешься оттуда, отдашь. Будь внимательным.

– Вот, что я тебе скажу внучек, не нравится мне их работа, они работают около банка и что они хотят копать, известно одному Богу.

– Ты рыл колодец с отцом перед банком, это все знали, а что они будут рыть, этого никто не знает. Вот здесь-то и зарыта собака.

Утром рано все собрались около мельницы. Инженер и его два помощника с шестью рабочими.

Инженер подошел к молодым парням и попросил их спуститься вниз. Это был небольшой погреб, выложенный толстыми бревнами, а с одной стороны огромная дыра, куда от ветряка шли толстые две веревки.

– Вот наше место работы, меня можете называть Владимиром Павловичем. Сейчас нам все подготовят, и мы начнем рыть горизонтальный шурф. Все копали шурфы для добычи глины, здесь предстоит сделать то же самое.

Лубенец долго рассказывал, что и как они должны делать. На верху стоявшие двое позвали Владимира Павловича и он поднялся к ним.

Как только они ушли до мельницы, Васек выскочил вслед за ними, предупредив ребят, чтоб свистнули, когда будут возвращаться и побежал по зарослям в сторону банка.

Банк был открыт, на крыльце сидели люди, чуть дальше стояли лошади. Василий подошел к стене банка и начал измерять расстояние до их шурфа, он вернулся назад, остановился напротив колодца. Два шага до колодца от горизонтального шурфа. Если упереться ногами и руками, можно вылезти. В колодец дворник начал высыпать мусор и услышав свист, Василий побежал назад.

Переступив через боковину колодца, они, полусогнувшись, пошли за инженером, освещающая дорогу шахтерскими лампами.

– Вот ваше жилище.

Они вошли в срубленный домик, стоявший с правой стороны входа. Здесь были нары, на которых лежало шесть подушек, шесть одеял и шесть матрасов, набитых соломой.

Через каждый час сменялась пара землекопов. Земля была глинистая и с трудом дробилась на кусочки. При заполнении ящика землей, дергали тоненькую веревочку с колокольчиком, и ящик утаскивали, а пустой ящик приходилось тащить самому.

Перед перерывом каждый землекоп делал себе отнорочек, разворачивался в туннели и уползал на отдых. Вокруг стояла густая пыль, тяжело было дышать, но в их домике было чисто, сюда пыль не проникала, она через трубы, стоявшие перед входом, выходила наверх.

Часто заходил сюда Владимир Павлович, спрашивал, как настроение, не устали, не страшно ли, не надоело ли здесь сидеть. Он был спокоен, не подгонял, не торопил. Следил только за их работой.

К концу второго дня докопались до сыпучего грунта. Вход расширили и стали укреплять потолок подпорками.

– Мы напротив колодца, – сказал Василий своему напарнику.

– Ну что с того, что мы у колодца.

– Нужно расширить туннель в сторону колодца, а для чего – потом сообразишь.

Целый час они затравили на боковой отнорочек.

Василий долбил главный туннель, а его напарник боковой. Окончился мягкий грунт и снова пошел твердый песок и глина. Напарник тронул Василия за ногу и показал отнорочек, сюда просвечивался лучик дневного света. Ощупав руками твердый грунт потолка, Василий похлопал весело напарника по плечу. Вынув осторожно несколько камушков, которым был выложен колодец, он высунул голову наружу и увидел голубое небо.

Уже несколько раз дергали за веревку – пора сдавать смену.

Василий усердно долбил землю и наполнял ящик за ящиком. Почувствовав сильную усталость, он присел, а его напарник убирал последние кусочки глины и песка в ящик.

Вернувшись в домик, они увидели инженера Лубенец с его двумя помощниками. На столе ярко горела большая лампа, вокруг стояли шесть чашек, а в углу огромный котел, из которого вкусно пахло.

– Быстро умывайтесь, потом расскажете, почему не сдали смену.

За деревянной перегородкой стояло большое корыто с горячей водой. Василий быстро разделся. От большого удовольствия он начал фыркать и вода с брызгами улетала в сторону.

– Толя! Помой мне спину, сказал Василий, и подал мыло и мочалку.

– Что ты моешь спину как баба, так моет мою спину только моя мать, три покрепче!

– Залезай, пока я вытрусь, твоя спина отпарится и я займусь ею, не так как ты мне ее тер. Соскоблю прошлогоднюю грязь.

Василий стоял перед Анатолием весь красный; распарившись, его член стоял в возбужденном состоянии и он с удовольствием растирал тело полотенцем.

– А ну, побыстрее залезай, а не то брошу, в чем стоишь в корыто.

– Успею, Вася, ты одевайся и уходи, воды много, я постираю свое и твое белье.

– Ты, Толя, не мужик, а баба, все что-то мямлишь, не разберешь, все ворчишь, моешься как баба. А ну, быстрее!

Вася схватил Анатолия за воротник, сразу же поднялась пыль.

– Не балуйся, остынь! От меня идет пыли больше, чем в нашем шурфе. Иди, иди, там тебя ждут.

Василий сел за стол, ему налили стакан водки.

– Пей, ты сегодня заработал: пока мылся, инженер осмотрел твою работу, остался доволен.

– А где они сейчас?

– Подойдут, хотят с тобой поговорить. Колодец около банка ты копал с отцом или нет?

В это время вошел Владимир Павлович.

– Мы хотели бы узнать, кто копал колодец.

– Я, вместе с отцом. Он был полноводный, а какая была чистая прозрачная и вкусная вода, но почему-то исчезла. Отец говорил, что где-то рыли большой сточный ров, может, он повлиял на уровень воды. Сначала упал уровень воды, потом на второй год она исчезла, и колодец высох.

– Родники снизу были в колодце?

– Да, Владимир Павлович, особенно два родника со стороны банка били фонтаном. Они исчезли, высохли.

Инженер прошелся вдоль стола, налил всем.

– Ну, за успех и окончание работы. Еще два-три дня и мы окончим нашу работу. Вот вам первая награда за вашу хорошую работу. Сегодня вы трудились на славу.

В это время Толя вышел из бани и сел на свое место около Василия. Василий взял деньги, разложил их на шесть кучек: – «берите свою долю», – сказал он, засовывая свою кучку в карман.

Слева сидел Леша, высокий, широкоплечий брюнет и с большим волнением смотрел на свою кучку денег.

– Я впервые вижу такие большие деньги, за всю жизнь я никогда так много не держал. Хоть и тяжел труд, но он оплачивается с лихвой.

– Спасибо, вам, Владимир Павлович, когда пришел сюда, не верил, что так будете платить. Он подошел к инженеру, подал руку:

– На меня можете рассчитывать всегда, выполню ваше любое приказание. Не забуду вас никогда.

Он сел на место, налил всем по полной рюмке и выпил.

После Лешкиного тоста трое уснули, а сам Алексей мурлыкал себе под нос какую-то непонятную песню.

– Что ты, Толя, как баба, ешь мало, пить не пьешь и ложишься позже всех, а поднимаешься вместе с зорькой рано. Ложись, нужно экономить свечи и керосин, они нам сгодятся.

Алексей некоторое время еще пел, потом утих. Василий положил его удобно на постель. Снял сапоги, сам разделся, подошел к Анатолию.

– Прыгай, буду тушить.

– Я чуточку посижу – ответил он.

Василий подошел к нему, стал на коленки, быстро сняв ему сапоги.

– Иди, а то вытряхну из брюк.

Анатолий быстро вскочил и лег на свое место, Василий около него. В углу, под иконой горела маленькая лампадка, давая тусклый свет. Василий повернулся к нему и увидел перед собой красивые голубые глаза и мальчишеское лицо.

– Как похож ты на девочку, – сказал он Толе и провел ладонью по его лицу. Анатолий отодвинулся к стенке, и схватили его за руку.

– А у тебя густые волосы, как будто коса, ты их повязываешь и все зря. Меня тоже учил отец так повязывать волосы, но все равно, когда копали колодец, пыль заходила повсюду.

Василий долго не мог уснуть, он понял, что здесь нет никакой стройки, а они просто роют туннель в банк. Их инженер – вор. Догадываются ли остальные или нет? Все спали и храпели за исключением его напарника.

– Толя, ты спишь? – спросил он его и повернул лицом к себе.

Не получив ответа, он попытался уснуть, но мысли не давали покоя.

Когда выбрали последний грунт, он ощутил влагу на полу, а это признак того, что вода снова может появиться в колодце и в подкопе. Все может рухнуть. Заметил ли это инженер, когда лазил туда или нет?

Зачем спрашивал о колодце, может, догадался о его мыслях бежать отсюда через колодец, или боится воды? Все черти пьяны, а этот хоть не пьет, но никудышный советчик.

Снова потряс за плечи: – проснись, давай поговорим...

Не получив ответа, он отвернулся в другую сторону и уснул. Во сне часто выкрикивал и звал на помощь деда. Иногда говорил тихо, иногда Толя наклонялся к его уху и слушал, что он говорит во сне.

Анатолий, погладив волосы и лицо Василия, положив удобно его руку себе на плечо, около него прилег и уснул.

Владимир Павлович снова сел за свои бумаги. Он что-то рисовал, чертил.

– Идите сюда – позвал он своих помощников. Вот где мы сегодня докопали туннель. Еще несколько дней и мы у цели. В субботу все дома занимаются своими домашними делами, а в воскресенье все пойдут в церковь. Мы успеем все ценности вывезти из банка и незаметно скрыться и здесь тоже заметем все следы. Вот это насыпанная нами плотина поднимет уровень воды в колодце и в нашем туннеле. Он завалится и скроет все наши следы, а обвал земли в банке убедит всех, что все, что было в банке ушло под землю. Лишь бы мальчишки осилили.

– А что, будем делать с ними, когда деньги и драгоценности добудем?

– Ты, Степан собьешь кольца, и они останутся там. Уяснил себе?

– Да, но как я это сделаю?

– Скажу, когда придет время. А сейчас заканчивайте работу на плотине и на стройке. Все должно выглядеть так, как написано в наших договорах. Скоро пойдут дожди, до них нужно все успеть сделать и как можно, поскорее. Меньше шатайтесь на виду у рабочих. Завтра они получают расчет, и мы остаемся одни.

Степан и Григорий пошли на плотину. По обе стороны плотины стояли рабочие и насыпали землю, утрамбовывая ее ногами.

Все рабочие повернули головы в сторону подошедших и низко поклонились. К ним поднялся их помощник.

– Вода весенняя и после дождя идет вот через то поле, углубите ров с правой стороны, а землю свезите на плотину и сделайте ровный уклон. Около мельницы выровняйте площадку, где стоят крестьяне со своими подводами. Скоро пойдет новый хлеб с поля на мельницу, тогда будет не до дороги. Насыпьте больше песка и гравия, трамбовщиков пошлите, пусть трамбуют и укладывают каменку. Вам самим будет приятно проехать по такой дороге на мельницу, а плотина сократит вам путь, не нужно будет объезжать овраги и маленькие речушки.

Крестьяне слушали и низко кланялись.

– А еще будет у вас работа до нового урожая.

– Будет! Только брать станем тех, кто хорошо работал на плотине и стройке. Кому позарез нужна работа, прошу на рубку леса. Набор с понедельника, лесник приедет на хутор Мелашки и там примет вас на работу. Оплата сдельная, как и здесь.

Владимир Павлович ходил по полу ветряка, сильно стуча каблуками. Никак не мог придумать, как завалить здание банка.

Многие говорили, что когда-то на месте банка и мельницы люди с одной стороны брали то ли белую глину, то ли мел, а с другой была гончарная глина. Но он нигде не мог найти ни первое, ни второе. Все старожилы говорили, что слышали от своих отцов, а те – от своих. Даже учитель, любитель собирать все старинное, не мог точно подтвердить. Знал точно – дед Василий, какой-то пасечник. Но дедов Васильевых в округе много и среди них каждый второй пасечник.

Дело уже совершилось, некогда искать пасечника. Вода быстро поднимается и если это правда, она разрушит наше сооружение не позже воскресенья. А если это вымысел, убежим, пока откроют банк.

Он достал свою сумочку с деньгами и пошел на стройку рассчитывать рабочих. Степан и Григорий до седьмого пота работали у ветряной мельницы.

– А здесь, в банке, много денег? – спросил Степан у Григория.

– Спроси у Лубенца, он тебе скажет.

– Смотри, Гриша, чтоб мы не попались в этой мышеловке вместе с этой шестеркой. Оттуда нас никто не откопает, и из наших родственников никто не будет знать, где мы.

– Может, Степа, мы себе тоже роем могилу. Целый день вытаскиваем ящики из этой норы, а работы нет конца. Посмотри, внизу земля мокреет, возможно и прав наш Павлович, что все это со временем рухнет.

– Не все рухнет, Гриша, мельница стоит на одной горе с банком, но выше и на другой горе.

– Я понимаю тебя, на одной горе стоит, но на другой, как это понять?

– Там глина белая, а здесь отдает желтизной, а внизу – красная. Здесь земля нетронутая, а там – вся израненная и изрытая.

– Хозяин, строивший эту мельницу, видать хорошо знал, как строить и где строить, а вот банку не повезло. Там внизу я нашел дыру, которая ведет в большую пещеру, там еще свежи следы лопаты и кирки. Здесь добывали мел и гончарную глину. Гончарная глина окончилась, а мел уходит далеко в глубь, люди забросили эту жилу, нашли ближе другую, где не так опасно добывать, как здесь.

– Ты уверен, что мы не уплывем вместе с мельницей?

– С мельницей, нет – ответил Гриша, – а вот с банком, это возможно. Вот эту нашу канавку зальет со временем пльвун и ищи след в море.

– Ну, если так, то это хорошо. Мы свою работу сделали, а с банком пусть разбираются те, кто вложил сюда свои деньги. Мне нужны деньги, а не банк.

– О чем спорите? – спросил подошедший к ним Владимир Павлович.

– Посмотрите вниз, вчера здесь ничего не было, а сегодня земля почернела, идет подъем уровня воды и нам нужно спешить, – ответил Степан.

– А давно это заметил?

– С того самого дня, как мы перекрыли речушку и направили ее воды в русло реки.

– Это хорошо, Степан, мы строим дорогу, плотину, дома, но не разрушаем банк, он по воле божьей рухнет сам по себе. И парней убрать поможет не по нашей воле.

– Хотелось бы, но многие сказали, что работают у нас, нам нужно алиби или готовить побег. Выбирай из двух одно.

– Сколько осталось копать до банка?

– Вон, последних два узелка и конец. Сегодня сделали очень мало в надежде на завтрашний день.

– Ты, Степан, отнеси им вечером маленькую награду за сегодняшней труд, это поднимет у них настроение. Завтра они будут лучше работать.

– Хотелось, но у троих руки покрылись волдырями, они уже выдыхаются.

– Пусть доканчивают и они нам не нужны.

– А подкоп в банк?

– Там земля сама рухнет, лишь бы в это время она никого не придавила.

Была чистая пятница. Василий с Анатолием рубили последние сантиметры земли. Отваливались большие кусты, и Василий их сбрасывал в колодец. В это время в банке никого не было, и он спешил первым попасть внутрь здания, опередить воров. Хотел вылезть наверх через колодец, но великан Алексей запретил, не пустил.

– Я хочу свою заработанную долю взять денег, а не бежать отсюда, это я всегда сделаю.

Василий брал из рук Анатолия камни и передавал Алексею. Показался вход в банк. Помавив к себе пальцем Анатолия, он показал вход.

Дернул за веревку и, через несколько минут, здесь появились Степан и Григорий. Они вошли в банк и стали подавать им небольшие ящики, кульки.

При заполнении ящика, в котором вывозили землю, его тянули в мельницу. Несколько кульков и ящиков упало около Василия, он их передал Анатолию, а тот выбросил через пролом в колодец.

Колодец был засыпан землей на уровне их мышеловки. Весь песок при очистке поля тоже был выброшен в колодец.

Анатолий разгладил сверху песок и положил на ровное место два ящечка и четыре кулька.

– Закрой камнем выход к колодцу и смотри за веревками, проследи, куда они движутся.

– Зачем? – спросил Анатолий.

– Они постараются нас оставить здесь, мы им уже больше не нужны. А что они там украли, мы узнаем чуть позже.

– Вася, а здесь еще одна веревка, ее раньше не было. Зачем она?

– Посмотри, куда она потянется.

– Привязана к подпорке, около сыпучего песка.

– Отрежь и скорее возвращайся.

– Вася, там появилась вода, нужно предупредить ребят и бежать через колодец.

Появились Степан с Григорием.

– Вы оставайтесь здесь, мы мигом вернемся и заберем остальной груз. Ребята, очищайте и расширяйте вход в банк. Через полчаса мы вернемся.

Анатолий быстро пополз в противоположную сторону от ползущего к выходу Степана и Григория, вдалеке виднелись только огоньки. Вдруг земля задрожала, и что-то рухнуло. Погасли оба огонька справа, только мерцал один огонек слева.

– Назад! – крикнул Василий.

Анатолий развернулся в тоннеле и быстро пополз к Василию. За ним медленно осыпалась земля. Подсвечивая дорогу, они вылезли в колодец. Обвязав себя веревкой, взяв за пазуху оба ящика, и засунув кульки в карман, Василий начал подниматься вверх колодца. Вот он достиг верхушки колодца, встав на землю, бросил Анатолию веревку и стал его поднимать. В это время у них под ногами задрожала земля, и каменные стенки колодца стали осыпаться.

Они побежали в сторону пасеки, далеко оставив позади себя ветряк и плотину. Перед ними было широкое, белое глиняное поле. На небольшом холмике стоял его дед и смотрел в их сторону. Они повернулись и увидели перед собой столб пыли, который возвышался над ветряной мельницей. Ветер раздул пыль, и на месте бывшего банка появилась ровная площадка.

Около криницы Василий помылся и начал стирать свою одежду, его напарник молча сидел на сваленном дереве. Постирав и развесив свою одежду, он подошел к Анатолию.

– Что, хочешь грязным домой идти? Самое страшное уже позади. Ты жив. Живой должен жить и радоваться. Василий сорвал с головы Анатолия шапку-вязанку, и ему на руки упали длинные черные шелковистые волосы.

– Так вот ты кто, почему и была такая кроткая и боязливая. Раздевайся, а я мигом сбегаю к деду и принесу тебе мыла и чистую одежду.

– С возвращением дорогой внучек, проговорил дед, а я и не думал и не гадал, что ты так быстро вернешься. Это хорошо. У меня скоро самовар закипит, так что садись за стол. Да ты весь мокрый. Возьми вот брюки и рубашку, переоденься. Дам медовухи, согреешься, а если еще покажешь свой заработок, дам бабиной наливки или первача.

– Я сейчас вернусь мигом, дедушка. Дай мне кусок мыла, там, у криницы меня ждет моя знакомая.

Он положил на стол деньги, заработанные у инженера, а ящики и кульки положил вовнутрь шалаша.

Дед взял деньги в руки. Считает и приговаривает: «Эти деньги не за хороший труд даны, не за честную работу получены, такие бешенные деньги платят только за худую работу, за разбой».

Посмотрев на убегающего внука, стал снова говорить как бы про себя: «Посмотрю на твоего друга, что он из себя представляет. Побегал так, что даже в сухое не переоделся. Молодые все спешат, все бегут куда-то».

Дед поставил на стол самовар, жареную рыбу, картофель, мед, водку и бабину наливку.

– Как вкусно пахнет, ты право нас ждал, дедушка, такой богатый стал, давно я тебя не видел.

– Ты мне, внучек, зубы не заговаривай, а лучше скажи, откуда ты пришел с Ларисой? Что, и она была с тобой на заработках? Может, мне скажешь, что впервые ее видишь и не знаешь, что это лучшая гончарница Попивки. Ее товар пользуется таким спросом в магазине Мойсы, как и твой.

Сядем за стол, и вы мне все по порядку расскажете. А сейчас открой, моя малышка, дедов сундук, поищи в нем что-нибудь себе и моему внуку одеться, и садитесь за стол.

Василий все подробно рассказал деду о своей работе, не упустил не единой мелочи...

Дед слушал, вмокал ложку в мед и сильно причмокивал.

– Так, внучек, копал, копал и до чего докопал. До колодца, а потом убежал. Убежали только вы двое, это хорошо. Так и должно быть. Вот куда, вы бежали, ко мне. Ну, это хорошо. Дед весело повторил Василия рассказ и чуть с усмешкой смотрел на Ларису.

Вдруг послышался звон колокольчика, и на дороге показалась дедова брочка.

– А вот и сын приехал. Мужчины все в сборе.

– Что нового, сынок, каким ветром тебя сюда принесло?

– Слава богу, ты здесь, сынок. А я со страху много чего передумал, здесь и ты доченька, это к лучшему. Как увидел, что банк ушел под землю, так и подкосились мои ноги, думаю, если у деда тебя нет, значит, потерял навсегда.

– А я думал внук сказки рассказывает, что банк провалился под землю, а выходит все это чистейшая правда.

– И откуда вы все узнали? Я, как увидел, что стоит столб пыли, побежал вместе со всеми к банку, а оттуда сюда. Быстро нынче все новости расходятся.

Рад, что такую сноху приводишь мне в дом, она из хорошей семьи и дед ей рад, вижу это по столу, мне такой стол не накрывает. И откуда у вас столько денег?

– Не дури, сынок, садись за стол, выпей за удачу сына. Это он заработал столько денег, а в наше беспокойное время, когда у людей нет денег, для него это большая удача.

– Был у мельницы и плотины, хорошо поработали там строители. Два новых дома под железной крышей построили, в которых будет жить наш полицейский, а второй дом купец отдал своей младшей дочери.

В честь окончания стройки инженер купил бочку пива своим рабочим и ценными подарками всех награбил. Всех приглашал на новую стройку, кто у него работал. Сколько было весе-

ля, смеху. Я отказался от приглашения, все искал тебя, ведь ты мне не сказал, где будешь работать, и я решил, что ты деда посвятил в свои секреты. Сейчас вижу, что не ошибся. Ты здесь. Теперь можно и успокоиться, выпить за хороший исход.

... Степан ухватился обеими руками за обрывок веревки около ящика и поплыл за ними, оставляя за собой густую стену пыли. Он слышал, как сзади упали сначала столбы, потом произошел завал. Еще крепче ухватился за веревку и стал подниматься наверх ящика. Здесь был проход чуть выше, и можно было немного отдохнуть.

Ящик остановился, Степан вылез наружу, рассыпав вокруг его содержимое. Из пакетов высыпались деньги. Подобрал их, он услышал шаги Владимира Павловича. Быстро притаившись за углом, стал наблюдать за ним. Содержимое ящика Лубенец сложил в корзину, потом притянул веревку, к которой были привязаны крепильные столбы. Через некоторое время по арыку поплыл пльвун, он заполнял все вокруг.

Степан все дальше уходил от мельницы по арыку. Дойдя до густых зарослей орешника, потом папоротников он поднялся во весь рост и ушел в глубь леса.

Через полчаса он остановился около огромного раскидистого дуба, снял свою одежду, вытряхнув ее, вынул из дупла мешок, вынул из него содержимое, а туда положил свою одежду. Спустился вниз к реке, начал мыться.

Недалеко паслись лошади, одну из которых он оседлал, легко вскочил в седло. Выехав на лесную тропинку, вынул трубку из бокового кармана и закурил. Чтоб скрыть свою тревогу и испуг, он запел. В душе разрывалось, kloкотало сердце, оно просило мщения за предательство. Но страх перед встречей со своим бывшим хозяином гнал его дальше от встречи с ним.

Рано утром он подъехал к дому Яценко. На стук вышел Василий Евдокимович со своей женой.

Мать подошла к сыну, обняла, перекрестила.

– Вернулся мой родненький, живой и здоровый. Пошли домой, без тебя мы осиротели, один ты остался жив, остальные погибли, не вернулись с войны.

– Не причитай, мать, может, и остальные вернутся, нужно надеяться на лучшее.

– Попей молока, в доме больше нет ничего, пойду у соседей займу что-нибудь съедобное.

– Не нужно занимать, – сказал сын, положив ей в руки деньги. – Пойди, купи, что нужно тебе для дома, а мне дайте отдохнуть.

Лубенец убрал ящики и бревна, все сложил в кучу. Веревки смотал, сделал большой узел с петлей и повесил в сарае. От банка слышался снова шум, густая завеса пыли не давала рассмотреть, что там творится.

Он подошел к сточной канаве, она была полностью заполнена пльвуном. Пльвун бежал из многих расщелин и заполнял небольшие ямки, вот он дошел до плотины и остановился, заполняя впадину жидкой массой.

Зануздав лошадь, он поехал к рабочим на стройку. Оплатив за рабочую неделю и выплаты премиальные, многим предложил поехать на новое место работы.

Кто-то согласился, а некоторые торопились домой.

– Нам пора косить сено, а там поспевают рожь, ячмень, пшеница. Согласны если, примите после уборки урожая.

– Я согласен, – сказал Василий Мурли и за получение этой зарплаты работать у вас, но только осенью. Жена болеет и мне самому придется убирать весь урожай. А хлеба нынче хорошие, и огороды на славу растут и плодоносят, успевай только собирать и возить на базар.

Получив расчет, все спешили уйти домой. Большинство наемников было из Великой Гремьячи и Попивки.

– Чем будешь эту неделю заниматься, Владимир Павлович? – спросил у инженера купец.

– Съезжу к дядьке Самило домой в село, посмотрю как там у меня в доме, потом на новостройку. Июль, август – самые тяжелые месяцы. Люди спешат построить, собрать хлеба, подготовиться к зиме. В это время всегда не хватает рабочих рук, приходится переплачивать.

– Что верно, то верно, – проговорил купец. Были бы свободные у меня деньги, задержал бы тебя с твоими парнями здесь еще на недельки две. Готовься на следующее лето ко мне снова. Выдавать буду младшую дочь и, договорился со сватами, молодым построим в Миргороде кирпичный дом, со всеми постройками. Готовь человек двенадцать и приезжай сразу после посевной.

Из дома вышла хозяйка со своей дочерью. Низко поклонилась Владимиру Павловичу.

– А это подарок вам и вашей супруге. Она в молодости любила носить льняные ночные сорочки, вышитые крестиком. Всей семьей вышивали. Дарим от чистого сердца.

Инженер низко поклонился, поблагодарил за подарок. На прощание расцеловались.

Заехав за мельником домой, отдав полный расчет за аренду мельницы, снова поехали к ветряку.

Ветряк стоял после ремонта как новенький.

– Вы были около банка? – спросил инженера мельник. – Отсюда вид ужасный. Повсюду идет пливун, затопил полностью нашу плотину.

– И неплохо, стало еще лучше, чем было. Укрепил пливун плотину, не надо будет объезжать ручейки за три девять земель. Со временем высохнет, зарастет лесом, и никто не подумает, что когда-то вы строили здесь плотину. Все выглядит естественным.

– Это хорошо. Я и не думал об этом, все переживал, что пливун испортил все дело.

– Посмотрите Владимир Павлович, пливун состоит в основном из плодородной почвы, через месяц вы не узнаете эти места, они покроются зеленым ковром. А пыль, которая стояла над банком, прибьет дождь, смоет ее и из моего ветряка. Вы чудесный человек, с вами легко работать, вы заботитесь не только о себе, но и о людях. У вас прекрасное сердце и душа.

– Добрый день! – сказали подъехавшие крестьяне. – Дядько Панас, вы сегодня мелите?

– Здравствуй, добрые люди, – ответил мельник. – Заносите мешки в мельницу, ветерок есть, будем молоть.

Отпустив веревку, державшую и тормозившую крылья мельницы, пустил жернова в ход. Крестьяне заносили мешки и высыпали зерно. Чуть приоткрыв заслонку, золотистые зернышки побежали вниз, по гладкому желобку корыта посыпалась мука в подвешенный мешок.

Крестьяне обвязали платком рот и шею, стали утрамбовывать в мешки муку. Мельник весело шагал около каменных жерновов и изредка выкрикивал: «Подавай мешки! Засыпай!».

В мельницу зашел брат Панаса, пасечник Василий.

– Здравствуй брат! Как живешь, и как идут твои дела? Успехов тебе в работе и счастья в жизни. Долгих лет тебе и твоей жене.

– Спасибо за все хорошее, и тебе и твоим детям здоровья и счастья. Посиди, братик, там, на улице обожди меня, остался последний мешок, закрою свою мельницу и пойдем ко мне, посидим, поговорим.

Пасечник вышел во двор мельницы, крестьяне грузили на подводы муку, а мельник, закрыв мельницу, ждал, когда они уедут, чтобы уйти с братом домой.

От станции Дубровский Конный завод № 62, ближе к станции Сенга, напротив 155 километра, около небольшого озера, стоял барский дом, весь утопающий в зелени. Чуть выше к селу Гребельки было несколько крестьянских домиков, чьи обитатели служили у госпожи Вишневской.

Дом больше напоминал больницу, чем барское жилище. Половина слуг ходили в белых халатах и ухаживали за больными собаками, кошками, морскими свинками. Если стоять спиной к железной дороге, можно увидеть с правой стороны небольшую возвышенность, огоро-

женную в рост человека изгородью. Это гадюшник. Сюда из Камышни по велению госпожи приносили каждую весну змей. Около изгороди был построен дом, в этом доме хозяйка доила змей и делала лекарство.

Галина Матвеевна была когда-то в молодости разъездным врачом. Родители ее жили богато, имели в Полтаве обувную фабрику. Окончив учиться и получив диплом врача, стала лекарем сначала в женском монастыре, потом ассистентом у профессора Балаба. Муж был инженером, много ездил по стройкам, и Галине Матвеевне подолгу приходилось оставаться одной дома.

Профессор, заметив, что у Галины Матвеевны много свободного времени, предложил ей у него дома заняться домашней хирургией. Жили они в то время рядом и домик, где они проводили свои опыты, стоял на границе их усадеб. Муж ушел на войну, а, вернувшись с нее, получил участок земли с богатым поместьем. Она затяжелела и родила ему двух сыновей. Поначалу было скучно одной в поместье, но, занявшись любимым делом, свыклась с одиночеством. Из ближайших хуторов приходили люди к ней лечиться. Для тяжелобольных она построила в своем вишневом саду больницу. Профессор часто навещал Галину Матвеевну вместе со своей семьей.

– Тебе, душенька, не в захолустье сидеть, а в городе и заведовать кафедрой анатомии или хирургии. Такие опыты сегодня редко кто проводит. Обобщай свой опыт и принимай в нашем институте любую кафедру. А защитить диссертацию мы всем институтом поможем.

– Ты послушай, Лорочка, – обращается он к своей жене, – я лечу грибок за две недели и то с трудом, а она – за сутки. Это – чудо, ты, Галочка, не прячь свое искусство за десятью замками, а раскрой свои тайны. Пора показать себя людям. Сколько ты добавляешь змеиного яда в свиной жир, Галочка, скажи нам, и мы тебя озолотим. Еще один случай, дорогая жена, я видел у нее. Помазала этим лекарством лишайного телянка ее сестра-помощница, и на второй день, вернее через сутки у телянка и след простыл от лишая. Только бегаёт голый без шерсти.

– А вырастет у него шерсть, Галина Матвеевна, или нет? – скажи хоть словечко. Смотри, Лорочка, она только показывает, а не говорит, как делает.

– Нынче смутные времена, Владимир Александрович, царя и то не почитают, люди после войны стали бояться за свою жизнь, никому не верят. Везде говорят о революции, о том, что нужно скинуть царя.

– Ошибаетесь, Галина Матвеевна, хорошие врачи нужны не только батюшке царю, но и революции. Тебя, милая, не воевать позовут, а лечить.

– Лечить изувеченных, искалеченных людей – это не по мне. Я провожу опыты на животных, и когда убеждаюсь, что могу помочь моему больному, берусь его оперировать.

– То-то я вижу, что нынче дочь заведующего вашим конным заводом скачет весело на лошадке, а мы отказались ей делать операцию. Побоялись за ее молодую жизнь, а ты, ангелочек, решилась. Сколько будешь молчать, отдай свои секреты людям. Не веришь нам, поезжай в Париж, Берлин, Вену. Там сейчас находятся светила медицины. Как вернется твой Владимир Павлович, так лично сам повезу в Петербург, Москву, Берлин, Париж. И твоему соколику хватит мотаться, хороший он инженер, но тоже загадочный, как и ты. Иногда услышишь такое, что и своим ушам не поверишь.

Вошла сестра в белом халате и чепчике.

– Все готово, Галина Матвеевна, вас ждут в операционной.

– Владимир Александрович, прошу вас посмотреть на мое сегодняшнее искусство.

– Что будешь делать, моя хорошая?

– Сегодня режу двух щенков-сестер, меняю им почки. Хотите смотреть, пойдемте.

– Такой редкий опыт нельзя упустить. Иду!

– Дорогая женушка, ты поиграй с детьми или пройдишь по саду, а я пойду с Галиной Матвеевной.

– Надолго, Галина Матвеевна?

– До вечера, душенька. Одного я буду резать, второго Владимир Александрович. Будем учить друг друга.

– А вы это раньше делали? – спросил профессор.

– Один единственный раз провела опыт и тот неудачный. Пойдемте, покажу.

Зашли в хирургические покои, где лежат оперированные собаки. Их встретила та же сестра, что заходила в дом. Вот они, родненькие. На маленькой кровати лежали два небольших щенка.

– Вы этим сделали пересадку почек?

– Да!

– Сколько недель прошло после операции?

Галина Матвеевна показала профессору карточку. Он внимательно читает, кладет ее на стол, берет в руки собаку и осматривает ее.

– Что оперировали – видно, есть разрез. Но это чудо, у нас в институте проводились подобные опыты, но они не дали желаемых результатов. Животные погибли. Ваши живы, а глаза... Глаза живые и веселые. Значит, все хорошо, а вы говорите плохо. Не убеждайте меня, что это у вас первый опыт, это из многих опытов, самый удачный и он предпоследний.

Что же, коллега, приступим к вашему волшебству. Вы в самом деле настоящая волшебница. Такой же волшебный и хирургический кабинет у вас. Удачи вам, Галина Матвеевна, и вам, Владимир Александрович.

– Начали!

Профессор быстро повторял все движения своей коллеги, осталось только отсоединить почку и включить искусственные почки. Заменяли только одну почку. Галина показывала профессору, как все должно быть. Он с вниманием слушал ее и смотрел на ход всей операции.

– Сестра, все окончено, можно убирать. Где карточка больного? Запишите историю болезни, Владимир Александрович, а для себя и ход самой операции. Завтра повторим эту операцию на других щенках. Для вас это в диковинку, а у меня уже сотня таких операций. Мечтаю мужа привлечь к своей работе. Мне нужны искусственные почки из нержавеющей железа. Он хороший механик, может что-нибудь сотворит.

– Галина Матвеевна, а он понимает вашу работу?

– Конечно, нет. Но его нужно завлечь. Он у меня заводной. Если что-то задумает, ночи спать не будет, а своего добьется

– Вы что, на меня эту миссию возложите?

– На ваш талант зажигать людей. Ведь, не встретив вас, я бы не занялась экспериментальной медициной. Да еще хирургией. Это благодаря вам я стала такой.

– Когда он обещал приехать домой?

– Жду не сегодня-завтра. За все годы совместной жизни я запомнила, что он вовремя уезжает и вовремя приезжает. Остальное не знаю о нем ничего. Если вы спросите, какой он муж или отец детей, не смогу вам ответить. Всю совместную жизнь, как его жена, я прожила в одиночестве. У него вечно неотложная работа, полно посторонних забот. Как хозяин дома, любит красивый дом, обстановку. По приезду заставляет меня одеваться, словно идем на бал. Когда он дома, у всех праздник. Вся работа по дому выполняется как по волшебству. Моя няня его так и зовет, приехал твой волшебник. Сколько по воле моего волшебника я прожила в одиночестве сиротских холодных ночей, сколько проплакала в одиночестве, ожидая его возвращения. А если поедем в гости, сколько женщин мне завидуют. Красивая, богатая, жизнерадостная, только я купаюсь в золоте и серебре. На балу, на вечеринке не оставит меня одну. Мне иногда кажется, что он читает мысли людей, когда с ними говорит. Иногда няня утешит, ты не слушай, что ответит тебе гость, а что скажет за тем твой муж. Его любят за хорошую

музыку, за веселые песни, сыгранные и спетые им, но сторонятся его в разговоре. Он помнит все что кто год тому назад говорил. А это их пугает. Что он скажет, сбывается.

– Вы сильно его любите и поэтому так его обожествляете. Он у вас такой же, как и все другие мужчины.

– Подождем до вечера, увидите. А сейчас пойдете, посмотрим на мой змеиный питомник. Марьюшка, проводи профессора, а я переоденусь и приду. Захвати сумочку.

Галина Матвеевна появилась в своем питомнике в кожаном костюме и яловых сапогах. Она быстро отловила змей при помощи петли и рогатины. Здесь же на бугорке собирала капельки змеиного яда.

Отловленных змей она осторожно положила за невысокую перегородку. Окончив свою работу, она выпустила всех змей на свободу.

Этот яд исцелит сотни людей. Но многие врачи боятся сами заниматься этим опасным ремеслом, и война подорвала экономику страны, сейчас большинство живет только для себя. Идет самоспасение, кто сможет выжить в это смутное время.

Владимир Павлович заехал в дом с черного хода. Около раскидистой ивы стоял кирпичный сарай, он в нем складывал свой инструмент и приборы, с правой стороны был гараж, где стояла машина. К его двуколке была привязана гнедая верховая лошадь. Сначала занес ящики в сарай, потом снял чемоданы, отнес их к углу дома и поехал выпрягать лошадей. Так же с черного входа зашел в дом, поставил в своей комнате чемоданы, взял полотенце и мыло, пошел на пруд искупаться. Служанка, увидев его, низко поклонилась, хотела бежать за хозяйкой дома.

– Окончит работу, придет, а я схожу на пруд вымоюсь. До моего возвращения накрой стол и поставь самовар.

– У нас гости, Владимир Павлович,

– Знаю, потому и тороплюсь, долго не задержусь.

Служанка подошла к экономке дома и известила о приезде хозяина.

– Велел всем накрыть стол.

В беседке накрыли стол, подавали холодную закуску, поставили вино и водку. Ждали хозяина, чтоб ставить горячее на стол.

Галина Матвеевна, увидев накрытый стол, всплеснула руками и промолвила:

– Приехал отец и снова запретил говорить, что он дома. Зовите всех к столу. Наверно пошел мыться к пруду.

На их удивление, отец появился не со стороны пруда, а вышел из дома. Он был в военном мундире, с георгиевскими крестами на груди. Прибежали сыновья, обняли и расцеловали отца. Жена чуть прослезилась, обняла мужа.

– У меня сегодня праздник, окончил стройку, заключил договора на новую, имею целую неделю свободную. В честь такого события дарю всем от чистого сердца подарки.

Раздав всем подарки, не забыв даже домашнюю прислугу, попросил всех через пол часа на чай в беседку.

Жена профессора, развернув пакет, увидела, красивое светло-вишневое платье с косынкой и белыми туфлями.

– Все одного цвета и все подходит мне, как будто кто-то для меня по заказу шил.

Несколько раз она прошлась по комнате, любуясь перед зеркалом.

– А ты, почему не надеваешь рубашку, надень. Ведь он просил прийти в его подарках.

– Дорогие и изящные подарки не мало стоят. За одну зарплату так много не возьмешь.

– Одевай и пошли, а то чего доброго, откажет тебе в поездке за границу. Он богат, а ты умен. Вы нужны друг другу.

Во дворе зазвонил колокольчик, известив, что стол накрыт, пора к столу.

У Галины Матвеевны были волосы шатенки с небольшим рыжеватым оттенком и голубые глаза. На ней было одето такого же цвета платье, розовато-голубого цвета туфли и шаль. На руке дорогой браслет с часами.

– Садитесь, профессор, там, где вам всего удобнее, а мы с женой присядем около вас.

Старший сын сел около отца, младший – около матери. Владимир Павлович говорил только по-украински и только, когда начинал рассказывать смешные истории, переходил на французский.

– Мне бы хотелось поговорить с вами о работе вашей жены. Я в восторге от нее, мне жалко, если ее ум и талант как ученого погаснет здесь, она должна быть там. – Профессор поднял вверх руку и пальцем показал в небо. – Дорогой Владимир Павлович, вы должны ей помочь, как инженер и любящий муж. Галина Матвеевна должна показать свою работу не только здесь, в России, но и за границей. Такие работы и операции еще никто нигде не проводит. У нее огромное количество лекарственных препаратов, которые нужны людям. Она должна защитить свою работу, а на препараты получить патенты.

– Я не привык такие вопросы решать за столом, но коль вы, профессор, их затронули, попробую вас выслушать.

Женщины хотели выйти, но Владимир Павлович упросил их остаться.

– Если это стоящее дело и моя жена подтвердит ваши слова, то я к вашим услугам.

Беседа длилась до самого вечера. В доме зажгли лампы, решили окончить разговор в доме.

– Сколько потребуется денег на опубликование ее работ? – спросил инженер у профессора.

– Такие открытия печатаются бесплатно, а вот поездка за границу и обобщение ее богатейшего труда, кое-что стоит.

– Сейчас идет война, во многих странах революции, но я попробую. Сначала нужно перевести деньги за границу в банк, потом ехать.

Лариса была самой младшей дочерью у родителей. Когда ей было семь лет, отец с матерью копали новый шурф для гончарной глины. Произошел обвал, завалило землей отца вместе с матерью, и осталась она со своими двумя сестренками сиротой.

Дед с бабой научили внучек гончарному делу. Хотя и тяжел труд гончара, но Лариса с лихвой справлялась со своей работой. Иногда в селе злые мужики говорили на нее: «Это не баба, а целая телега, мужика одолеет».

Однажды ехал их сосед сверху на арбе, лошади чего-то испугались и рванули в сторону. Перевернулась телега со снопами и придавила его. Подбежали мужики, силятся, тужатся, а телегу не могут поднять. Лариса одной рукой подняла одну сторону телеги, а второй – вытаскивала соседа. С той поры перестали к ней подходить парни, приглашать на танцы, все ее стали сторониться. Только сельский староста подошел к ней весной, похлопал по спине:

– Ты, красавица, самая главная в доме, а на каждого мужика положено две десятины земли. Дарю тебе их около твоего дома, паши и сей вместе с дедом.

Так и стала Лариса с той весны, кроме бабы-воз, еще и баба-мужик. Жили они бедно, и никто не брал ее старших сестер – кто возьмет бесприданниц. Каждое свободное время уходила Лариса на заработки, чтоб купить сестрам приданное.

Люди жалели и любили девочек. Но одно дело жалость и любовь, а другое взять в дом нищую, когда и у самих не всегда есть кусок хлеба.

Дед спросил сына: «Что женишь его на Ларисе или нет?».

– Нужно подумать. Оба здоровые, красивые. Старшие оба женаты, живут со мной и этому хватит места. Оставит ли она своих деда с бабкой. Вся домашняя работа лежит на ее плечах.

– Где он с ней познакомился, ты, отец, не спрашивал его?

– Нет, – ответил дед.

– Если на такой красавице женится, отдам в приданное половину пасеки. Я уже стар, слабею, а у них силы хоть отбавляй. У нее поле около дома, пусть сеют медовые травы, подсолнух, гречиху. Будет мед и масло, а нет, продадут гречиху на зерно.

– Поезжай, сынок, домой и возьми себе деньги, а я с внуком поговорю. У меня душа болит за него, хочу поговорить по-мужски с ним, мы понимали друг друга всегда, думаю, и здесь нет у меня ошибки.

– Полночь, отец, сейчас страшно ночью ездить, выеду утром рано. Поговоришь с ним утром, когда проснутся. Видишь, голубки спят. Дай послушать, что они во сне говорят.

– У тебя есть что-нибудь выпить, отец, что-то в горле комок стоит, – чуть позже сказал сын.

– Выпей холодной воды, он и уйдет.

– Этот не уйдет, он будет всю жизнь по пятам ходить.

– Выслушал стервец, и нужно тебе было лезть им в душу. Спят, пусть спят, нечего выслушивать их тайны. Приложил свои уши прямо к их губам.

– Не бурчи, отец, дай немного мне прийти в себя. Не может такого быть, чтоб оба видели один и тот же сон, говорили во сне об одном и том же.

– Твои дружки погубят парня и девку. Говорю тебе, уезжай домой и забудь о снах. Ты еще здоровый бугай, одолеешь троих. Берданка при тебе, чего бояться. Жена дома ждет, а ты хочешь здесь распивать водочку.

Дед налил себе и сыну, на палочку наколол гречневую галушку.

– Давай, сынок, до дна, чтоб думка была одна. Ложись на мой тулуп и спи, а я постерегу лошадей и пасеку.

Отец долго не мог уснуть: что за тоннель копали они? Почему убежали через колодезь? Откуда поплыло огромное количество ила? Почему она благодарила его за спасение, и кто погиб там под банком?

Чуть поднялась заря, дед подошел будить сына. Он чуть поднялся и испуганными глазами смотрел на отца.

– Вставай, уже утренняя заря в дорогу зовет. Что тебе приснилось, весь потный и испуганный?

– Верно, ты сказал, отец, мои дружки меня до хорошего не доведут. Нужно ехать.

– Садись, выпьем на дорогу, и скачи домой. Готовься встречать сына со снохой.

– Выпей второй стаканчик, что б забылись ночные кошмары.

Молодые проснулись только к обеду. Они удивились, что отец уехал, не простившись, а дед не разбудил.

– Выспались, мои родненькие, а я все вас караулю, когда вы проснетесь. Как хорошо и мило вы спали. А я вам нагрел воду и одежду погладил. Сходите, помойтесь теплой водой, сразу станет легче на душе. Жаль, баньки нет, она исцеляет душу.

– Деда, ты о ней плохого ничего не думай. Она клад, а не девочка.

– А я тебе ничего о ней и не говорю. Какую выбрал, такой и пользуйся.

– Не наговаривай, дед, на нее ничего плохого, она девочка чиста, как родниковая вода.

– Верно! Успею ли до свадьбы пасеку домой свезти?

– Успеешь, дедушка, мы об этом еще не говорили.

– О чем говорили? – спросила Лора.

– О нашей с тобой свадьбе. Дедушка спрашивает, выйдешь ли ты за меня замуж?

– И что ты ему ответил?

– Спрошу. Ну, как, согласна стать моей женой?

– Согласна! Но я ведь в доме самая младшая.

– Отдадим замуж старших, потом сами поженимся.

– Поздравляю, внучек, и с сегодняшнего дня дарю половину моей пасеки.

– А что я буду с ней делать, деда?

– Что и я, качать мед. Мед качать не горшки лепить. Сходи хорошенько вымойся и приходи к столу, а ты, внучка, готовь стол.

Пообедав и попрощавшись с дедом, они пошли домой.

– Вася, а знаешь, что нас ждет дома?

– Мой отец с матерью.

– Да я не об этом. Начался сбор меда, пошла клубника и малина. Нужны не только горшки, но и макитры. Придется нам эту ночь не спать, а таскать из ямы глину для горшков.

– Согласен, милая, вот мой дом, смотри, бежит Бобик встречать меня. Берем ведра, фонари. Я лезу копать, а ты вытаскиваешь.

К утру такую же гору глины вытащили из ямы Ларисы. Помылись в их бане и полезли на сеновал спать.

Утром дед с бабой подняли внучат, чтоб накопать глины, а ее наверху целая куча. Заглянули на сеновал, а там ночные работники спят. Не стали будить, а стали к обеду готовить пельмени.

Внучка обрадовала дела с бабкой своим возвращением, а старшая сестра Люба все свободное время посматривала в зеркало и пела песни.

Заработанные деньги Лариса отдавала ей для покупки приданного, а ее жених обещал ей и ее мужу срубить новый дом.

Дед с бабой принимали сватов, а Василий с Ларисой подавали на стол. Сват со свахой торопились со свадьбой.

Скоро придет жатва, а в доме не хватает рук убирать такой богатый урожай.

Строили не только дом молодоженам Василий с Ларисой, но и себе. Иногда приезжали старшие братья с отцом помогать строить. Брали на дом только дубовый лес, отвозили на пиломатериал, пилили на доски.

Гречиха в поле отцвела, и дед Василий привез пашку к дому внука. В свободное от пашки время делал внуку окна, двери.

До осенних дождей спешили накрыть дом. Делали черепицу и коньки.

Часто дед упрекал внука за лишний труд, возьми, мол, мои деньги, купи железа и накрой крышу.

– Хочу, деда, все своими руками сделать. Железо нужно красить, а где столько возьмешь денег. А черепица простоит целый век. Лишь бы крыша под ней была из крепкого дерева.

Построили новый сарай и мастерскую с печкой для обжого горшков. Всех своих товарищей приглашал Василий на стройку.

– Что будешь, Вася, делать, когда деньги кончатся? – спрашивал его дед, приходя к нему на стройку.

– Как и все в деревне, есть картофель с салом. Нынче картофель будет хороший, а в сарае у Ларисы осталось три свиньи. До нового заработка не помрем.

Дед имел в виду не его стройку, а его братьев. Его старшие братья Хома и Никифор стали в свободное время ездить в лес. Раньше возили дрова, а нынче – деловой строительный лес.

Как Вася отстроится, говорил Хома, так и я начну себе новый дом строить. А с отцом останется жить Никифор. Тесно становится в доме отца. У Никифора шестеро и моя с четвертым еле ходит, скоро будет рожать. Пора кому-то покидать родной дом. Строить буду рядом около отца.

В доме справляли новоселье, приехали все родственники Василия и Ларисы. Дом был со светлицей и двумя спальнями. На дубовом столе постелили огромную длинную скатерть, поставили скамейки и сели за стол.

Молодые наливали всем полные стаканы, и гости выпив, не успевали их поставить, как их снова наполняли.

– Не спеши, Вася, мы пришли не напиться и наесться. Слава богу, это и у нас есть. Лучше скажи, мне дорогая племянница, ты с Василием живешь, уже дом построили, а когда ваша свадьба. Без божьего благословения счастья не будет.

– Не обижайтесь на меня, деда, я еще не согрешила, просто с моим будущим мужем договорились отдать сестер замуж, потом поженимся сами.

– Значит свадьба осенью.

– Да, дорогой деда, она уже приближается. Дай бог нам все успеть сделать по дому, а потом подумать о свадьбе.

II ПОКУШЕНИЕ

От села Мелашки до хутора Фугли рукой подать. Капитан и атаман казачьей сотни Фуголь Леонид справлял рождение сына Якова.

Сегодня в хутор Фугли приехали все родственники атамана и его жены по третьему колению, а также знаменитые люди из ближних сел и хуторов, а также самые богатые люди округа.

Дальняя родственница, врач Галина Матвеевна приехала со своими сыновьями увидеть племяншек своего мужа.

Леня подошел к бричке, на которой они приехали, снял мальчишек, поцеловал и передал их деду Луке. Они долго стояли в обнимку и у обоих текли слезы по щекам.

Старый воин Леонид, полный Георгиевский кавалер, участник сражения на Балканах готовился к новым походам. Он взял Галю под руку и пошел с ней вдоль пруда. Эту землю подарила ему царица за ее спасение.

Первая Миргородская сотня прибыла в Петербург. Он был представлен во дворце со своей сотней великому князю Романову Николаю Николаевичу.

Леонид понравился Николаю Николаевичу, и они часто выезжали тайком без дворцовой свиты на охоту и загородную прогулку.

– Твой дед служил при дворе, когда я был мальчишкой. Он учил меня верховой езде, и стрелять из винтовки и пистолета. Мы часто плавали на Неве. Жаль, что при дворцовом перевороте он погиб. В благодарность за его преданность один из старших сыновей вашего рода служит со своей сотней при дворце.

– А как поживает ваш отец?

– Хорошо, ваше величество.

– Зови, Николаем Николаевичем, так безопаснее будет нам на прогулке. Люблю иногда побродить по городу. Но с каждым днем все меньше становится преданных людей. Многие усердствуют, бьют челом, низко кланяются, а за спиной иногда такое скажут, грех повторить.

– Проявите строгость, Николай Николаевич.

– Пытался в свое время Александр II, царство ему небесное, это сделать, но к чему это привело – сам погиб. Казнили!!!

– Нужны реформы, а мы все их тянем, чего-то боимся. И я стал бояться за престол нашего императора и самодержавия.

– Возьми, Леня, газету «Русский инвалид» и давай посидим около Петра Великого. Люблю почитать на прогулке. Это наша газета, но в ней много хвальбы, здесь русскую жизнь не узнаешь. О русской жизни нужно читать в земских и губернских газетах.

– Вон видишь, Леня, газетка на земле лежит? – Это, наверняка антигосударственная газета, кто-то из наших друзей читал, но выбросил, побоялся попасть с ней на глаза полиции. Принеси, Леня, прочтем, что там сегодня о нас пишут.

– Что, вы, ваше величество.

– Не величество, а Николай Николаевич. Твоя ошибка может стоить мне головы. Мы хорошо ладим с твоим отцом, он всегда громко меня звал: «Пидийды сюды Мыколо».

Рыбаки в Чистых прудах, где мы с твоим отцом иногда рыбачили, говорили: «Мыколо уже соображает». Твой отец не пил и не курил, а ты как?

– Я тоже.

– Это хорошо. Еще два дня ты мой, потом пойдешь служить к герцогине Алисе.

– А кто она и где придется служить?

– Она англичанка. Очень строгая, но справедливая. Она в твоём вкусе, Леня.

– Но я плохо говорю по-английски. Лучше дайте немку-баронессу или француженку.

– Забыл наш род, Леня, или притворяешься.

Сотник вскочил.

– Я ваше...

– Замолчи, садовая твоя голова! Садись!

– Прошу извинения. Согласен, за такую честь, верой и правдой буду служить Отечеству.

Николай Николаевич приложил пальцы к его губам.

– Я тебе ничего не говорил, придет время – тебе скажут, кому это положено. Но будь к этому готов.

– А сейчас поедem к князю Михаилу Николаевичу. Александре Федоровне рекомендовал тебя не я, а князь Михаил. Вот почему нам нужно быть сегодня у него.

В доме князя Михаила ждали сотники.

Около дома их встретил архимандрит Феофан и Анна Вырубова.

Она весело поздоровалась с Великим князем, сделав ему маленький поклон и поздоровалась за ручку, а он ее поцеловал.

– Это ваш любимец, Николай Николаевич.

– Не только мой, а моего отца и деда. Все их предки охраняли царские покои.

– Я слышала об Миргородской казацкой сотни, но никогда не видела их так близко.

– Надеюсь, мы станем друзьями, отныне вы будете сопровождать меня и Александру Федоровну. Она вас примет завтра. А сегодня разместите своих казаков в конюшнях царского двора. Такова воля царицы.

– Согласен охранять вас и царицу, но что бы привести к вам мою сотню нужно согласие князя Андроникова. Я подчиняюсь ему и министру Коновцеву.

– Поставьте всех в известность, и я у ваших ног.

– Нас приглашают, Николай Николаевич, за стол.

– А вы почему не пьете, сотник, нет на столе вашей любимой выпивки?

– Спасибо, я не пью.

– Принесите для сотника вишневки. У меня она приготовлена для вас. Спрашивала ваших казаков, что вы любите.

– Не забудьте с вишневкой гречневых галушек.

– Аннушка, ты споишь гостя, и завтра вам придется отложить встречу с царицей.

– Николай Николаевич, еще две рюмочки и чашку вареников и его отдам вам.

– Вы играете, сотник, в карты?

– Играю.

– Согласна в паре с сотником, вы не возражаете?

– Вы довольно хорошо играете, сотник, у кого учились?

– Моим учителем была долгая зимняя ночь. В деревне женщины прядут и вяжут по вечерам, а мы, мужики, мнем коноплю, пьем водку и играем в карты. Любимым развлечением была игра в жмурки. Одному из игроков завязывают глаза, кого он поймает с завязанными глазами, должен целовать.

– А если мужик мужика или баба бабу схватила?

– Обнимаются. Пойманному завязывают глаза и игра продолжается.

– Аннушка, пойдem.

- Если, вы, князь настаиваете, я согласна, но это не в мою пользу, у меня нет напарника.
- Позовите графиню, Аннушка, пусть составит она нам компанию.

Все весело смеются. Вырубова схватила сотника за подол и весело закричала:

- Милый Николай Николаевич, подайте стул, я эту мачту хочу поцеловать.

Графиня ставит стул около сотника, Аннушка поднимается на стул, обнимает кудрявую голову сотника и целует.

Сотник от поцелуя покраснел, а Аннушка кричит: «Посмотрите, он у нас еще девушка». Завязывает глаза и убегает от него.

Графиня наливает бокалы и подносит играющим.

Сотнику налила полный, встала на стул, поцеловала и дала в руки бокал.

Вырубова смеется: «Целоваться он умеет, а пить не научился».

- У меня научится пить. Пей, а то велю снять голову.

- За свою голову я согласен, хоть ведро выпить, дорогая графиня.

Женщины считают, за сколько секунд он выпьет и приговаривают: «Пей до дна, чтоб думка была одна».

Аннушка подает графине закуску, та кормит сотника и приговаривает. Пил до дна и съешь до дна. Вытирает рот и нос, тот морщится, старается вырваться, но левая рука графини крепко вцепилась в волосы, поворачивает ему голову и прыгает ему на спину. А ну мой ослик, поехали к столу.

Сотник везет на себе всадницу, держит в руке стул. Ставит стул около подноса с бокалами, берет на руки графиню и садит ее на стул.

- Сегодня мы весело провели время, спасибо за приглашение. Давно так не веселились.

- Через недельку, дорогой князь, жду снова со своим сотником в гости.

– Второго раза не будет, графиня. С завтрашнего дня он личный телохранитель царицы Александры Федоровны.

– Прекрасно, даже очень хорошо, а я ее пригласила к себе, как и вас. Александра Федорвна умеет подбирать себе хранителей, такого и я не прочь иметь.

Все смеются. Сотник чуть отошел от стола и упал на диван.

- Пусть поспит немного, а мы прогуляемся.

Служанка пришла убирать со стола, а гости с хозяйкой дома пошли во второй зал дворца. Убрав со стола, служанка подошла к Леониду, сняла сапоги, подложила под голову подушку, рядом на стуле положила шашку.

– Кто он такой молоденький, как попал сюда? На радость или беду. У царицы служить не пиво пить, можно и голову потерять.

Сотник проснулся, около него сидела служанка, чуть дальше от нее стояли оба князя Николай и Михаил.

– Проснулся, голубчик. Это хорошо, спал ты долго и крепко. Спишь тихо, не сопишь и не бурчишь во сне. Умывайся.

Служанка подносит чашку. Сотник умывается.

– Садись за стол, немного подлечишься, и поедем домой. Завтра у тебя тяжелый день. Если скажет царица-матушка что хорош, быть тебе при ее покоях, а нет, будешь служить при мне, – сказал Николай Николаевич.

– При вас, князь, – низко кланяется ему сотник, – хоть в грязь. Не пожалею своей жизни за вас.

– Знаю. Постарайся понравиться ей. Мне ты там нужнее, а не около меня. Царица-матушка помнит твоего отца, и рада будет видеть тебя около себя. Будешь охранять ее, и развлекать домашнюю прислугу. Будь осторожен, не лезь в любовные игры ни с кем из придворной челяди. За такой промах лишишься головы. Но уши и глаза держи востро.

Царице доложили о прибытии сотника. В это время она читала царевичу Алексею сказки. Рядом со сказками лежала открытая толстая книга.

Ввели в покои царевны Леонида.

– Ваше величество, по вашему приказанию прибыл сотник Фуголь.

– Ты похож на отца, сотник, и я рада видеть его сына рядом со мной. Много лет тому назад твой отец спас жизнь императрицы Марии Федоровны, мать моего мужа императора и самодержавца Всероссийского царя польского, Великого князя финляндского.

С сегодняшнего дня ты будешь находиться здесь в царском селе, Александровском дворце. Будешь сопровождать меня и моих детей на прогулку, охранять наш покой.

– Покорно благодарю, Ваше Величество.

– Это не все. Об остальном расскажет тебе князь Михаил, он примет тебя через час.

Александру Федоровну позвали, и она вышла на минутку.

Леониду стало не по себе, он не знал, что делать, как повести себя с наследником царя и его сестрами.

– А вы умеете рассказывать сказки? – спросил царевич.

– Матушка с вами говорила только по-французски, а вы на каком языке желаете слушать сказки?

– Дочитай!

Царевна подняла книгу и подала сотнику. Прочитал несколько сказок, его остановили.

– А рассказывать можешь?

– Могу.

Сотник рассказывал одну за другой сказки, а царевич смеялся со своими сестрами и хлопал в ладоши. Он услышал, как сзади засмеялась царица.

– Извините, Ваше Величество, я только немного расслабился, с ними так интересно, умеют хорошо слушать подзадоривать.

– Это вы, хороший рассказчик. Коль вы так быстро познакомились, можете пойти во двор прогуляться по саду, до прихода князя.

Через час прибыл князь. Он весело похлопал сотника по спине и проговорил: «Терпи казак, атаманом будешь. Первый бой выдержал, но тебе предстоит еще много испытать сладостных и горьких минут. Царица волевая и властная, не любит расхлябанности и своеволия. Подчиняйся ей во всем. Чем ниже будешь гнуть спину, тем шире со временем расправишь плечи».

Князь не только рассказал о работе, но и дал листок с распределением его обязанностей, отпечатанный на машинке.

– Не многовато на одного, князь, и сумею ли это выполнить.

– Постарайся, голубчик.

Сотник был занят целыми днями. Александра Федоровна отпускала его только на плац, где проходили обучение его казаки.

Во дворец казаки завозили уголь, пилили и кололи дрова. Ежедневно приходило несколько человек. Леонид не успевал следить за тем, кто из его казаков был послан во дворец.

Несколько раз он заметил незнакомых казаков около сложенных на просушку дров. Увидев его, казаки скрылись. Проверив у себя, кто из казаков был во дворце, по списку никого не направляли.

В это время пришел Великий князь Николай Николаевич и сотник рассказал ему о подозрительных казаках-дровосеках.

Через час он повстречался с царицей, встал перед ней на колени и рассказал о своем подозрении.

– Не бойся, сотник, стража сюда ни одного постороннего не пропустит, будь спокоен. А за бдительность спасибо.

Не удовлетворившись ответами Великого князя и царицы, сотник пошел к графу Дрогомирову.

– Что вам нужно, сотник.

– Я к вам с просьбой, граф, не могли ли вы мне дать список моих казаков, которые работали эту неделю на угольном и дровяном складе.

– Возьми журнал учета, там все твои есть. Найдешь кого нужно.

Сверив список свой со списком графа, все сходится, чужих нет. Но кто такие ушедшие? – Эта мысль волновала его.

На второй день казаки зорко следили за складами, не появятся ли чужие снова. На третий день их заметили.

Казаки работали на своем месте, весело шутили, иногда подходили к незнакомцам перекурить и уходили. Со стороны другие казаки вели за ними наблюдение. Вечером вышли они вместе с казаками за ворота. Дальше их проводил молодой парень, потом играющие дети и полицейский, стоявший на улице. Они жили в доме, где собирались анархисты и эсеры.

О своем наблюдении сотник доложил царице. Та молча выслушала его и сказала: «Занимайся, голубчик, своим делом, а ими займется охранка».

Было воскресенье, царская семья вернулась из церкви и решила прогуляться. Во дворце были только придворные и наружная охрана.

Леонид вышел на несколько минут на дорогу, по которой должен пройти государь, он заметил на том же месте двоих подозрительных. Он остановился за углом склада, присел на пенек и запел песню.

Государь прошел со своей семьей в окружении свиты, а сотник еще постоял несколько минут и пошел вслед за ними.

За углом улицы Святого Ангела в тупиковом переулке номер 3 жили шесть студентов. Они снимали две большие квартиры в доме вдовы – владелицы постоянного двора. В дом можно войти с парадного входа с улицы Святого Ангела и с черного входа тупикового переулка. Студенты пользовались свободно тем и другим входом. Хозяйка потеряв однажды ключи, попросила студентов изготовить вторую связку ключей вместо утерянной. Ковальский целую неделю потратил, чтобы изготовить их. На всякий случай он изготовил еще два набора ключей. Теперь они могли входить и выходить из дома, не тревожа хозяйку. Покушение на царскую семью они обдумывали уже несколько месяцев.

Каждое воскресенье студенты ездили из Петербурга в Царское село отдохнуть на природе. Началась в Александровском дворце заготовка дров. Купив два казачьих костюма и познакомившись с охраной топливного сарая, они ходили рубить дрова. Охрана привыкла к усердно работающим казакам, перестала обращать на них внимание. Среди всех казаков выделялись двое, они всегда были возле склада, далеко не уходили и больше всех кололи дрова.

Василий Панасенко, несший службу около сарая, часто делился тютюном с усердно работающими казаками.

Изредка они подходили к клумбам, где отдыхал император и сидел на скамейке. Брали иногда веники и подметали до самого дворца, иногда вместе курили с солдатами у караула. После работы, здесь же на виду у всех умывались по пояс, обливали друг друга холодной водой и уходили. Скоро к ним привыкли и стали называть по именам.

«Вася, давай закурим»!

Вася вынимал тютюн из-за широкого пояса и угощал.

– Курите, хлопцы, у меня ще табак есть, сегодня скурим сумочку, завтра насыплю другую.

А казак Гриша со своими сослуживцами иногда прикидывался дурачком, иногда играли на деньги. Так Григорий всегда проигрывал и уходил домой с пустыми карманами. Заканчивая играть, солдаты смеялись над Гришей и говорили: «Завтра отыграешься, не будешь дураком». Но на второй день все повторялось по старому.

Василий часто смеялся с Григория: «Ты чудака, Гриша, в игорном доме ты лучший игрок, а здесь проигрываешь чуть ли не шаровары».

– Успокойся Гриша, это я их приручаю, когда привыкнут к нам, тогда мы сможем принести оружие и спрятать его здесь среди дров. Нам нужно узнать по каким дням и часам отдыхает здесь наш император. Тогда мы сможем его прикончить, может, пристрелим, а может, взорвем. На постоялом дворе составили план покушения, начертили карту Александровского дворца с прилегающими постройками.

Двое исполняют план покушения, двое стоят на карауле, двое держат лошадей на случай побега.

На какой скамейке чаще всего отдыхает царская семья, там надо было и заложить взрывчатку. Взрывчатка была готова, нужно только осуществить план покушения.

Часто приглашали в гости своих товарищей, делая вид, что все шесть человек дома. Хозяйка дома хвалилась перед своими знакомыми, что ее молодые постояльцы никуда не ходят, а усердно учатся, сидят вечерами дома и читают.

На улице и в переулке было огромное количество студентов. В субботу и воскресенье, в другие свободные от учебы дни студенты до поздней ночи толкались на улице, пели песни и танцевали на булыжной мостовой.

Квартиранты с постоялого двора редко выходили на улицу, и то если появлялись, уходили далеко на Набережную, где их никто не знал.

Царское село далековато от города и все делалось так, чтобы хозяйка в случае провала могла сказать, что они были дома.

Давно была проложена в земле веревочка, за которую должны были дернуть, и произойдет взрыв. Оставалось зарыть около скамейки взрывное устройство и привязать к нему эту веревочку.

Убежать собирались во время шумихи, когда народ сбежится к месту взрыва.

В субботу было жарко, сильно палило солнце. Подбежав к скамейке, Василий вырыл ямку, а Гриша вложил в нее взрывное устройство. Привязав к взрывателю веревочку, осторожно засыпал землей, положил дерн на место, припорошил сверху сухой землей. Порубили еще часик дрова, и ушли домой.

– Боюсь, Вася, не работает.

– Сработает, Гриша. Две испытывали – сработали. И эта сработает.

– В понедельник все решится, нужно быть готовым к худшему. Не сработает, стреляем. Последний патрон оставляем для себя. А в случае удачи, мы всегда дома.

– Хорошо придумал, Евгений, надо проработать ответы на случай допроса: где были и что делали.

Не дождавшись ни от кого помощи по поводу выявления неизвестных казаков, сотник разработал свой план. Неизвестные появляются тогда, когда его здесь нет. Приходят и уходят свободно, значит, их знают в лицо. Попробую я их выследить, решил сотник.

В субботу утром он приводит своих казаков в угольный склад, а двоих тайком на дровяной. Спрятав их так, что бы они могли хорошо видеть вокруг, он увел остальных после окончания работы. Через час после их ухода, появляется князь Михаил Николаевич.

– Как дела, сотник?

– Хорошо, Михаил Николаевич, все сделал, как условились. Осталось нам пройти с его превосходительством по тем местам, где он всегда отдыхает, и сесть в беседке сада.

– Вы уверены, что они клюнут на нашу приманку?

– Уже клюнули! Взрывное устройство и винтовки лежат под поленьями, осталось только расставить все по своим местам.

– И ты не побоялся оставить на месте это смертельное оружие?

– Взрывное оружие не срабатывает, я вынул взрыватель и порох, винтовки не выстрелят, патроны сувенирные.

Наступил полдник, все сели пить чай. Князя Михаил и Николай Николаевичи стоят около окна и смотрят во двор. По двору прошелся сотник и присел на скамейку.

Попросив извинения у Александры Федоровны, оба князя вышли.

– Почему они ушли? – спросил Николай у жены.

– У нашего сотника появилась мания преследования. Он говорит, что на нас готовится покушение. Они пошли его бред слушать.

– Он сын преданных нам людей и все то, что он говорит, нужно принимать за чистую монету, а не превращать в детскую игру.

– Я передала его разговор начальнику охраны.

– И что они ответили?

– Что усилили наряды и ведут наблюдение. Вернется Великий князь, он все нам расскажет.

Царица подходит к окну, смотрит на улицу. Звонит колокольчик, будут подавать на стол.

– Ну что там у вас за тайны, Николай Николаевич? Сотник радость принес или огорчение?

– И то и другое. В понедельник все решится.

– А почему не завтра?

– Завтра выходной день и у убийц.

В понедельник вся царская семья вышла во двор на прогулку. Первой парой пошли Великие князя Николай Николаевич и Михаил Николаевич. За ними сотник со своими казаками.

Закончив работу, казаки ушли, оба князя, сотник и начальник охраны сели играть в домино. Царь с царицей прошлись по аллеям сада, поиграли на лужайке с детьми, сели отдыхать.

– Дергай, Вася, в карауле стоит один солдат, никого во дворе нет. Успеем убежать.

Дергает за веревку, все тихо. Второй, третий... Веребочка оборвалась и конец оказался в руке Василия. Схватили винтовки, взвели курок, и тут почувствовали, как в спины вошли кончики штыков.

Василий выхватил нож, но стоявший справа солдат ударил по руке, и нож выпал. Григорий бросился на солдата, но крепкие руки обхватили его тело, двигаться он уже не мог.

К арестованным подошли начальник охраны и сотник. Подъехала карета и увезла преступников в городскую тюрьму.

Великий князь подошел к Николаю II. Дочитывая «Русский инвалид», Всероссийский государь попросил извинения: «Извините, сударь, я дочитаю до конца».

Положив газету на колени, он посмотрел вслед за уезжающей каретой.

– Ну, с чем обрадуете меня, вы просили сегодня не менять маршрут моей прогулки, теперь я могу любимым делом заняться.

Подошел сотник, снял дерн около скамейки и извлек оболочку взрывного устройства, с длинной шелковой веревочкой.

– Что это такое? – спросил государь.

– Кусок железа, – ответил сотник.

Царь встал, подошла царица, посмотрела на императора и самодержавца, все поняла. Свершилось то, о чем предупреждал сотник.

Она вернулась к детям и пошла во дворец. Вслед за ней и детьми шли Николай II и князь.

– Когда это должно было свершиться? – спросила царица у подошедших к ней спутников.

– Полчаса тому назад, – ответил князь.

– Наградите сотника и дайте отпуск, скоро у его младшего сына день рождения. Приезд отца – это самый дорогой подарок для семьи. Издайте указ, дорогой сударь, что хутор Фугли отныне принадлежит ему.

– Великий князь, когда будете провожать домой сотника, зайдите ко мне, я отблагодарю его за наше спасение.

Галина Матвеевна спросила Леонида: «А что случилось с теми, кто покушался на жизнь нашего императора?»

С миной в руках, вырытой на глазах у императора, я подошел к князю Андроникову, он взял ее в руки, чуть подбросив вверх, сказал: «Я прикажу изготовить из этого железа кольца и украшу драгоценными камнями, на бирже продадим, вырученные деньги отдадим на постройку церкви.

Только он это сказал, мы услышали огромный взрыв. Вскочив на лошадей, мы поехали к месту взрыва. Люди, кареты, лошади – все было уничтожено.

Солдаты целый день искали заговорщиков. Вечером они ворвались в квартиру, где они жили. Хозяйка ответила, что целый день они были дома, а вечером дали ей полный расчет за квартиру и уехали.

По документам таких людей в городе не проживало, студентов тоже не было. Спрашивали по всей улице о них, никто их не знал. Каждый отвечал, что они вели замкнутый образ жизни.

– Теперь дело за полицией, я свое дело сделал, а их дело искать остальных соучастников.

– Это безумцы, они идут на все, лишь бы достичь своей цели.

– Теперь твой хутор, Леня, и поздравляю тебя с наградой от всего сердца. Надолго дома останешься или нет?

– Государыня велела к осеннему Николаю быть во дворце. Пошли, Галина Матвеевна, нас ждут гости.

К сотнику подошла жена Оля, она была одета в платье, подаренное ей самой царицей, на руках были золотые кольца. Из них один был простой железный перстень, красиво обделанный драгоценными камнями.

Самым последним приехал еврей из Лохвицы, он подошел, к Якову поздоровался, поцеловал руку жены. Посмотрел на украшения Ольги Дмитриевны, сказал: «Какая, вы, сегодня нарядная. Один только ваш мизинец стоит ваш хутор. Кольцо металлическое, но оправка на нем – это целое состояние. Если не против, в честь сегодняшнего дня именин вашего сына и приезда вашего мужа, я всю оправку вам в подарок посажу на ваше обручальное кольцо. Ему не будет цены».

– Соглашайся, Оля, – сказала Галина Матвеевна.

Столы поставили на берегу пруда, здесь же повара готовили все на стол.

Сестра сотника, Мария, пригласила гостей за стол. Сестра Ярина запела песню, ее подхватили другие. Кузнец Никифор играл без отдыха на гармошке. Жена Мотря все время не отходила от него. Хороший он был кузнец и гармонист. Пил редко, но если попадало выпить, пил безотказно и останавливался только дня через два. Ночью не давал никому покоя, он не буянил, не сквернословил, а играл всю ночь жалобные песни. Иногда надоедала его музыка жене, она выходила на улицу, садилась на скамейку около дома. Соседи, слушая, как Никифор поет и играет жалобные песни, потихоньку подходили к их дому, облокотившись на тын, а некоторые садились на землю в садочке и слушали его песни.

На другой день болел после ночной попойки, брал гармонь, шел играть во двор своим хуторянам, те за его песни выносили ему сто граммов. Никифор благодарил и уходил петь к другому дому.

Мотря просила тамаду, чтоб он лишнего не давал, пусть пьет как все. Завтра не сможет играть.

Гармонист не дождавшись водки в такт гармошке начал петь: «Что-то в горле дыринчит, нужно горло промочить». Иногда жена кивала головой, давая знак, что ему можно выпить. Выпив рюмочку, Никифор начинал играть гопак и исполнять танец, хорошо выбивал чечетку ногами, на полусогнутых ногах выделявал разные кренделя. Лучше никто не умет в хуторе танцевать гопак.

Женщины иногда смеялись над Мотрей: зачем ходишь за ним по пятам. Мужик и есть мужик, если захочет, найдет водки и без тебя.

На это Мотря отвечала: «Бог береженного бережет, сегодня не напьется, завтра здоровее будет».

Женщины уходили доить коров. Уже пастух пригнал с луга коров, пора домой. Мотря взяла мужа под руку, поблагодарила за приглашение хозяина и хозяйку дома, пошла доить коров.

На второй день, выгнав коров пастись, Мотря позвала мужа, пошла с ним накрывать стол. Леонид был самым старшим сыном, и все праздники любил справлять со своими братьями и сестрами в своем доме, приглашая к себе родителей мужей его сестер и сестриных мужей родителей.

Стариков сажали за стол на самое почетное место и первым подавали. На второй день мало пили, больше пели песни, а когда колокол известил, что пришел полдник, самые близкие родственники приглашали друг друга к себе.

Через полчаса, убрав все со стола, сотник пошел в гости к своей старшей сестре. По закону гостеприимства он должен посетить в этот день троих. На третий день собрались снова у Леонида. Перед уходом гостей Леонид объявил: «Если будем живы, просим на следующий год быть у меня снова».

Пришел попрощаться и дед Василий со своим сыном, они привезли с собой жениха.

– Прощай, Леонид, может, не доживу до следующего года, не поминай лихом. Я знакомил тебя с моим внуком, он тебе понравился. Приглашаю тебя на свадьбу со всей семьей. Времена, Леня, тревожные, можем и не свидеться, приедут все наши, посидим еще разок и поговорим по душам.

Соскучился по людям, одичал в одиночестве около пасеки. Привозите с собой стариков, дай мне, старому, душу отвести, вспомним о нашей прошедшей молодости.

III СНОВА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Уезжая со свадьбы и покидая деда Василия, сотник расстроился. На Западе шла война, его звали в Царское село, и царица Александра Федоровна велела захватить с собою знаменитого врача Полтавской губернии Галину Матвеевну.

В доме все было готово к отъезду. О том, что Галину Матвеевну приглашают, уже известили ее мужа. Только об этом не знала сама хозяйка дома. За столом Василий Павлович в присутствии гостей рассказал жене, каким путем они поедут за границу.

– Еще одно письмо пришло из Петербурга, тебя просят прочитать доклад о достижениях современной хирургии и применение змеиного яда при некоторых заболеваниях человека, – сказал он, прочитав содержимое письма, положил его перед женой.

– А вот письмо от самой Императрицы Александры Федоровны. «Как хорошего врача и смелого экспериментатора, владеющего гипнозом, прошу по прибытии в Петербург посетить Царское село. Александра Федоровна.»

Галя, душа моя, теперь тебя знают везде. Твои труды ценятся, люди хотят увидеть и услышать от тебя то, о чем ты пишешь, над чем работала целые годы в дали от меня. Хоть я и муж тебе, но не постесняюсь признаться, что я мало знаю свою жену, мало уделял ей внимания, любви и ласки.

– Ты хорошо рекламировал меня в последние месяцы. Мои последние опыты ты сумел отпечатать в Берлине, Берне, Париже, Лондоне. Медицинский вестник Польши половину своих страниц посвятил моим исследованиям в области психологических заболеваний и их лечению гипнозом.

– Александра Федоровна хочет, чтобы ты осмотрела ее сына Алексея.

– Он обречен, мои знания бессильны перед гемофилией. Я только могу математически подсчитать, у кого будет проявляться эта болезнь. Девочки умирают в утробе матери с этой болезнью, а мальчики доживают до юношеского возраста, потом и они уходят в иной мир. Сказав ей правду, я ее этим огорчу, а соврать, как врач, не имею права.

– Дай ей хоть надежду, что сын будет жить.

– Наследнику престола нужно быть здоровым. Чем здоровей, умней, сильнее правитель народа, тем сильнее будет его народ. Больной правитель – больное государство, несчастный народ. Его болезни передаются народу, и от этого народ страдает, – ответила Галина на просьбу Леонида.

Царица встретила Галину с объятиями. Она подошла к стоящей перед ней на коленях Галине Матвеевне, хотела ее поднять, та попросила разрешить поцеловать ей руки. Она подала ей руки. Дав ей несколько раз их поцеловать, Александра Федоровна подняла свою гостью, расцеловала и повела в детскую, где сидел царевич. Уже второй день он был болен и врач Боткин поил его «цветами востока», на столе стояли флаконы «эссенция черного лотоса», «тибетский эликсир». Царевич капризничал и не хотел принимать лекарство.

– Оставьте, коллега, своего больного в покое, кризис болезни прошел, завтра он будет здоров и весел. Вы все сделали, что могли. Во всем божья воля.

Евгений Боткин вздрогнул, хотя слова были сказаны по латыни, но он понял, что они с новоприбывшей знаменитостью одного мнения. Все зависит от божьей воли. И если что-то случится с царевичем, они ни единого плохого слова не сказали против него. Она честный врач.

Царица слушала незнакомые слова, выходившие из уст женщины, матери, врача, которую она так хорошо встретила.

– Помогите мне, – обратилась она по-русски к Боткину.

Они приподняли царевича, поправили постель и выше подняли голову.

– Извините, Ваше Величество, прошу меня оставить одну с наследником престола. Вы владеете тайнами государства, а я маленький врач, имею свои медицинские тайны. Вы не против, царевич, чтоб мы остались одни? Галина Матвеевна подняла левую ладонь над головой царевича, потом провела ею по телу. Царевич улыбнулся матери, приложив пальцы к губам, моргнув глазами, тихо сказал: «Мне, мама, хорошо, можешь идти».

Лекарь пропустил перед собой царицу и вышел вслед за ней.

Галина Матвеевна вышла из детской, царица встала со стула и подошла к ней.

– Вы врач, а врач должен говорить правду. Чем болен мой сын и будет ли он когда-нибудь здоров?

Царица задала вопрос Галине Матвеевне, и сама его испугалась.

– В вашем роду такой болезнью болели герцоги Гессенские, ваш отец был здоров, ему не передалась эта болезнь от деда, а вот дед ваш болел.

Царица не помнила никакого деда, который бы болел, и отец о нем ей не рассказывал.

– Галина Матвеевна, простите за мою царскую нескромность, я мать и моя душа болит за здоровье моего сына, вы вините моих предков в болезни моего сына – это так?!!

– Вы совершенно правильно меня поняли. Много лет тому назад меня отдавали замуж за миргородского купца. Это был красивый, здоровый парень, за которым бегали все городские девушки, причем богатый и знаменитый. Моя мать была в то время уже знаменитая в области болезней, передающихся по наследству от родителей к детям. Ее теорию приняли врачи в Швейцарии, Англии, а вот дома ее называли чудачкой и сумасшедшей. Она выгнала сватов из

дома, хотя жених мне был люб. Я долго плакала, а отец целый месяц не был дома, ушел жить к сестре. Когда я успокоилась, стала с прежней нежностью разговаривать, она поговорила со мной, не как мать, а как врач с врачом.

Мой жених на вторую неделю засватал еще красивее девочку, чем я, очень богатую и образованную. На второй день после сватовства мать пошла к дому невесты и поговорила о судьбе, о ее будущем с ее родителями. Родители выслушали мою мать очень вежливо, угостили чаем. При расставании отец невесты – тоже врач – сказал матери: «Я врач и ничего не вижу дурного в их браке».

Мать не извинялась за свое не корректное вторжение в судьбу их дочери.

– Хотя вы и врач, дорогой Матвей Павлович, я оставляю вам письмо, распечатаете его тогда, когда вы убедитесь, что вы не правы. Второе – такого же содержания – хранится у меня дома.

Несколько лет тому назад на чердаке дома, где жила когда-то моя мать, новые хозяева нашли дневники матери и медицинские книги, там я нашла письмо, адресованное бывшему моему жениху. В нем описывалась болезнь вашего сына и болезнь богов. Этой болезнью в нашей деревне, где я родилась, болеют многие. Она сильно проявляется при кровосмешении. Десятки и сотни лет она может спать у человека и стоит только, когда-нибудь кому-то пожениться на родственнице, как она просыпается. Снова все потомство болеет этой болезнью.

Я стала интересоваться болезнями выдающихся людей мира, а особенно монархами. Спирасалась с придворными врачами, священниками, в церкви которых они венчались.

В одной из записей я нашла болезнь вашего сына у многих ваших родственников. К несчастью, в этом мире мало принцев и принцесс. Произошло родственное кровосмешение и вот результат. То, что я вам рассказываю, написано в книге, которая лежит в сумке вашего врача. Она написана очень простым языком, не для врача, а любителей медицинских знаний. Возьмите книгу и прочтите, вы убедитесь, Боткин все делает, чтоб ваш сын был здоров. Царевич Алексей спит, разрешите и вас осмотреть, вам тоже нужен отдых. Через два часа вы оба будете в хорошем настроении.

Через два часа поднялась царица, она услышала, как весело смеялся у ее двери царевич Алексей. С царевичем и ее дочерьми весело разговаривали сотник и Галина Матвеевна. Царица подошла к детям веселая и сияющая. Девочки пригласили пройтись.

Боткин посмотрел вслед уходящей Галине Матвеевне, ее провожала царица, держа в руках его настольную книгу.

То, что в ней писалось для ознакомления с медициной, дало ему большой скачок в жизни. Он завидовал тем врачам, которые могли говорить о болезнях детским языком. Этот язык понимали все взрослые.

Целый месяц у царицы и царевича было хорошее настроение. Учителя и няни рассказывали друг другу, как царевич делает хорошие успехи в учебе.

Посол Англии передал Александре Федоровне письмо английского общества медиков, они просили отпустить почетного члена Английского общества медиков Галину Матвеевну

– И чего у них нет там на родине в Англии и обществе и академии, все просят только тех людей, которые ей самой нужны.

Через три дня Александра Федоровна проводила на английский корабль своих гостей.

На палубе она обменялась со своей гостьей сережками.

– Вот письмо моему брату, он тебя встретит, желаю удачи. Ты мне нужна здесь, но ты едешь защищать честь России, и только поэтому я тебя отпускаю.

Лично развезите подарки от меня и моего мужа. Можем ли мы когда-нибудь свидеться. Поцелуй их, Аннушка, лично от меня, – царица поцеловала Аннушку и по ее лицу скатилась слеза.

Наступили тревожные дни. Со дня начала войны русская армия терпела поражение на всем участке фронта. Николай II меньше бывал дома, редко встречался со своими детьми.

Частые выезды на фронт забирали много времени. Николай II решил поехать в Могилев. Назначив себя главнокомандующим войсками, переехал в дом губернатора. Из Могилева легче было руководить военными действиями.

Полковник Быков получил приказ охранять главнокомандующего во время его поездки в действующую армию. Революционные события подрывали веру в царя не только в армии, но и здесь, в его штабе.

Быков доверял только казакам. Недалеко от ставки главнокомандующего стоял летучий отряд казаков. После кровопролитных боев и трехсоткилометрового перехода в тылу немецкой армии, летучий отряд пополнялся новоприбывшими из Урала казаками. Атаман Гвиденко не хотел брать в летучий отряд уральских казаков.

– Дайте мне моих, полтавских казаков, которые были оставлены в Могилеве, – говорил он.

Об этих спорах и несогласиях слышал адъютант главнокомандующего, он решил пойти на хитрость: у Гвиденко взять сотню казаков, а вместо них отдать стоявших около Могилева, заменив их уральскими казаками.

Главнокомандующий уже подписал приказ об отправке их на фронт.

Гвиденко готовили к новому походу в тыл немцев. У него сидел полковник могилевской охраны города, когда ему доложили о прибытии адъютанта Николая II. Полковник охраны любил и уважал Быкова за его преданность, смелость и умение выходить из сложных ситуаций.

– Вы его знаете, господин полковник? – спросил Гвиденко.

– Знаком.

– Может, подскажите мне, какие преследует он цели в моем отряде. Если верить молве, ему нужна сотня верных и преданных солдат. Солдаты **братаются**, не хотят идти в бой, бросают оружие и уходят домой.

Я это видел сам, когда мы прорывали оборону немцев и вошли в поток действующих армий немцев и наших, на одном из рубежей нашего прорыва мы наткнулись, как солдаты шли друг до друга, вонзив штыки в землю.

– И что вы с ними сделали?

– У меня было много раненых, я проскочил на полном ходу со своим отрядом между братающимися солдатами и попал на территорию нашей армии. Многие были перепуганы, думали их предали братающиеся немцы. Что во время братания полк немцев прорвал оборону. Хорошо, что все кончилось мирно.

Гвиденко прочитал приказ, посмотрел на полковника, чуть прошелся, потом снова перечитал приказ.

– Господин полковник, я согласен, можете получить сотню своих казаков, вернув мне моих.

– Будете выбирать сотника или казаков?

– Хотелось бы то и другое.

Атаман летучего отряда подозвал молодого казака и приказал ему собрать всех сотников. На руке он имел металлический черный перстень, на груди георгиевский крест.

– Из миргородских казаков? – спросил он его.

– Да, господин полковник.

– Кем вы доводите сотнику Фуголь?

– Племянником по матери.

– Сотня в полном составе или только часть вернулась с боя?

– Вся в сборе, а сотник перед вами.

– Вы имеете в виду этого юнца?

– Этот юнец столько перерубил врагов отечества, что и сотня не справилась с ними. Полковник загнул четыре пальца, оставил только мизинец. Согни.

Сотник подошел к полковнику, подал ему табурет. Тот сел. Присев около полковника, он плавно начал его поднимать левой рукой. Потолок в комнате был не высокий, подняв до потока, плавно опустил табуретку на пол.

– Встать с табуретки, – полковник обошел сотника, потрогав его за руки и плечи, ударив легонько по груди, спросил: «Где прячется твоя сила? С виду заморыш некудышный, а богатырь».

Через два дня граф Бизуев вызвал полковника для обсуждения плана охраны главнокомандующего при осмотре передовых позиций армии. Полковник положил на стол карту с маршрутом и местами посещения армии главнокомандующим.

– Личную охрану царя возложили на агентов охраны и на штаб армии, во время пути лично на вас.

– Покорно благодарю, граф, за доверие. В пути его будет сопровождать сотня казаков. Это преданные, закаленные в боях солдаты из летучего отряда.

– Не завидую вам, полковник, если его Величество узнает о ваших делах, вам не поздоровится.

– У нашего государя мания на казаков.

– Я что-то слышал об этом талисмани и преклонении нашего самодержавца перед казаками. Расскажите обо всем, что знаете.

– Хороший и поучительный рассказ. Но как сумели войти казаки в доверие царскому двору.

– Екатерина II возвращалась домой. В Малороссии было много волнений, дорога была опасная. Она поехала в обход брянских лесов, полтавской степью. Была осень и в честь Екатерины II, где она должна была проехать, сажали лесополосы. Саженцев не хватало, делали показуху. Вырывали посаженные саженцы, всадник опережал карету, в которой она ехала, и снова их сажал.

Одна из банд грабителей решила напасть и ограбить ехавший сзади царский обоз. Собрались грабители в одной из дубовых рощ, мимо которой должна была проехать. Царицу разбойники пропустили, а на ее людей, отставших на несколько сот метров, напали. Началась сеча. Крик слышали казаки, которые работали недалеко от дубовой рощи. Вскочив на лошадей, они помогли солдатам отбиться от разбойников.

С той поры и по сегодняшний день Миргород посылает в Петербург самую лучшую сотню казаков. Сейчас они не охраняют царские покои, а служат у самой императрицы Александры Федоровны.

А сотник, который будет сопровождать нас, родственник майору казачьей сотни, находящейся в Царском селе, в Александровском дворце.

На переднем рубеже обороны не встретили ни одной целой деревни, все люди убежали и попрятались в лесах. Посещая полки и дивизии, царь старался поднять боевой дух солдат. Многие жаловались на плохое питание, нехватку одежды, боеприпасов. Перед последним осмотром царь поменял свой маршрут и поехал в полк, который не был в плане Быкова.

Царя встретили с большой радостью, теплым солдатским гостеприимством, но встреча была омрачена внешним видом солдат и офицеров. Многие были пьяны и грязны.

– Сыны отечества, защитники Русской земли, я – Николай II, император и самодержавец Всероссийский, склоняю голову перед вашей доблестью и героизмом, вашей стойкостью, в этих тяжелых условиях солдатской жизни. Мы скоро победим, победа будет за нами. Выиграем войну, вернетесь домой, заживете лучше, чем жили. Желаю вам скорейшей победы и возвращения домой.

Солдаты с ликованием провожали царя-батюшку. Царь, услышав ликование, помахал солдатам.

– Домой! – Повернув голову в сторону графа и полковника, сказал он. Отъехав далеко от позиций, позвал сотника.

– Вы давно из дома, сотник?

– Год воюю, Ваше Величество.

– Чем занимался дома?

– Лепил горшки. В нашем роду все гончары.

– Кольцо как попало тебе?

– Мой дядя, Фуголь Леонид, сотник, служит у императрицы, подарил это кольцо моей тете Галине Матвеевне. Оно было с золотой окантовкой и бриллиантом. Еврей, золотых дел матер, заменил металлическое кольцо на золотое, а тетя его мне подарила. Она сказала:

– Это кольцо талисман и оно тебе принесет счастье.

– Тетя твоя уехала в Англию с Владимиром Павловичем. Императрица Александра Федоровна меня известила, что твоя тетя в начале этого месяца прибыла в Париж. Семья у тебя большая?

– Живу с женой, имею двух сыновей, со мной живут жены моих братьев, дед с бабкой.

– Кем мечтаешь стать?

– Сейчас война, а у солдата одна мысль, как бы под пулю не угодить. Окончится война, вернусь домой. Жене с детишками трудно, она у меня, как и я, – хороший гончар и художник. Хороший гончар должен быть хорошим художником. Обожжешь горшки и делаешь на них узоры. Чем красивее узор, тем ценнее горшок. Однажды на базаре было выброшено огромное количество горшков, и никто не брал. Мы с женой на каждом горшке нарисовали всех гончаров нашего села. На второй день у нас все горшки забрали сами гончары. «Хочешь жить, умей вертеться», – так мне всегда говорит отец.

– Вертеться тебя отец научил, а вот грамоты маловато. Поедешь учиться, чтоб учился так, как ты воюешь.

– Ведь война, мой государь.

– Одни должны воевать, другие учиться. Каждому – свое. Завтра получишь у графа письмо, свозишь его императрице и останешься в Петербурге. Раз любишь рисовать, учишь рисовать.

– Но я хочу служить вам, государь.

– Там будешь учиться и служить. А сейчас иди, твои казаки, небось, заждались, завидуют, покинул их говорят.

– Нет, уверяю вас, ваше величество, они только об одном говорят, чтоб наша сотня служила при вас, а служить мы умеем за веру, за вас царь-батюшка, и отчество.

– Молодец, умно говоришь. Сдай сегодня сотню своему брату и собирайся в дорогу. Немного отдохни, ты эти сутки почти не спал.

– Граф подойдите сюда, отправьте своего сотника в баню, переоденьте и уложите спать. Завтра отправьте его в царское село с моим письмом государыне.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Царица направила Василия в художественную академию. Профессор Орлов, прочитав рекомендательное письмо императрицы, попросил Василия мелом на доске что-нибудь нарисовать. Сотник положил свою пашку на стол профессору, взял кусок мела, попросил сидящую девушку около окна чуть выше поднять голову.

Прошло четверть часа, и на доске был нарисован портрет девушки. Студенты, входившие в это время в аудиторию, столпились около доски.

– Кто он? – спрашивали друг у друга. – Как умеет легко и быстро наносить тени. Людочка, ты как живая, иди, посмотри, как он тебя нарисовал.

В это время профессор делал свои записи, окончив писать, он поднял голову, чтоб успокоить студентов. Перед ним стояли его ученики.

Все восхищались рисунком, наверно снова Мефодий шалит, рисует за сотника – садитесь, господа и не шумите. Все ушли, перед ним стоял сотник, дорисовывая портрет его дочери.

– Если бы акварелью, – сказал профессор, – не было бы цены этому рисунку.

– Пожалуйста, дайте акварель и кисточку, пусть девушка подождет, я ее нарисую на полотне.

В свободное время сотник занимался самообразованием. Великий князь Николай Николаевич заметил усердие в учебе сотника, разрешил учителю своей внучки учить Василия.

– Никифорович, у тебя много свободного времени, займись сотником, направь его на истинный путь. Шашкой умеет орудовать, а вот письмо грамотно не может написать.

Ежедневно стал изучать сотник грамоту, арифметику и французский язык. Однажды вызвал его к себе профессор на собеседование.

– Вы, сотник, прибыли к нам почти в середине учебного года, потому вас не зачислили студентом. Вы вольный слушатель, а я вас учу по просьбе ее Величества императрицы.

Сегодня мы на ученом совете решили зачислить вас в состав студентов нашего художественного училища со стипендией и выделили вам квартиру. Это из уважения к ее Величеству и вашему горячему желанию учиться.

– Благодарю вас, профессор, за участие в моей жизни. Но мне нужно посоветоваться с Великим князем. Я обучаю его дочь.

Первое воскресенье у Василия было свободным от работы. Решив несколько математических задач и повторив русский язык, пошел прогуляться.

За полгода жизни в доме Великого князя он узнал всех обитателей дома. Николай Николаевич поехал со всей семьей в церковь, а домочадцы развлекались, кто как хотел.

Василий одел свой казачий костюм, повесил шашку.

– Пойду на Невский к своим братьям казакам, – решил Василий. Около ворот его остановил швейцар.

– Господин сотник, никому никуда не велено выходить, в городе волнение. Нынче могут даже убить.

– Но я к своим казакам на Невский.

– Тем более, туда опаснее идти, чем в любую часть города.

Николай, придворный конюх князя, подошел к Василию.

– Если желаешь пройтись по городу, переоденься в штатское, и пойдем вдвоем.

Стоило только выйти за ворота дома, как он попал в иной мир. На каждом углу стояли нищие и просили милостыню. Большое количество людей искало работу везде, где стояла кучка людей, говорили о работе, о хлебе. Война полностью razорила страну.

– Долой царя! Долой самодержавие!

Подошли к хлебному магазину. Здесь стояло несколько сот человек, в руках мужчин и женщин были хлебные карточки, а на дверях висело объявление «Хлеба нет». Все ждали, когда привезут хлеб.

Николай отошел на минуточку от Василия, и сразу же к нему подбежало несколько мальчишек.

– Помогите ради Христа, дайте на хлеб копеечку.

Василий растерялся и стал рыться в карманах, но кроме носового платочка ничего не нашел. Мальчишки следили за каждым его движением.

– Отойдите ребята, он такой же безденежный, как и вы. Разве у художников бывают деньги. Студенты тоже голодают.

– Коля, он наш, – выкрикнули мальчишки. – Мы думали буржуи, больно красиво одет, – прокричали они и убежали.

В боковом кармане Василий нашел кусочек шоколада, он подошел к стоявшей женщине с двумя детьми. Они тихо плакали и говорили: «Мама, мы хотим есть».

Женщина их успокаивала, вытирала слезы, гладила по головке.

– Обождите, потерпите, привезут хлеб, и я вас накормлю.

– Возьмите, пожалуйста, пусть они успокоятся.

– Студент, а какой добрый. В карманах пусто, а детей пожалел. Наш, действительно он наш, я видела, как он помогал во дворце колоть дрова, заносил уголь, помогал Николаю чистить лошадей.

Только отошли от хлебного магазина, так их окружили цыганки.

– Дай монетку, погадаю, скажу правду. Ты счастливый и красивый...

Николай оттолкнул цыганок, и они пошли дальше.

– Тебе нельзя одному выходить в город, возвратишься домой без штанов, ты такой жалостливый и добрый. Такие, как ты, нынче не в моде, гони их всех от себя.

Зашли в парк отдохнуть.

– Вот сюда, Вася, нищие не ходят, но за то здесь много карманников и жуликов.

Только проговорил это Николай, как подошедшие грабители сзади приглушенно крикнули: «Жизнь или кошелек».

Василий подняв руки, сделал шаг в сторону и выхватил пистолет. Одному скрутил руку, второго сшиб, а третьего задержал Николай.

Посмотрев на пистолет, Василий громко засмеялся и отпустил нападавшего на него карманника. Вслед Василию засмеялись нападавшие карманники. Николай с удивлением смотрел на них.

– Почему они смеются?

Вместо пистолета он увидел в руках Василия деревянный кусочек дощечки, восковая часть пистолета лежала у его ног.

– Могли бы насмерть испугать.

– Таких, как ты, не испугаешь, но ты сломал нашу игрушку, придется нашего скульптора просить новый сделать.

– Мы здесь бываем редко, но уходим отсюда с хорошей добычей, ты нам все испортил, сегодня охота отменяется, нет оружия.

Они весело засмеялись, оставив их.

– Скоро вернется из церкви князь, нам нужно быть дома, ты вольный, а я на службе.

На дороге показался трамвай, они побежали на остановку.

– Нам не залезть, – сказал Николай, присаживайся здесь сзади.

Швейцар, отрыв двери, низко поклонился: «Господин сотник, вас ждут». Он вошел в приемную, там стояла его ученица с незнакомой красивой девушкой.

– Это моя кузина, дочь моего дяди Николая II.

По спине пробежал холодок. От неравномерного нагревания разрушаются горы, от резкой смены общества человек теряет самообладание.

– Вась, ты не красней, она заехала за тобой, тебя хочет видеть твой дядя. Садись в карету и поезжай.

Отъезд принцессы Марии задержался на целую неделю. В городе были студенческие волнения, студенты просили улучшить их быт. Из-за нехватки хлеба и других продуктов питания многие студенты бросали учебу и уезжали домой.

Василий зашел к профессору домой, он был болен и лежал в постели. Жена проводила Василия к больному.

– Ты, Вася, извини старика за такой прием, совсем развалился, не могу переносить ту нищету, которую вижу ежедневно, идя из дома на работу. Была бы возможность выехать из

города, поехал бы в деревню. Свежий воздух и хорошее питание помогли бы мне быстро подняться на ноги.

– Что-нибудь придумаю, господин профессор, – ответил Вася. – Поговорю с Великим князем и моим другом, – он работает у него, о вашей отправке в деревню.

Он подошел к жене профессора и спросил, когда она готова будет выехать в деревню.

– Хоть сейчас, чем быстрее, тем лучше для профессора.

Василий вернулся во дворец. В светлице сидел Великий князь со своими внуками. Поклонившись князю и принцессам, он попросил разрешения обратиться к хозяину дома с просьбой.

– Профессор болен, нужно немедленно отправить его в село, он просил меня ему помочь, если вы не возражаете, мы с Николаем отвезем его в деревню.

Николай запряг бричку, сотник надел костюм, сел на лошадь и поехал за Николаем.

Вечером были в деревне у сестры профессора. Здесь было спокойно и тихо. Городские новости приходили на неделю позже, почта доставлялась раз в месяц, а последние месяцы ее вообще не возили, и крестьяне, кто был в городе, сами забирали ее. Переночевали и утром рано выехали домой. Проезжая сосновый бор услышали выстрелы. Впереди убегали трое, а за ними бежали полицейские. Беглецы спрятались недалеко от дороги, где должны были проехать Николай и Василий. Полицейские повсюду искали беглецов, и не найдя их, вернулись назад.

– Узнаешь, кто они? – спросил Николай у Василия.

– Догадываюсь, хотя видел всего один раз.

– Тогда поехали, подберем, и с ними домой.

Они остановились около притаившихся беглецов, Николай позвал их. Услышав знакомый голос, они вышли, но, увидев сотника, испугались и отбежали назад.

– Садитесь, пока полицейские не вернулись.

Около хлебного магазина остановилась бричка, из нее сошли трое, и пошли вниз к набережной.

У магазина стояла женщина с двумя плачущими и просящими хлеба детьми. Сотник подъехал к ним, подал узелок, который хозяйка дала им в дорогу, и поехал вслед уезжающей бричке.

Женщина посмотрела по сторонам, около магазина никого не было видно, развернула узелок, там лежало сало, колбаса и хлеб.

Отломив всем по кусочку колбасы, хлеба, они поднялись и пошли домой, кушая по дороге. Дети, съев свою порцию, попросили еще.

– Оставим на завтра, у нас еще много голодных дней впереди.

– купишь у еврея, ведь он и денег оставил нам, – сказала старшая дочь, показывая зажатые в руке деньги.

Мать поклонилась над протянутой рукой дочери, она не верила своим глазам.

– Деньги! Нет, не может быть! Взяла быстро деньги, снова посмотрела по сторонам и спрятала их в кармане.

Дети остановили мать напротив лавки еврея, она открыла дверь, пропустила детей.

Увидев нищую, еврей хотел ее выгнать, но к нему подошла ее старшенькая дочка, положила на прилавок деньги.

– Нам немного сахара.

Он снял самый большой мешочек с прилавка и положил его на весы.

– Вам сдачи дать или может, возьмете перловой ли гречневой крупы.

– Что дешевле, – ответила женщина.

Она взяла мешочек, но он для нее, ослабевшей от голода женщины, был тяжелым.

Еврей развязал мешочек, половину высыпал во второй, связал их веревочками, повесил женщине на плечо.

– Мешочки принесете завтра. Приятного аппетита вам и вашим детям.

У женщины повеселели глаза, расправились плечи, на лице появилась улыбка.

– Спасибо, сосед, – тихо сказала женщина.

Хозяин магазина остановил ее, еще раз посмотрел в ее лицо.-

– Постарела. А где муж?

– Убит на демонстрации.

Он взял небольшой кусок мяса, завернул в бумагу и дал младшенькой дочери. – Съедите, приходите, чем смогу, тем помогу.

IV В КРУГУ ПРИНЦЕСС

Все готовились к отъезду в Царское село. Принцессы со служанками укладывали вещи, и хохотали. Графиня несколько раз прерывала их смех. Но стоило войти в гардеробную их няне, снова начинали смеяться.

– Не обращайтесь внимания, графиня, насмеются, перебесятся, спокойней будут ехать в дороге, – сказала няня.

Сотник с Николаем все вещи складывали под строгим надзором бабушки Матильды.

– Вот, возьми, Николай, список вещей, которые берут с собой принцессы, будешь возвращаться, отдашь все мне обратно. Смотри за принцессой, там тоже смутно сегодня, чтобы, не дай бог, что-нибудь не случилось.

Графиня подошла к Николаю.

– Не забывай, что кроме лошадей ты должен в дороге смотреть и за принцессами. Не подбирай по дороге нищих и воров, как вы это сделали с сотником. Был полицейский, и он мне все рассказал. Мне пришлось вас защищать, но если это повторится, не сносить вам головы.

– Спасибо, графиня, вы всегда так добры ко мне. Он встал перед ней на колени и поцеловал ручку. Василий встал рядом с ним. Графиня их перекрестила и пожелала счастливого пути.

Дяди не было в Царском селе, он уехал по велению царицы в Могилев.

Первые дни он ходил без дела, потом у придворного художника взял краски и стал рисовать здешний пейзаж и Александровский дворец. Приходила Александра Федоровна, садилась на скамейку со своими девочками. Несколько раз он пытался упросить царицу разрешить нарисовать ее со всей семьей. Но он не художник и не имел на это право. Рисовать их превосходительство имеют право только ими избранные. У него скопилось огромное количество набросков членов царской семьи. Когда никого не было, он перерисовывал рисунки, а иногда делал новые наброски. За одной из таких работ его увидела Анна Вырубова.

Он застеснялся, поклонился, лицо его покрыл румянец.

– Меня не стесняйся, я тебе помогу нарисовать портрет Александры Федоровны с ее семьей. Приходи почаще к угольному складу, там, у беседки часто любит отдыхать царица, я упрошу ее несколько дней попозировать с детьми. Скоро праздник, подарим ей вот эту картину, только оживи ее, сделай бросающими в глаза красками. Зайди во дворец, посмотри на висящие картины.

Несколько раз Василий был во дворце, любовался картинами. Но у него ничего не получалось.

Однажды при закате солнца вся царская семья сидела около фонтана, пила чай. Подошла Вырубова и села рядом с Александрой Федоровной. В тусклом свете солнца по небу плыла белая луна. Василий взял лист бумаги и начал рисовать. Через неделю рисунок был готов. Хотел показать Вырубовой, но побоялся, она просила другой рисунок, а он у него как назло не выходил, ничего не получалось.

Уходил в глубь леса и снова рисовал. Однажды во дворе он встретил принцесс Ольгу и Марию, Татьяну и Анастасию. Они весело и приветливо поздоровались с ним и попросили посмотреть наброски.

– Мне тетя Анна говорила, что тайком от нас готовится нам подарок. Мы хотим его видеть раньше всех.

– Он у меня дома.

– Не беда, мы как раз идем туда, и вы нам покажете ваше искусство.

– Что скажут о нас, если увидят в нашей комнате вас.

– Вынесите все рисунки нам, мы будем ждать вас в нашей беседке, туда подойдет Вырубова.

Собрав все рисунки, он пошел к беседке и отдал их принцессам Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии. Царевны смотрели наброски рисунков и весело хохотали. Вслед за сестрами подошла царица со своей прислугой и сыном. Она взяла у девочек наброски, стала их рассматривать. Перевернув лист бумаги, она увидела готовую картину. Вечерний пейзаж и на переднем плане она с Вырубовой, дочерьми и сыном.

Она была в хорошем настроении, и это уловил художник. Они сидели полукругом, пили чай и весело смеялись. Художник их разместил в одну линию, но прекрасно передал настроение, душевное состояние каждого. А как весело улыбается царевич.

– Аннушка, подойди сюда, – позвала ее царица, – какая прелесть!

Вырубова посмотрела на картину, потом на сияющую царицу.

– Вы сегодня точно такая же, как на картине.

Подошла к сотнику, сняла свой крестик, перекрестила:

– Дарю тебе за сегодняшнюю улыбку матушки Александры Федоровны. Нарисуешь то, что просила, подарю золотое кольцо.

Царица вернула Василию папку с рисунками:

– С вашего позволения, я возьму вот эту – «На закате солнца».

Николай пригласил Василия на ипподром. Два раза в неделю царевна Мария вместе со своими сестрами здесь катались на лошадях. Вчера царевна встретила Николая около беседки, рассказала ему, что его друг Василий нарисовал их семейный портрет.

– Вы пригласите сотника на ипподром, он вам покажет высший класс езды на лошади, он ездит на лошади лучше, чем рисует.

На ипподроме были великие князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич, царица со своей семьей, с Вырубовой. Приглашенные сидели в стороне и ждали начала скачек. Многие уже поспорили, кто первый придет, сделали первые ставки. После скачек сотник показывает трюки, вольтижировки.

Два раза Николай с Василием совершали дальние поездки на своих лошадях.

– Мне домой далеко ехать, – говорил Василий, – застоится лошадь, не довезет домой.

По полчаса он тратил на вольтижировку.

– Зачем оно тебе, Василий, – часто спрашивал Николай.

– У нас дома знаменитый конный завод, его воспел в своих стихотворениях великий Пушкин, каждый год проводит скачки. Мы, казаки, тоже участвуем в соревнованиях. Вернусь домой, попробую вернуть нашу казачью славу. Перед войной коннозаводские скакуны нас обошли, хочу вернуть первенство.

Мой дядька, который служит здесь при дворе, всегда держал первое место. Памятник ему и его лошади стоит около железнодорожной станции. Окончится война, поедem ко мне в гости и увидишь наяву железнодорожную станцию и памятник. Любого встречного, проходящего мимо памятника, спроси, он расскажет тебе эту историю и еще спасибо скажет, что с вниманием и охотой слушал.

Зазвонил колокол и первая тройка пошла по беговой дорожке, потом вторая, третья. Последняя тройка была казачья. Три казака – сотник, Николай и конюх. Сначала они обогнали первую тройку, потом вторую. Лошадь сотника все увеличивала ход. Остался последний круг и на переднем плане впереди бежавших всадников, появились казаки. Великий князь поставил тысячу на своего любимого скакуна Вихрь, Михаил Николаевич – на Ласточку. Царевна посмотрела на Выборову и Великого Князя: «Тысячу на сотника!». Выборова улыбнулась Александре Федоровне:

– И я тоже тысячу.

Стоявшая в стороне царская свита, услышав заклад царицы, зашептала меж собой.

– Зачем нам? Лучше и быстрее «Вихря» лошади нет, вон он идет впереди, и Ласточка не отстает.

– А как зовут лошадь сотника?

Детский голос ответил – Тайфун.

– Хорошая броская кличка. Я за Тайфуна.

Тайфун вышел далеко вперед. Ударил колокольчик три раза. Победители выехали на середину ипподрома, потом сделали почетный круг и подъехали к царице. Всадникам, занявшим первые три места, вручали подарки и денежные награды. Царевна Мария повесила сотнику дубовый венок и поцеловала. Вокруг аплодировали, были слышны выкрики «Браво», «Так держать!», «Качать победителя!».

Подбежали к тройке грумы, подняли вверх и начали подбрасывать. Царевна захлопала в ладоши, колокол зазвонил, наступила тишина. Посередине ипподрома была сцена, на ней начали выступать девушки-акробатки. Девушек сменили мальчики, потом обе группы соединились. Великан Банжо держал на себе двух таких же рослых, как он сам, мужчин на помосте, на трамплине прыгал акробат, со второго конца бревна взлетала акробатка и становилась на плечи атлету, вторая – на нее, и так далее, пока не получалась пирамида в пять ярусов.

Банжо держал на своих плечах девять человек, из них двух мужчин и семь девушек.. Потом взял длинный шест, на него ухватилась по пять человек с каждой стороны и он начал их раскачивать по кругу. Перед глазами зрителей эта десятка людей летала в воздухе, держась за перекладину.

Николай подошел к Василию.

– Сейчас твоё выступление, пошли готовиться.

Лошади за час остыли, мирно стояли около пустой кормушки.

– Потерпи немного, мой милый. Еще один наш номер и пойдешь на луг. Потом дам тебе сахарку.

Все ждали. Обычно такие выступления были групповыми, всадники боролись за первенство, а здесь выступает один.

Сотник объехал почетный круг, стоя на седле, потом делал один-два прыжка и становился на седло. Как змея пролазил под брюхом лошади.

Вынув две сабли, он их подбрасывал вверх, крутил на пальцах, рубал на скаку своих врагов и все повторял заново.

На землю положили двенадцать монет, на полном скаку он их поднял. Трижды его «убивали», он падал из седла и снова оживал, догонял лошадь, стрелял в своих невидимых врагов.

Вечером их обоих пригласили во дворец. Царевны все время приглашали их на танец. После дамского вальса царевна Ольга подвела сотника к своим подругам. Познакомила и с группой мальчиков, все они желали научиться ездить на лошади, как он.

– Завтра с утра встречаемся у конюшни, потом на ипподром, там состоятся наши первые занятия.

Через месяц из двенадцати девушек и мальчиков осталось только пятеро. Оставляли занятия по скачкам по разным причинам.

Царевна Мария много чему научилась, но была скромна. Легко стояла на лошади, а падать с лошади боялась. Зато сестра змейкой извивалась под брюхом лошади, могла выпасть из седла и так же снова легко вспрыгнуть.

Возвращался из ставки главнокомандующего дядя Леонид. Его долго держала у себя царевна, потом попросила к себе обоих князей Николая и Михаила, велела им обождать Великого князя Дмитрия Павловича.

Через час вышел майор Фуголь, а царевна еще долго беседовала с приглашенными гостями. Сделали перерыв, царица попросила принести что-нибудь перекусить, а мужикам и выпить.

Учеба сотнику давалась легко, по требованию Великого князя Николая Николаевича, здесь за ним закрепили учителя для прохождения школьных наук.

Часто вечерами бродя по домам вблизи царского двора, учитель рассказывал ему о своем детстве, о тяжелой жизни в селе. Ни одной свободной минуты не оставлял ему учитель. В последние дни старался вести беседу на французском языке. Чтоб не забывал грамматику и математику, на рыбалке учил решать алгебраические задачи на песке, на французском языке. Прибегали царевны Мария и Анна, смеялись над учебой, но только стоило учителю отойти в сторону, они брали его под руки и вели с ним разговор по-французски. Сначала он отнекивался, не могу, не знаю, но Аннушка-насмешница и хохотунья – прыгала ему на спину, срывала веточки и подгоняла его по-французски.

До приезда дяди он мог уже свободно говорить и писать. Дни за днями пролетали незаметно. В последнее время о доме вспоминал как о чем-то далеком, но сильно начинало стучать сердце, когда вспоминал детей.

Однажды царевне Анне сказал, что он в скором времени поедет домой. Хотел спросить когда, но она захохотала, отбежала от него, потом крикнула:

– Если догонишь, скажу.

И он побежал за ней, она зацепилась за корень дерева и упала. Подбежав к ней, он поднял ее, поцеловал содрванное колено, как поцеловал бы своим детям и проговорил:

– Не огорчайтесь, царевна Аннушка, до свадьбы заживет.

Царевна вскочила, поцеловала его в губы и убежала, потом повернулась назад и крикнула: «Меня никто не любит, а ты занят, женат. Прощай, милый! Уезжай! Я для тебя царевна».

Василий присел на пенек и ощутил на спине холодок. Потрогал спину, на ней мокрая рубашка. Подошел Николай, подал ему сухую рубашку.

– Такое бывало и у меня, только не с царевной. Будь осторожен, а то попадешь в опалу, еще за тебя и дяде попадет, он тебя уже ищет.

Навстречу по дороге к ним шел дядя, а по обе стороны его шли обе царевны. У Аннушки было перевязанное колено, она чуть хромала на левую ногу.

Царевна Мария махала платочком и кричала, что не отдаст ему дядю, пока не станцует гопак.

– Дорогая царевна, нет музыки.

– Я сыграю с Аней губами, ты только станцуй.

– Рад за тебя, дорогой племянник, что верой и правдой служишь отечеству. Много хорошего слышал о тебе. Рассказывай, что нового дома.

– Дорогой дядя, я давно из дома, так что начинаю забывать его. Меня греет только одна мысль, что дома меня ждут сыновья. В последнее время даже снов не вижу. Выезжал из дома – был мир и спокойствие. А сейчас война и, кажется, ей нет конца. Я живу в каком-то загадочном мире. В одном царит божеская благодать, а в другом – зло, насилие и разврат. Куда вынесет меня это течение, я не знаю.

– Ты полюбил царевну и мечтаешь о новой жизни. Эта жизнь не для нас. Мы рождены, чтобы пахать и сеять, а не властвовать. Выбрось эти мысли из головы. О тебе я слышал столько хорошего, моя душа радовалась и пела, когда я шел к тебе, а от тебя слышу совершенно другое.

– Я раздвоился, одна часть моей души живет там, где живут мои родители, моя семья, а вторая, где я живу и обитаю.

– Коль говоришь так, значит у тебя все хорошо. Вчера мы разговаривали с Великим князем, на три месяца ты поедешь к графу Воронцову. Если будет возможность, заедешь домой. Изменишь обстановку, успокоишься, вернешься к прежней жизни, и все станет на свои места.

Революционные события в Петрограде, Харькове, Москве, Киеве не дали возможности выехать Василию домой. Великий князь снова взял его к себе домой обучаться наукам. Каждое утро он поднимался в пять часов, ехал к своим казакам, проводил с ними занятия и возвращался назад. Последние дни стали очень тревожными, часто казаков поднимали в ружье и они разгоняли забастовщиков, иногда были вооруженные стычки. Князь Голицын последние месяцы часто посещал Великого царя или приглашал его вместе с супругой на чашку чая.

Он много слышал о сотнике Великого князя, но ни раз его не видел.

Возвращаясь домой, премьер-министр заехал по дороге к Юсупову. В Петербурге назревала революция, каждая партия хотела захватить власть. Одни были за монархию, другие против.

Три дня тому назад князь разговаривал с Милюковым и Гучковым, они были сторонниками монархии.

Николай II много прощал князю Юсупову за его грехи, он верой и правдой служил отечеству. За убийство Распутина он мог поплатиться головой. Его спасла не жена, красавица Ирина, племянница Николая II, а честная служба Царю и Отечеству.

Когда в 1905 году в Иваново восставшие захватили царский поезд с требованием выдать князя Юсупова, он сам вышел к бунтовщикам без оружия и охраны.

– Кто вы? – спросили стоявшие вокруг него вооруженные люди.

– Я граф Сумароков, послан его величеством царем Николаем II к вам на переговоры.

– Мы ждали Юсупова и поклялись, как он приедет, повесить его вон на том фонаре.

– Поддерживаю ваше горячее желание, коль не приехал к вам князь, оставьте фонарь в покое, он должен освещать людям дорогу, а не покойников. Царь Николай выслал вам хлеба, мяса, мучных изделий. Ваши требования удовлетворены, и вы можете с сегодняшнего дня приступить к работе.

В тот же час князь Юсупов побывал на Ивановской фабрике. Его тепло и дружески провожали рабочие.

– Скажите, граф, а каков князь Юсупов?

– Он очень похож на меня, с виду спокоен, уверен в себе, а если заглянуть ему в душу, он такой, как все люди.

На второй день хозяин фабрики, когда распределяли полученный хлеб от Николая II, сказал рабочим, что он граф Сумароков и есть князь Юсупов. Люди сначала засмеялись, потом стали кричать: «Это ложь, обман, такого не бывает».

К хозяину фабрики поднялся Волгин, уважаемый старый рабочий.

– Хозяин прав, князя Юсупова, он граф Сумароков, я знаю очень давно, он приезжал к нам на фабрику, когда я был впервые избран в стачечный комитет.

– Ты обманул, старик, и нам не сказал правду. Мы бы его повесили.

– Вы меня не спрашивали, а если бы и спросили, я бы вам вчера не сказал правду. Повесить легче всего, а чтобы добиться желаемого результата, не всегда удается. Сегодня мы победили, у нас есть хлеб и тепло, дома сыты жены и дети. Вы за это хотите его вешать?

Князь Юсупов выслушал Великого князя, и хоть он видел и чувствовал, что пришел конец русской монархии, он был ярым монархистом. Целую ночь они обдумывали план спасе-

ния монархии. Пойти на любой компромисс ради спасения империи. Просидев до утра, они так и не выработали план спасения монархии.

– Чтобы спасти династию, нужно делать монархическую революцию, – сказал Юсупов.

V КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ

Александра Федоровна написала письмо, вызвала сотника с Николаем и велела отвезти его к Милюкову. Если не будет возможности попасть к Милюкову, письмо отдать Гучкову.

Прошел бурный февраль. На улицах еще оставались следы февральской революции. На стенах висели плакаты и афиши призывающих к свержению монархии. На каждом перекрестке стояли часовые, иногда останавливали прохожих и проверяли, нет ли оружия. Подъехали к дому профессора, на стук вышел сторож дома.

– Профессора нет дома, как уехал в деревню, с тех пор и не вернулся, – ответил подъехавшим всадникам.

Узнав сотника, он улыбнулся, открыл ворота и разрешил заехать во двор.

– Я слышал, что вы служите при дворце, нынче таких, как вы, хватают на улице и бросают в тюрьму.

– Нам нужно попасть к Милюкову. Это рядом, но дом охраняется, а сам Милюков уезжает рано и приезжает поздно домой.

– Нынче таким, как он, опасно ходить одному по улице. Жена жаловалась, что последние дни он не приходит домой, а спит в рабочем кабинете.

– Пошли, ребята, тревожные времена. Одни говорят, скинули царя, другие – нет. Сколько развелось разных партий, и все рвутся к власти. А как у вас там, в Царском селе?

– Пока все на месте, но царица ходит в подавленном состоянии. В последнее время не разрешают выйти за пределы царского села. Мы не свободные и не арестованные.

– Кто вам нужен? – спросил еще раз хозяин дома.

– Друзья профессора Милюков или Гучков.

– Попробую вас свести с поварихой дома Милюкова. Она каждое утро приходит в лавку еврея, берет продукты и успевает приготовить завтрак хозяину, если он спит дома.

Утром рано они подошли к лавке еврея. Женщина дворник со своими двумя маленькими детьми подметала около дома. Увидев постоянного покупателя, она низко поклонилась и пропустила его.

Девочка узнала сотника.

– Мама, мама, это тот дядя, который нас спас от голода.

Женщина подошла к сотнику.

– Вам здесь долго оставаться нельзя. Здесь часто бывают патрули, они всех, кто бывает здесь, отправляют в тюрьму.

– Сейчас я вас к нему домой свожу. Милюков в доме, зажегся огонек. Иногда они не приходят за продуктами, я сам им отношу.

Женщину позвали, она зашла в лавку и вышла с полной корзиной, вслед за ней – сторож.

– Хозяин дома. Пошли, пока никого нет на улице.

Николай взял у женщины корзину, Василий взял меньшую на руки.

Милюков вышел в столовую, взял у Василия письмо от царицы и стал его читать. Пока Милюков читал письмо, повариха накрыла стол. Сели завтракать. Милюков некоторое время молчал, но с большим аппетитом кушал.

– Ешьте хорошо, у вас дальняя дорога, а в эти тревожные дни не всегда удастся во время пообедать и поужинать. Письмо передайте царице и скажите, наши люди обеспокоены за судьбу империи, за жизнь самой императрицы и ее семьи. Мы предлагаем ей выехать в Англию, как можно скорее. На фронте нет общего руководства, солдаты бросают оружие и

уходят домой. Даже нас, где мы заседаем, некому охранять, назревает новая революция. Жизнь царской семьи в опасности. В голос еще никто не кричит, чтобы арестовать царскую семью. Но за углами в темных закоулках об этом только и говорят. Пусть царица позаботится о себе и своей семье. Ваша сотня боеспособна или, может, разбежались казаки?

– Все в сборе, с хорошим боевым духом, но хотят домой.

– Вот видите, даже ваши казаки и те заразились революцией. Хотят домой! А кто будет защищать отечество? С кем останется наш царь-батюшка, вы подумали об этом?

На фонарях погасили огни, подмели улицы, и ранние труженики спешили домой. Только за углом дома Милюкова стояла женщина с двумя детьми.

Из дома Милюкова вышли двое, и только они сравнялись с фонарем, где должны были переходить на вторую улицу, она послала за ними девочку.

– Там уже стоят патрули и вам не пройти.

Они взяли детей на руки, и пошли вслед за женщиной. Прошли мост и оказались на окраине города. Сторож подвел к ним лошадей. Николай несколько раз поворачивался и видел, как женщина оставалась на месте и долго смотрела им в след.

Александра Федоровна не ожидала такого быстрого возврата, первые ее посланцы не вернулись и узнать о их судьбе ей не удалось. Она только догадывалась, что они не дошли до моста, были схвачены и отправлены в тюрьму.

– От кого? – спросила царица.

– От Милюкова, письмо было написано до нашего прихода.

– Он что-нибудь говорил?

– Да! Спрашивал о моей сотне, смогу ли я вас в случае опасности защитить?

Царица облегченно вздохнула. Если бы Милюков передал содержание письма устно на случай уничтожения или потери письма, их нужно было казнить во имя спасения империи.

Они вышли во двор. Николай пригласил сотника выпить с ним за удачу.

По дороге они встретили обеих царевен, делающих обеденную прогулку. Аннушка и Мария пригласили обоих пройти с ними по парку.

Под ногами хрустел снег, медленно падали снежинки на землю. Аннушка подставляла ладошки и ловила их, они таяли на ее белоснежной коже и капельки воды скатывались в полусогнутую ладонь.

– Что вы делаете, царевна? – сказала подошедшая графиня. – Не дай бог, заболете.

Она вынула носовой платок и вытерла ей руки.

– Вы вся горите, у вас температура, вам нужно в постель.

– Мы только из дома и поэтому вам кажется, что у нас температура, мы только прогуляемся и вернемся.

– Сегодня морозно, можно простыть, вы гуляйте, а я пойду, закажу чай. После прогулки приглашаю вас чашку чая и вас, сотник с Николаем, тоже.

Они переглянулись друг с другом. Что-то нужно графине от них.

За столом сидела одна графиня, она ожидала возвращения с прогулки своих племянниц и доверенных людей Александры Федоровны. Разливала чай сама. В доме не было служанок, они пошли в погреб наводить порядок.

Девочки попили чай и ушли в игровую комнату. Мария села за рояль и стала играть. Аннушка села около окна и стала вышивать. Мария играла Шопена, потом музыка затихла. Аня посмотрела на Марию, она плакала.

– Что с тобой, сестрица? – спросила Аня.

– Ты что, Аня, глухая или притворяешься, что не слышишь. За каждым углом только и говорят «Долой монархию», «Пора повесить царя с царицей».

– Не плачь, Мария, говорят давно, но дела делаются долго, может что-нибудь отец придумает.

– Ничего он не придумает. Вчера я слышала, что его хотят заставить отречься от престола.

– Ты не выдумала это, Мария?

– Нет, Аня, я была в своем уме, и это слышала из уст преданных нам людей.

– Молчи и терпи, не расстраивай маму.

Девочки обнялись и прижались друг к другу, сидя на диване. Так их и застала мать.

Милюков на заседании государственной думы выступил за конституционную монархию.

При его выступлении все члены государственной думы молча слушали его выступление. Всех интересовал только один вопрос, кто из членов думы положит конец войне. Все выступающие говорили за войну до победного конца. Милюков вопрос о войне обошел стороной. Зазвонил колокольчик, председатель государственной думы Родзянко известил о перерыве. Заседание думы продолжится в три часа дня.

К Родзянко подошел Керенский Михаил Владимирович. «Во время обеда я хочу уточнить некоторые детали вчерашнего с вами разговора. Подберите доверенных людей, подготовьте манифест об отречении Николая II от престола и пошлите их в Могилев».

– Не успеем, большевики вырвут у нас инициативу. Монархия всем надоела, а вместе с ней и сам Николай.

– Он уехал в Могилев и забыл, что у него кроме армии есть еще и мы, перед которыми он в долгу. Все это время мы старались как-то сгладить напряженную обстановку. Февральские события показали ошибочность наших взглядов.

– Вчера заседал временный комитет государственной думы и не сегодня-завтра он объявит свое решение.

– Вы сами за монархию или против? – в упор спросил его председатель. Керенский спешил, сколько раз он настаивал на преобразовании монархии в республику. К его словам были все немые и глухи.

– Я, Михаил Владимирович, свои взгляды и убеждения так быстро не меняю. Мои люди против монархии.

– Тогда действуйте в интересах России, мы должны спасти наше отечество.

Вечером в зале государственной думы состоялось вечернее заседание. Родзенко требовал отречения от престола Николая II.

Гучкова и Грекова уполномочили стоять за конституционную монархию. Царю предлагалось отречься от престола в пользу сына Алексея с назначением Великого князя Михаила Александровича в качестве регента.

Николай II из Могилева спешил в Царское село. Он получил письмо, в котором его ставили в известность, что готовится государственный переворот с отречением его от престола.

Поезд медленно продвигался вперед, не было свободного пути, новые эшелоны солдат прибывали на фронт и ими были забиты пути. По дороге не было воды и топлива. На многих станциях ему отказывали в воде, в угле, в движении вперед. Было опасно выходить из вагона, повсюду царил хаос. Медленно шел поезд к Царскому селу.

Основные ключевые посты были заняты восставшими. Родзянко спешил спасти монархию путем отречения царя от престола.

Нужно ослабить революционную волну рабочих. Если мы успокоим или хоть на малое время ослабим революционный дух рабочих, мы сможем победить.

Гучков и Греков выехали на встречу навстречу царю. Они везли ему манифест об отречении.

Николай II спокойно встретил Гучкова и Грекова. Они изложили цель своей поездки и от имени государственной думы вручили манифест. Прочитав манифест, он спросил, кто его составлял.

– Шульгин, ответил Греков.

– Похвально, я в его способностях не сомневался.

– Вы подпишите сейчас манифест или нам подождать?

Царь кивком головы дал им понять, чтобы оставили его.

Греков ходил взад и вперед по перрону, он думал, что может сейчас царь новое придумать и когда, наконец, он подпишет манифест.

Подали поезд. Начальник станции вышел на перрон, к нему подошли военные и показали на царский поезд.

– Путь свободен. Я могу отправить поезд!

К военным подошли Греков и Гучков.

– Все в порядке, можете отправлять, манифест подписан.

С вокзала Гучков поспешил в дом князя Путятина, где собрались все члены Временного комитета государственной думы и члены нового Временного правительства с Великим князем Михаилом Александровичем.

Все ждали с волнением Гучкова. Он развернул лист бумаги, выровнял согнутые в кармане концы.

«2 марта 1917 года царь Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила».

Все в зале встали, стало тихо, только было слышно, как бьют настенные часы, извещая о начале и зарождении новой эпохи в России.

Утренние газеты напечатали манифест. А в зале государственной думы снова заседали члены Временного комитета государственной думы. Юристы Набокова и Нольде, по приглашению Великого князя Михаила Александровича, составили новый манифест об отречении его от престола.

Новый царь пробыл во главе империи всего сутки. Набокова, ставя точку в манифесте, после его окончания, сказала Нольде: «С Михаила Русская династия царей началась, с Михаилом она и кончилась».

Потом поставила число и месяц – 3 марта 1917 года.

– Мария, это правда, что отец просит Временное правительство разрешить ему выехать в Англию?

– Да, это правда, Аня. Английский король Георгий, двоюродный брат нашего отца, знает об этом.

– Аня, а если нам не разрешат выехать. Ни в одной стране, где произошли революции, ни один монарх не уехал...

– Перестань, сестра, раньше времени хныкать.

– Мария, отец говорит, что особая армия генерала Гурко, III корпус графа Келлера и командир гвардейского кавалерийского корпуса хан Нахичеванский скоро прибудут в Петербург.

– Аня, а может нам поговорить с сотником и Николаем, пока нет за нами особого призора, убежать отсюда. Мне сотник сказал: «Тебя хоть сейчас я вывезу и спрячу, где никто тебя не найдет». Может, рискнем, сестра, а когда в стране утихнет революция, мы сможем вернуться сюда.

– Ты думаешь с сотником убежать или с Николаем. Сотник женат, имеет жену и детей. А Николай гол как сокол, где он тебя спрячет, и есть ли у него друзья.

– Мы не обговорили еще план побега, но сотник мне сказал, что наша песенка спета, нас все предали, даже дяди и те от нас отвернулись.

– Не может быть, чтоб Великий князь предал отца, такие, как он, сами погибнут, но на предательство не пойдут.

– Великих осталось у нас мало. Давай вместе подумаем, как бежать. Сотник был на английском корабле и говорил с капитаном о нас. Давай думай скорее.

– Вчера сотник снова встречался с Милюковым, он ему сказал, что скоро нас посадят под домашний арест.

– Сам сотник боится, что при нашем аресте и его могут взять, на всякий случай он упротсил своих казаков в случае опасности его прикрывать.

– Что это значит, я не знаю, но догадываюсь, что мама и папа нам правду не говорят. Давай сотника снова пошлем к профессору, пусть он узнает из первых уст о нашей судьбе.

– Отец сидит в своем кабинете, мать занята только царевичем. Мы предоставлены сами себе.

– Пошли к сотнику, он сидит в парке.

Они вышли из дворца и направились в парк. Сотник рисовал солдата. Другие сидели на скамейке и смотрели на его работу. Анна толкнула сестру за руку.

– Давай пройдем мимо к дровяному складу, сотник догадается, что мы его там будем ждать.

Они встали около кучи дров, отсюда хорошо было видно сотника и солдат. Дорисовав солдата, он сложил краски, карандаши в ящичек. Сначала пошел по тротуару, потом, свернув за угол Дворца, пошел прямо к ним.

Аня сильно волновалась, как долго его нет, почему он не торопится, в былые времена давно был бы здесь.

Сотник пришел вместе с Николаем. Аня набросилась на него и начала в истерике кричать: «Предал, а обещал все сделать».

Потом подошла к нему, обняла за шею и заплакала.

– Извини, сотник, я уже ничего не могу с собой поделывать. В последние дни перестала собой владеть. Мы согласны бежать, если есть хоть маленькая возможность. У Временного правительства есть наши люди, они тебе помогут нас укрыть.

– Кто из вас согласен сегодня уехать? Я еду в казарму, могу взять с собой. Спрячу у моей знакомой, она имеет маленький домик на окраине города и двое детей. Там вас никто не будет искать.

Ни о чем не договорившись, они разошлись. Вечером сотник узнал, что Временное правительство издало указ об аресте царской семьи, поспешил сказать об этом Анне.

Анна выслушала его молча и хотела уйти.

– Не уходи, безголовая, – сказал сотник. – У меня в дровяном сарае сидит девка с виду как ты, очень похожа. Уговори родителей взять ее к себе, а тебя отпустить. Профессор сказал, что вас отправят в Сибирь, и навряд ли вы сможете оттуда вернуться живыми.

Почувствовав серьезную опасность, Аня взяла сотника за руку и повела в свою спальню. Через некоторое время туда пришла Александра Федоровна. Она внимательно выслушала сотника, посмотрела на стоящую белую от испуга дочь, сказала: «Во всем воля божья. Я в это смутное время, не имея другого выхода, доверяю вам судьбу моей дочери. Если нет у вас возможности вывезти ее из России, вывезите из дворца, а там пусть сама ищет себе дорогу».

Мария отказалась от побега.

– Приводите свою знакомую в спальню моей дочери, я велю ее помыть и переодеть.

– Она справится с этим сама. Ознакомьте ее с дворцом, а принарядиться, как Аннушка она, наверняка, сумеет.

Сотник со своим чемоданом и Аннушкой вышли из дворца. Никто их не останавливал, никто не интересовался ими. Оба вышли со двора, направились к дровяному складу, потом на лужайку. Царевна позировала полулежа на зеленой травке, кушая сочное яблоко.

Вышла из дома служанка и позвала Аннушку домой. Она прошла, весело смеясь, мимо солдат и скрылась в замке.

Через четверть часа два всадника покинули Царское село.

На окраине города в одном из трущоб они остановились, к ним подошла женщина, помогла сойти с лошади и повела в дом.

– Она не такая бедная, как вы говорили, сотник. У тебя там много красивой одежды, что ее нам на много лет хватит менять на продукты.

Сотник улыбнулся, подошел к Аннушке.

– Больше ничем тебе не могу помочь. Хорошо, что мы сегодня ушли, с сегодняшнего дня вся твоя семья будет находиться под домашним арестом. А я, как художник и ваш слуга, отпущен домой на три дня. У нас с тобой целых три дня, за эти дни мы должны найти корабль, чтоб ты могла выехать за границу. Не выходи из дома, сиди и жди меня. Если меня долго не будет, придет Николай. Постарайся хорошо поспать, завтра у нас будет много работы.

Сотник пришел в казарму, там были солдаты и матросы. Они показывали постановление Петербургского Совета о передаче сотни казаков на охрану мостов на Неве. Увидев сотника, казаки встали, отдали честь

– Вы сотник, – спросили приехавшие.

– Да! Я сотник особого казачьего отряда. С кем имею честь говорить?

– Мы из Петроградского Совета. Возьмите постановление и ознакомьтесь с ним. Постановление не подлежит обсуждению. В случае отказа ваша сотня снимается с армейского довольствия. Мосты охраняют матросы. Но у них нет лошадей. В городе много развелось разбойников, воров, жуликов, разной сволочи. Новой власти нужно помочь навести в городе порядок.

– Окажете нам такую услугу?

– С какого времени?

– В шесть вечера первая десятка должна быть у моста.

– Кто из ваших людей будет с ними?

– Я.

– А мне можно с вами походить по набережной? Сколько живу здесь, дальше казармы не бывал.

Сотник выехал из казармы вместе с отрядом моряков. Он объехал все знакомые места, где раньше встречал иностранных моряков, сегодня их нигде не было.

На набережной было тихо. У причала стояли корабли. После издания приказа об аресте царской семьи, запретили морякам иностранных судов сходить на берег. Боялись побега.

Матросы упростили сотника объехать Невскую заставу. На окраине порта стоял небольшой одинокий корабль.

– Этот старый хрен еще не уплыл, ведь я ему сказал, чтоб он поскорее убирался отсюда, – сказал матрос-комиссар.

– Другого места нет. Мы были у него на борту, там все в ажуре. День-два, и он окончит ремонт, потом уйдет.

Сотник присмотрелся внимательно. Этот корабль он видел неделю тому назад на погрузке, капитан свой человек.

Здесь были привязаны лодки. Посмотрев на замки, сотник, пришпорив коня, поехал назад, за ним поехали остальные.

– Куда спешишь, сотник? Почему убегаешь?

– Не выношу морской сырости. У меня на родине сухая земля, а здесь около моря, то снег идет, то дождь. Капризная погода.

Как только стемнело, сотник взял лодку, посадил в нее Аннушку и поплыл к кораблю. На корабле лодку заметили сразу. Сотник подошел к капитану.

– А, это ты, художник? А я думал, что ты шутил, когда хотел свою сестренку отправить в заморские края, а ты это всерьез, и что прикажешь мне с ней делать?

– Пошли, капитан в каюту, поговорим.

- А документы на выезд есть?
- Сотник вынул бумаги и передал капитану.
- Все правильно, но почему такая спешка, через неделю будет наш пассажирский и заберет ее.
- Она в это время должна быть дома.
- Вошли в каюту. Капитан пригласил сотника сесть, налил по рюмке водки.
- За хорошую дорогу, чтоб не было шторма, капитан.
- А тебе счастливого возврата. Небошь, боишься своего комиссара, может прихлопнуть. Зря боишься, может все образуется.
- Возврата, капитан, не будет, все решено и безвозвратно. Убегать нужно, капитан.
- Сотник положил на стол деньги и вышел, моряков упросил занести вещи сестры в каюту капитана, затем спросил:
- Когда отправляетесь?
- Проверим моторы и сегодня в море. Мои старые кости чувствуют, как приеду домой, здесь будет шторм.
- Буду ждать, боцман, шторма, когда он начнется, помолюсь за благополучный конец вашего плавания.
- Ты правильно понял меня, сотник. Тебя ждут, удачи тебе. Возвращайся скорее, через час здесь будет проезжать патруль.

Царица завела девушку в спальню.

- Почему ты согласилась остаться вместо моей дочери?
- Меня попросил об этом сотник.
- А знаешь ли ты, что тебя могут лишить жизни вместе с нами?
- Меня сотник подобрал умирающую на дороге от голода. Он мне сказал тогда, если хочешь много еды и красивой одежды, согласишься быть царевной Аннушкой. Сотник дал мне денег и отвел за город в неизвестный мне квартал. Там я и назвалась царевной Аннушкой. Мне было там хорошо, ко мне обращались все «ваше Величество, царевна Аннушка». У меня была крыша над головой, хорошая пища и много чудачковатых друзей. Но это длилось недолго. Пришел сотник за мной и привез меня в домик около дровяного склада. Однажды меня увидели солдаты и спросили, кто я.
- Царевна Аннушка.
- Они весело засмеялись, низко мне поклонились и ушли, а подслеповатая бабка Фекла, напросилась меня отвести ко двору, разрешила проводить до дровяного сарая. Старуха вернулась домой, а я, оббежав сарай, спряталась в доме, где меня нашел сотник.
- А ты и правда похожа на мою дочь. Что будешь делать, если узнают всю правду?
- Скажу, заставили, и мне поверят. Вас все равно увезут в Сибирь.
- Откуда ты все царские секреты знаешь?
- Об этих секретах говорят все уличные мальчишки, а они-то вездесущие, все знают. Господа только подумают, а они уже говорят.
- Вошла графиня. Она подошла, поздоровалась с Аннушкой.
- Что ты, Аннушка, дома сидишь, пошла бы, хоть немного погуляла, а то сидишь дома, так и затосковать можно. А где твой сотник?
- Уехал к своим казакам. Говорит, окончилась наша казацкая свобода. Забирают их на охрану мостов.
- Значит, он больше не будет здесь.
- Возможно.
- Уходят наши верные люди из нашего замка.
- Вышла графиня. Царица Александра Федоровна набросилась на девушку с криками.

– Как ты могла, оборванка, таким тоном разговаривать с графиней.

– Ваше Величество, по нашему уговору, я ваша дочь, и вы должны меня не ругать, а во всем помогать и защищать меня от моих ошибок. Чем меньше у меня будет ошибок, тем больше времени я продержусь здесь, тем безопасней будет бегство вашей дочери царевны Анны.

– Мама, прикажите подать мне что-нибудь поесть, страх, как хочу попробовать царскую еду.

Царевна похлопала в ладоши, вошла графиня.

– Что желаете, Ваше величество?

– Пусть накроют стол. Пригласите царевну Марию к столу.

– А где Анна Выборова?

– Она уехала. Во Дворце идет разговор, что все жители Дворца находятся под домашним арестом. Вход и выход из Дворца ныне разрешается только членами Временного комитета государственной думы.

– А вы меня ругали. Я вам спасаю вашу дочь, а вы кричите. Как покушаю, пойду знакомиться со своей сестрой Марией. Вы мне в этом поможете. Царевна Аннушка говорила, что она знает о ее побеге, а сама бежать отказалась.

Сели за стол, царица взяла кусочек торта и выпила чашку чая. Тоже повторила Аннушка. Александра Федоровна молча смотрела на Аннушку .

– Почему не ешь, ведь ты хотела есть.

– Я и сейчас хочу. Отошлите графиню, я поем.

Графиня ушла. Аннушка взяла тарелку, выпила сначала жидкость, потом гуцу. Налила полный бокал чая, положила несколько кусочков сахара, размешала ложкой, макнула палец в чай.

– Пальчики оближешь, – сказала она и залпом выпила весь чай. – А больше ничего нет?

– Ты съела так много и еще просишь кушать, у тебя хороший аппетит. Тебя не надо уговаривать: «Скушай, Аннушка, кусочек».

– Научится Аннушка кушать. Это здесь много всего, а где она сейчас, там все дают в норму. Наелся, не наелся, а больше нет.

Александра Федоровна заплакала.

– Где, ты, моя доченька, кто тебя пожалеет, кто тебя накормит?

«Аннушка» встала перед ней на колени, вытерла слезы и проговорила:

– Не плачьте, матушка, лучше быть живой и здоровой там, чем здесь под домашним арестом ждать, когда увезут в Сибирь.

– Сотник сможет к нам сейчас прийти, или нет?

– Лучше бы он уехал куда-нибудь подальше. Говорят, кто поедет с нами в Сибирь, назад не вернется.

– Аня, я могу ему передать весточку от вас и непременно, чтоб он арестованных сопроводил в Сибирь.

– У вас много друзей, они надежны, и можно на них положиться.

– На сотника и майора надеюсь, они не подведут.

– Где ваши большие вельможи, которые отирали здесь свои сапоги.

– Они сбежали.

– Нет, многие из них вам верны, как и прежде. Вас изолировали от всех, Вы находитесь в клетке.

– Замолчи.

Они встали и пошли искать Марию.

Сотник поздно ночью вернулся к своим казакам. Караульные, увидев сотника, открыли ворота и впустили во внутрь.

– Час тому назад вас спрашивал какой-то старик. Говорит, я профессор, и мне нужно непременно сегодня увидеть сотника. Как приедет, пусть поворачивает лошадь прямо к нему домой.

– Мосты уже развели, нет дороги, утром, как только мосты встанут на место, буду у профессора.

Василий снял с седла узелок, в нем было сало, огурцы, колбаса и бутылка водки.

– Возьмите, перекусите, а меня поднимите чуть раньше обычного. Если приедет посыльный с заставы, буди немедленно, для остальных меня нет.

Сотник уснул быстро, а казаки уселись полукругом, вскипятили в котелке чай, выпили по рюмке, вытянули жребий, кому идти спать, а кто стоит на часах.

– Буди сотника. Колокол известил, мосты опускают. Пусть скачет к профессору.

Сотник вскочил, умылся, переоделся. Ему принесли начищенные до блеска сапоги. Поставили чайник.

– Позавтракайте, господин сотник, дорога хоть и не далекая, но опасная и придется ли вам где-нибудь перекусить.

У профессора были Милюков и Гучков. Они всю ночь ждали сотника. Уснули только тогда, когда профессор сказал, что он не приедет – мосты разведены.

Ждать утром было опасно, могли наскочить матросы и спросить, что члены государственной думы делают у профессора.

Увидев сотника, они снова зашли в дом.

– Вам нужно немедленно ехать в Царское село. Сегодня будет издан указ о лишении свободы Николая II и его семьи.

– Они это уже знают и готовы его принять. Если бы вы мне предложили какой-то план спасения семьи Николая II, я бы с радостью туда поехал.

– Вы можете организовать им побег? – спросил Милюков.

– Я могу вечером вывезти их из Царского села и привезти в Петроград, а вы сможете их отправить за границу?

– Это вопрос времени. На него я не смогу ответить сейчас.

– Передайте, господин Милюков, своим единомышленникам, что завтра это будет невозможно.

– Сегодня семья Николая никому не нужна, а если вы издадите указ об его аресте, она будет принадлежать тюрьме.

– Что вы говорите, сотник? Побойтесь бога.

– Я не против Бога, я за него и царя. Сегодня он ничейный и никто не вправе спрашивать, куда он идет, куда едет, с изданием вашего указа он будет принадлежать закону. А закон это тюрьма. Независимо домашняя или государственная.

– Завтра в Царском селе будет майор, ваш дядя, быть и вам там. Не удастся сегодня отправить семью царя за границу, попробуем чуть позже. Нам нужны там свои люди.

– Во дворце я не сотник, а художник.

– Возьмите постановление Временного совета, что вам разрешается быть с царской семьей до ссылки.

– Его увезут в Сибирь?

– Возможно, сотник. Сегодня ситуацию контролируют большевики, приходится с ними считаться. Время от времени будете получать наши инструкции.

– Кто заменит меня? Моя сотня со вчерашнего дня охраняет мосты. Помощник матроса наш человек, а комиссар – матрос. На случай спасения семьи Романовых я должен сам распоряжаться своей сотней, а не матрос.

– Мы об этом позаботимся, твои казаки будут иметь связь с тобой. Сейчас отправляйся на Нарвскую заставу, там от комитета большевиков получишь разрешение на право проживания в Александровском замке. Спешу, сегодня Керенский поедет на свидание с царем, тебе нужно быть там.

Николай II передал через Керенского еще раз прошение на разрешение ему выехать в Англию. Временное правительство отклонило просьбу Николая. Был издан приказ об ускоренном формировании поезда для отправки царской семьи в Мурманск. Были разногласия, под каким флагом должен двигаться поезд. После многих споров решили вывезти под японским флагом под прикрытием Красного креста. Многие монархисты добивались встречи с Николаем II. Ежедневно десятки людей были на приеме у царя. Комиссар Мстиславский устал от надоедливых посетителей. Среди всех охранявших Царское село и Александровский дворец не было ни одного солдата и офицера хорошо знавшего жизнь во дворце. Среди записей в караульской дворцовой книге часто встречались одни и те же лица. Мстиславский начал искать знакомые фамилии.

Леонид Фуголь, прибыл сотником. Майор, участвовал в Германской войне, награжден тремя крестами. Часто бывал при дворе, использован, как рядовой офицер.

Среди дворцовых людей никто его не знал, слышали, что приехал с сотней казаков.

В Александровском замке, в ее библиотеке работал профессор. Целыми днями он сидел за книгами и только вечером одиноко бродил по тротуарам дворца.

Мстиславский хотел выдворить старика из замка, но исполком, откуда он был сюда направлен, запротестовал. Это светило науки не только России, а многих стран. Раз это светило бывает часто здесь, он должен слышать о сотнике.

Профессор вышел из своего кабинета и вслед за ним пошел комиссар.

– Господин профессор, я ищу сотника, не могли бы вы мне подсказать, где его найти.

– Сотник охраняет на Невской заставе мосты. Спросите комиссара Невской заставы.

– Спрашивать можно и неделю, а мне он нужен сегодня. Нет у меня хорошего помощника, знающего все вокруг.

– Не могу вам, комиссар, точно утверждать, знает ли он местность, но угольный и дровяной склады были его рабочим местом. Его сотня заготавливала дрова для Царского села.

Свозите меня комиссар домой, а я по дороге вам покажу сотника.

Василий собирался идти на встречу с профессором, после встречи он должен поехать в Царское село, собрался уже выходить, увидел в окно, что к нему шли профессор с незнакомым военным.

Познакомившись с Мстиславским, он дал ему слово, что завтра будет в Царском селе.

Комиссар уехал, а они с профессором пошли к нему домой.

– Комиссар – человек слова, что сказал, то и сделал. В последние дни на территории Александровского дворца становится все меньше приезжих людей. Пока допускаются только члены государственной думы, думаю, что в скором времени и они будут лишены права бывать здесь.

– Великого князя не видел уже неделю, а его брата – больше. Родственникам запретили общаться с царской семьей. Был у своего товарища, он сказал, что поезд под японским флагом готов. Не сегодня-завтра государя и его семью отправят.

– Будет ли у вас возможность спасти императора по дороге?

– Думаю, профессор, что мы уже упустили такую возможность, мне кажется, что тот, кто возглавляет спасение Николая II, уже сам не хочет его спасать.

– Вы можете это доказать?

– Не все можно говорить, это может повредить мне и тем, кто мне верит.

– Что-то вы, сотник, в последнее время перестали верить в правое дело.

– Я привык из критических ситуаций выходить сам, без посторонней помощи. И если вы хотите остаться живыми, профессор, если дорога вам ваша честь ученого, оставьте это дело. Займитесь наукой. Если останусь жив, навещу вас. Идите домой и не возвращайтесь во дворец.

VI НА ССЫЛКУ В СИБИРЬ

Во дворце остался только царь со своей семьей. Одних увезли в тюрьму, а других отпустили по домам.

Поезд двинулся на Восток под усиленной охранной. Командир Кобылинский с сотником осматривали вагоны.

– Зайдем, сотник, посмотрим, чем занимается наш бывший царь-батюшка.

Быстрыми шагами передвигались из вагона в вагон.

– Вы знаете, командир, куда мы едем и где наш конечный пункт?

– Не спешите, сотник, сразу все узнать. Дорога длинная, времени у нас будет хоть отбавляй. Я вас последним включил в конвой нашего поезда, и многое вы не знаете.

Остановились перед вагоном царской семьи. Открыв тамбур, они вошли в вагон. Два солдата отдали честь, за тамбурными дверями еще двое.

Царь играл в домино. При входе командира и сотника, он положил домино на стол. Высокомерно поднял голову, серьезно и строго спросил командира:

– Может сейчас, когда поезд уже нас везет, вы скажете нам, куда вы нас везете?

– Придет время, узнаете, не велено сегодня говорить. Приедем на место, там все и узнаете.

Мария и Аннушка сидели около матери. Увидев сотника, Аннушка встала.

– Вам плохо, царевна? – спросил Василий.

– Нет, на здоровье не жалуясь, вот немного разрешили бы прогуляться на улице.

– Пройдитесь по вагону с одного конца в другой, вам станет легче.

Аннушка побежала во второй конец вагона и скрылась в туалете. Мария с широко открытыми испуганными глазами смотрела на сотника. В ее глазах был только один вопрос «Где Аннушка, где сестра-царевна?».

Кобылинский посмотрел на стоявшие шахматы, сказал: «А вы, государь, в выигрыше, подвиньте пешку и ваш конь, через два хода – мат»

– Там в углу стоит ферзь противника, убирает он слона от ферзя и мне мат.

– Не понял вашего хода, государь.

Пока Кобылинский спорил и доказывал, как ходить, сотник подошел ближе к Марии.

– В тот же вечер они вышли в море.

Вышла Аннушка из туалета и встала у окна, она ждала сотника.

Кобылинский прошел тамбур мимо царевны. Василий задержался на несколько секунд и пошел за командиром. Проходя мимо Аннушки, и никого не заметив в тамбуре, сказал:

– Уехали с капитаном на рыбацком судне. Помнишь, в последний вечер мы с ними за одним столиком сидели.

– Ты молодец!

– А как ты?

– Как птица в клетке.

На второй день сотник заметил, как Кобылинский вошел в вагон Николая II и долго оттуда не выходил. Подошла повариха.

– Сотник, стол можно накрывать?

– Сейчас спрошу, я этим не командую.

Он зашел в вагон, а командир вышел из него с другого конца. Сотник подошел к взволнованной Александре Федоровне.

– У вас, что-то случилось?

– Нет, сотник, все хорошо.

Мария посмотрела в тамбур, там никого не было.

– Расскажите подробнее, сотник, мы слушаем.

Анна вышла вслед за сотником.

– Вася, мне здесь стало тесно и тяжело, разреши убежать.

– Кругом тайга, одни медведи.

– Здесь тоже тайга и я хочу из нее выбраться.

– Постараемся, Аннушка, помочь тебе, только не здесь. Погибнешь.

У Аннушки потекли слезы.

– Ты никогда не плакала, почему плачешь?

– По ночам царевна Мария плачет во сне и зовет к себе сестру. Вчера она мне сказала: «Дура я, что не убежала вместе с сестрой».

– Если убежишь, иди в дом профессора, он будет тебя ждать. Мой адрес помнишь, от профессора беги ко мне.

Была осень. Листья пожелтели, солнце стало поздно вставать и рано ложиться. В Тюмени пересели на пароход. На корме парохода сидели сотник с командиром. К ним подошла царевна Аня и села рядом. Командир встал и ушел, Василий посмотрел на царевну и засмеялся.

– Привыкла, птичка, сидеть в клетке?

– Не очень, Вася. Думаю сегодня ночью поплавать по Тоболу.

– Нырять сейчас, недалеко от города, а в тайге съедят медведи, и не вернешься домой.

Готова к побегу или только меня пугаешь?

– Кое-какие драгоценности для питания зашила в рубашку и трусы. Ношу деньги при себе на всякий случай.

– Через час мы будем за городом. Вон там за поворотом и нырни, там есть, где спрятаться.

Василий ушел, оставив ее одну. Подошли матросы, начали с царевной шутить.

Пришел боцман, всех разогнал, царевна Аня подошла к Марии, что-то ей сказала и ушла.

Через десять минут ушла вслед за ней и Мария.

Сотник стоял на палубе один, наблюдал, как летают чайки. Вдруг он услышал что кто-то его позвал. Одновременно он увидел, как разошлись круги на воде. Потом вода успокоилась. Недалеко от плывущего парохода плавало полузатонувшее бревно. Оно чуть качнулось, стало уходить к берегу.

Матросы подошли к сотнику и стали показывать на плавающие бревна, а их в этом месте становилось все больше и больше.

– Здесь люди рубят лес и сплавляют вниз по Тоболу. Богатый край лесом, а людей нет.

Вечером к сотнику подошел Кобылинский.

– Где вы были час назад?

– В каюте отдыхал, а что случилось?

– Час тому назад корабль наскочил на затонувшее бревно, весь груз, где мы сидели с царицей, упал в реку, а с ним исчезла и царица.

– Вы ее искали?

– Да, искали, но вытащили только полузатонувшее бревно, а царевна исчезла.

– А кто еще утонул?

– Один матрос, но тело его нашли, сук зацепил тело матроса за пояс, и он повис на бревне.

Известили царя и царицу. Царица сыном плакала, а царь сидел молча.

– Не я разрешал выходить на палубу. Пожалели, проявили милосердие и вот такой результат – царевны Аннушки нет.

Договорились обо всем молчать.

На палубе стояли комиссар конвоя Макаров и командир полковник Кобылинский.

– Через сутки, господин полковник, мы будем в Тобольске. Наша миссия окончена. Какие наши дальнейшие планы?

– Думаю, нас долго не задержат в этом городишке. Загрузим попутным грузом «Русь» и «Кормилец» и домой.

Около них стояло несколько десятков солдат и, услышав разговор о возвращении домой, окружили командира.

– Господин полковник, это правда, что мы вернемся домой?

– Разгрузим корабли, пополним продукты питания и в обратный путь.

Боцман дал команду «Драить палубу», матросы разошлись, а матрос с Кобылинским остались.

– Вы, полковник, уверены, что нас отпустят домой?

– Да, уверен. Мне лично Керенский говорил: «Ты едешь только до Тобольска, и желаю скорейшего возвращения».

– С того часа много воды утекло. Меня одна мысль не покидает. Почему с нами никогда не бывает капитана, почему он держится от нас в стороне?

– Он везет груз государственной важности и отвечает за всех. Потому сторонится он нас.

– А я думаю по-другому. Приедем на место, пока сдадим груз, оформим документы, а пароходы уплывут.

– Пароходы должны дозаправиться продуктами, водой. Для этого нужно три-четыре дня, за это время мы управимся.

Сотник стоял на палубе и услышал, что кто-то его завет. Недалеко от него стоял кочегар. Без рубахи, весь черный. Его лицо блестело угольным блеском. Зубы чуть виднелись из закрытых губ. Мускулистое тело кочегара было напряжено.

– Это ты меня звал? – спросил сотник кочегара. Подойдя поближе, он узнал в кочегаре своего дядю.

– Твоя Аннушка доплыла до берега, я видел. Но куда вы дели царевну?

– Отправили в западную Европу.

– Давно?

– Перед отъездом из Петербурга.

– Хотелось бы этому верить.

– Слушай, Василий, наш план был захватить корабль и выйти в открытое море, но это нам не удалось. Захвативши корабль, мы с ним поплыли бы к замерзшему морю. Надежда на Тобольск. Там много наших людей. Постарайся попасть в царскую охрану. Тебе верят. Действуй. В Тобольске я тебя найду.

Как только корабль прибыл в Тобольск, Василий Васильевич вместе с матросами пошел в городскую церковь. По просьбе комиссара Макарова службу вел епископ Гермоген.

Фуголь незаметно вошел в ризницу. Епископ переоделся. Передав ему от императрицы Марии Федоровны привет, он попросил помочь освободить государя.

В доме купца Силкова собрались все монархисты. Майор Фуголь от имени императрицы Марии Федоровны призвал участников сегодняшнего совещания принять активное участие в освобождении Николая II.

– Люди, арестовавшие царя и выславшие его из Петербурга, желают его скорейшей смерти. Они боятся народу России сказать правду, что они царевубийцы.

– Здесь находится вся его семья. Нами налажена регулярная переписка с царем Николаем II. Мы убедим царя, что не стоит ждать помилования и разрешения на выезд за границу, а надо бежать как можно скорее.

– Мы ждем его согласия, затем начнем действовать.

Выступил капитан Рябчук.

– Мое предложение, не ждать согласия царя, а пока нас никто не ждет, освободить его, взяв штурмом дом.

Выступил и хозяин дома.

– Сегодня я разговаривал со своими сыновьями о нашем царе-батюшке, что неправильно с ним поступили. Мои сыновья, а их сейчас у меня четверо, пятый служит где-то в Крыму, обещают сами, без посторонней помощи, его освободить. Только вот беда не придумали, где их спрятать.

– А как они думают его освободить?

– Для этого дела они уже лестницы приготовили, чтоб положить через один и второй заборы, а самую длинную приставить к окну.

– А что будете делать с окном?

– Окно нельзя вышибать, оно легко вынимается. При ремонте сын сам его ставил туда.

– Мы это обсудим при составлении плана.

– Если не придумаете, где спрятать царскую семью, я ее спрячу. У меня в тайге есть тайник, могу десяток людей спрятать и до весны их там прокормить. Мои люди здесь валят лес и помогут сделать правое дело, – сказал полковник Станиславский.

Все ждали согласия Николая II на побег. Майор Фуголь готовил штурмовые отряды. До первого глубокого снега нужно увезти императора с тобольской земли.

Вместе с царем на пароходе «Русь» была привезена первая партия оружия. Через неделю ждали пароход «Сибирь». Он привезет пулеметы и гранаты.

Груз доставляли в лавку купца, а от него развозили по отрядам. На призыв откликнулись многие монархисты.

Вечером Василий вошел в комнату царевны. Она похудела, плечи были опущены, на глазах слезы.

– Не утешай меня, Вася, сама виновата, что сижу здесь. Недаром есть пословица: «Под лежащий камень вода не бежит». Не послушала тебя, вот и страдаю. Как ты упрашивал меня поехать на твою Украину, отказалась. Утихло бы все, и я вернулась бы домой. Ты раньше меня упрашивал, чем Анну. Боялись, стыдились, ждали какого-то чуда. Твой дядя Фуголь говорил нам: «Чудо будет, если вы спасетесь». Мы засмеялись с мамой, когда он это нам сказал, еще матушка побранила его. Где он сейчас, наш спаситель, он был около нас на пароходе, а сейчас?

– Формирует боевые отряды.

– Уже поздно, сотник. Вчера вечером я слышала в караульном отделении, комиссар говорил командиру охраны о городе Екатеринбурге.

– Екатеринбург!

– Да, туда нас повезут, мне ночью снился сон, что, что нас вывозят из этого дома ночью, идет дождь, мне ты приносишь свежих яблок и говоришь: «Съешь, царевна на прощание», а солдаты тебя оттолкнули, а нас куда-то бросили... Я проснулась, в комнате темно, свеча только догорела. Не пойму, лечу ли я в пропасть, куда меня бросили солдаты, или лежу в кровати.

VII НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН ПОБЕГА

Майор сидел на стуле возле печки, в руках держал пистолет, резак, на столе лежало еще несколько таких ржавых и грязных.

– Где, вы их, Палыч, нашли? – И вы в самом деле думаете с этим оружием освобождать своего государя? – спросил Палыч.

– Не гневайтесь, майор. Когда оружейный склад горел, мы кучей бросились его тушить, чтоб огонь до снарядов не дошел. А когда огонь потушили, пошел дождь, лил как из ведра трое суток. На второй день мой сосед пригласил меня в гости. Выпили по одной, потом еще и нализались до чертиков, не помнили, что и делали. Решили на пепелище искать пистолеты.

Вот по пьянке и принес домой их целую дюжину. На второй день солдаты рыщут по домам, ищут, кто был на пепелище. Пришли во двор с обыском, а у меня в сарае лежит мешок с этим оружием. Думаю, пропал. Солдаты узнали меня, они вместе со мной тушили огонь. Офицер посмотрел на меня, потом на солдат.

– Это ты геройски тушил склад?

– Он! Он!

– Пошли. Такой, как он, не пойдет позориться на пепелище.

Только они ушли, я за мешок и в лес, положил его в дупло старой сосны. Если бы не вы и по сегодняшней день оно бы там лежало. Все годное, боевое. В руках мастера оживет, заблестит, как новенькое.

Подшло еще несколько человек и начали работу: кто чистил, кто смазывал. Не прошло и часа, как новенькие пистолеты лежали на столе.

– Спасибо, Палыч, за оружие, но ты говорил и патроны есть.

Палыч идет к печке, наклоняется и вытаскивает из-под печки корыто.

– Вот вам и патроны, – снимает с корыта одеяло, а оно полное, со сверкающими на солнце желтыми патронами.

– Ты, Палыч, даешь! – этими патронами можно целый наш город вооружить, а не только батюшку-царя освободить.

– Старались по вашей просьбе, господин майор.

– Здесь Ляня, а не майор. Запомни, Палыч. И на улице не твякни, чего доброго доведешь меня до виселицы.

Разделили патроны по кучкам и стали по одному расходиться.

– Леонид, ты не уходи, хочу кое-что спросить.

– Спрашивай, здесь все свои.

– Свои не свои, а ты мне нужен, не они. Уходя, закрывайте двери, на улице уже холодно.

– Говори, Палыч, быстрее, с таким грузом нужно быстрее уходить.

– Может, это зря вы затеяли.

– О чем ты, Палыч, не тяни, говори!

– Вчера у лавочника были ваши, когда они вышли, пошел следом за ними. Много говорили об Екатеринбурге, значит там совершится самое главное, а не здесь. Ты поверь, Ляня, может, их уже отвезли в Екатеринбург, а ты зря здесь топчешься.

– Спасибо, Палыч! Не от тебя первого слышу, значит, правда. Попроси нашего «золотого», пусть пригласит их на званый ужин и хорошо угостит. А ты снова подслушай. Скажи «золотому» пусть девушек из наших к ним пригласит. Может клюнут.

– Мы уже с «золотым» договорились, сегодня у них вечеринка.

«Золотым» звали рыжего капитана из полицейского управления, он один из всех полицейских Тобольска пользовался доверием комиссара и командира, охранявших заключенных.

Первым пришел комиссар караульного отряда Панкратов. Он недавно вернулся от Голощекина, который заслушал его отчет о пребывании царской семьи в Тобольске. Голощекин выступил перед членами президиума Уральского облисполкома с просьбой перевести царскую семью в Екатеринбург.

– Мы не контролируем ситуацию в Тобольске, ныне правит там епископ Гермоген, он бьет во все колокола о спасении православной России во главе заключенного там Николая II.

По данным нашей разведки, там сформировано несколько отрядов по освобождению царя. Пока они действуют врозь, но стоит им объединиться, и мы не сможем им помешать сделать свое грязное дело.

Нужно в ближайшие дни подготовить документ – постановление о переводе семьи из Тобольска в Екатеринбург. Провести новые выборы в Совет, поставить там своих надежных людей.

– Сегодня у «золотого» вечеринка. Вас, Катю, Варю и Надю тоже приглашали.

– Нас уже «золотой» известил. Но думаю, это пустая затея.

– Почему Валя?

– Вчера я был в караульном отделении, там возвели второй забор и усилили охрану. Ни один из солдат караульного отделения не ответил на мои вопросы. Они молчат, как будто воды в рот набрали. Через каждые два часа командир приходит, проверяет все ли на месте. Нам, девушкам, запрещают заходить к ребятам.

Ты умница, Валя, постарайся чем-нибудь их одурачить. Напои, подурачься с ними, а потом невзначай спроси.

– Позавчера Варя была в караульном отделении и в казарме, принесла им водку, закуску, продавала недорого. Немного выпили и отказались. Комиссар сказал, если напьются, голову снимет.

– Вечером они будут не в карауле, а на гулянке, постарайтесь.

За столом сидел Панкратов в окружении девушек. Валя играла на гитаре и пела с Катей песни. Надя кокетничала с офицерами. Начал играть громофон, Валя положила на кровать гитару и пошла танцевать.

После каждого танца Надя подносила танцующей паре выпить. За столом начались оживленные беседы. Все жаловались, что не выдают жалованья, надолго затянулась война, скорей бы увезли бы отсюда, надоело здесь торчать, пора домой.

– Не отправят быстро царскую семью. Царевич приболел, и отправка затянется надолго, – говорили другие.

– Он часто болеет, и ждать его выздоровления не будут. Нас гоняли в Сибирь больных, хромых и калек, так и их повезут. Пусть пешком идут, как я шел в десятом году. Босой, голодный, холодный, отмахал от Урала почти тысячу верст, – зло проговорил анархист Хлыков.

– Не хныч, Хлыков, ты свое отколесил, теперь очередь Николашки, тебя гнали пешком по семьдесят верст в день, а его повезут в Екатеринбург, как порядочную сволочь. Может, Хлыков, дашь мне своих головорезов, я с ними быстро Николашку отправлю на тот свет. Он нас гнал в Сибирь, убивал, топил в болотах без суда и следствия за то, что мы лучшей жизни требовали. Он нас голодом морил, а ему здесь подают первое, второе и еще подносят выпивку.

– Это неправда, несколько дней тому назад я видел, как царица сама стирала, значит, прислугу убрали.

– Что б царица стирала, я этому не поверю, – сказал поручик. – Это все сказки, выдумки.

– А ты сходи, посмотри.

– Посмотрел бы, если бы мне разрешили посмотреть. Мое дело охранять улицу, чтоб на улице меньше незнакомых людей шаталось, а их шатается с каждым днем больше и больше.

– Это люди Гермогена, он во все горло кричит, что мы держим зря Николашку за решеткой, он снова взойдет на престол.

– Взойдет ли царь на престол, а вот бунт и резня в городе могут произойти.

Полупьяный Панкратов встал из-за стола, взял Валю под руку и пошел танцевать. После танца они пошли в раздевалку, взяли пальто и вышли на улицу.

На улице он шел ровным спокойным шагом, шутил и смеялся, много рассказывал смешных историй.

– Почему вы ушли, могли бы посидеть, погулять.

– Не люблю такую компанию, когда люди много пьют, у них не закрываются рты.

– Но я тебе ничего плохого не сказала, а ты на меня сердисься.

– Пошли, Валя, домой. Там нам сегодня нечего делать, ты отдыхай, а я пойду. У нас сильно заболел царевич и наш врач перед его болезнью бессилен, хорошо, что рецепты они взяли с собой. В аптеке приготовят лекарство и попробуют его вылечить.

– Ты, солдат, а не врач. Твоя сторона солдатская, защищать их покой, чтоб злые люди не напали. Вот хоть взять ваших офицеров. Как они их не любят, они б всю семью царскую расстреляли, только дай им на это право.

– Верно, говоришь, Валя, больше боюсь их, чем заговорщиков. Потому и хотим отправить всех, а выздоровеет царевич – и его в Екатеринбург.

Присели на лавку, Валя снова вынула из сумки бутылку, налила себе и выпила.

– Пей, согреешься, а то пока дойдем, околеем от мороза.

– Может еще, а если не хочешь, пошли домой, мне холодно.

Панкратов протягивает за стаканом руку.

– Сначала поцелуй меня, потом пей.

Он выпивает, протягивает к ней руку, обнимает и целует.

– Держись крепче на ногах. Вот мы и дома. Где твой ключ?

Входят в комнату. Панкратов засыпает. Валя тихонько выходит из комнаты.

На улице встречает дядьку Леонида.

– Вы меня ждали?

– Узнала что-нибудь новое?

– Царевич болен. Решили увозить царскую семью, а царевича до выздоровления оставить здесь.

– Спасибо, Валя, иди спать.

– Вы сами верите в то, что он говорит?

– Ты же слушала, он тебе говорил, а не мне.

– Говорил-то мне, а, может, для вас.

– Почему ты, Валя, считаешь, что он все о нас знает?

– Во-первых, гулянку устроили не у него, где планировали. Во-вторых, там притворился пьяным, а вышли на улицу, хмеля как не бывало. Наливаю ему и себе, он одну пьет, а две выливает.

– По-моему, он не спит, а уже ушел. Говорит, отправят сначала царя, царицу и дочь, а Алексея до выздоровления оставят здесь.

– Царевича я вижу каждый день, а остальных нет. Их наверно увезли, а нам устроили маленькую показуху. Не знаю, как ты, а я думаю так.

Леонид провел Валю еще один квартал, получив условный знак, что на улице все спокойно, пошел на явочную квартиру.

Хозяин дома известил, что Панкратов после ухода Вали вышел из дома и пошел в дом Корнилова.

– Господин майор, вы верите Панкратову?

– Я верю всем, пока от людей, с которыми я работаю, есть хоть маленькая польза для моей большой работы.

– Но он, господин майор, может нам ее испортить. Сам Панкратов сидит уже в мышеловке, стоит только опустить...

– Я вас понял, его советы используют как приманку.

– Он мягкосердечный, уступчивый, это его погубило. Скоро перевыборы советов. Как только станет больше в городском совете большевиков, Панкратова уберут.

– Нам нужно спешить, господин майор, Гермоген обещал помочь.

– Он уже помог: промолчал бы со своего амвона, как я его просил, мы бы освободили царя батюшку, а теперь в охрану включили солдат городского гарнизона. Они наш замысел разгадали, стоит нам только напасть, и солдаты нас окружают. Нужно выманить солдат из города и тогда действовать.

– Панкратов свой человек.

– Да, он свой, но против монархии. Значит и против царя.

– Плохие у вас дела, майор. Делаете одно дело, а думайте по-разному.

– Так решила дума. Дума тоже против монархии и царя. Они, все, кто захватил власть, царевубийцы. Править страной не умеют, научились только грабить, разворовали всю страну.

– Это не наше дело, наше дело освободить царя-батюшку.

– Освободим царя, убежим в тайгу или за границу, а потом что? Ведь он сам отрекся от престола, нам с вами и сажать его придется, выходит так.

– Плохие дела у нас, Данила Павлович, вот и вы сорвались, всех ругаете, всех вините, в такой ситуации нужен хладнокровный риск. Завтра из леса солдаты будут перевозить бревна, нужно, чтоб в этом деле участвовал весь гарнизон. Вам, Данила Павлович, нужно подсказать, чтоб дали подкрепление из числа оставшихся в казарме солдат на вывозку. В это время, когда в городе не останется ни одного солдата, мы объединим все свои разрозненные отряды и освободим царя. Даю вам слово депутата, что все солдаты будут в лесу, лишь бы вы сделали свое дело.

В обед майор встретился с сотником на квартире Данилы Павловича.

– Тебе, сотник, открыть ворота, когда штурмовые отряды подойдут к зданию. У ворот будут стоять свои часовые, а царская семья будет готова к побегу.

– Ждали царского согласия на побег. Если получим положительный ответ, быть всем готовым к захвату губернаторского дома.

Губернаторский дом был в центре города, и к нему примыкало несколько тупиковых переулков, выходящих к улице, на которой расположен дом губернатора.

– Мы расставим за два-три дня свои основные силы. Это штурмовые отряды, они нужны будут только в критический момент. Царская семья со второго этажа спускается вниз по лестнице, через ворота, выходит во двор, здесь всех ждут и увозят. Не сработает этот план, есть план запасной. По нему они выходят на противоположную сторону дома, через дыру в заборе.

Весь городской гарнизон работал на заготовке дров. Половину солдат караульной службы Панкратов отправил заготавливать дрова для губернаторского дома.

Губернатор, оставив свой дом для царской семьи, редко когда приходил сюда, домой. Его вызвал Панкратов и известил, чтобы он приехал вместе со своим управляющим. Получив вызов, губернатор велел запрячь лошадей. Во дворе пилили и рубили дрова царской прислуге. Панкратов руководил всей этой работой.

– Господин губернатор, принимайте свое хозяйство обратно. Заготавливайте дрова и уголь сами, а мы в ближайшие дни уезжаем.

Принимать дом и заготовку леса? Губернатор увидел, как Панкратов лукаво на него посмотрел и ехидно улыбнулся.

«Здесь что-то не ладное – подумал губернатор, – Панкратов что-то хитрит. Нужно опросить тех, кто часто бывает с комиссаром».

Через час прибыли новые тележки с дровами. Помощник комиссара Панкратова подошел к губернатору.

– А вы что делаете здесь, господин губернатор, – спросил помощник Панкратова.

– Прибыл по вызову комиссара, дом освободится, и я могу вернуться сюда.

– Это ложь. Голощекин добился от Уральского облисполкома и президиума ВЦИК о переводе царской семьи из Тобольска в пролетарский Екатеринбург.

– Вчера лечащий врач доложил, что царевич сильно болен и переезд из Тобольска в Екатеринбург не выдержит.

– Решили вывозить их поэтапно, сначала отвезут Николая II, Александру Федоровну и девочек: Ольгу, Татьяну, Марию. Наследника царя Алексея вывезут, когда он выздоровеет. Врач мне сказал, что если он и выздоровеет, то его дни сочтены. Он тяжело болен. А ваш дом передается большевикам в распоряжение горсовета. Этот вопрос решится после выезда царской семьи. Панкратов от своих обязанностей будет освобожден. Завтра придут сюда

отряды рабочих большевиков вместо караульного отряда Панкратова. В городе тоже будут изменения.

Отряды рабочих-большевиков расположились в домах, стоявших около дома губернатора. Царскую прислугу отправили в тюрьму, а вместо нее поставили своих. У царской семьи сразу прервалась связь с внешним миром.

Солдатский комитет охраны усилил надзор над царской семьей, лишил даже права свободно ходить во дворе. На прогулку разрешалось выходить один раз в день на два часа и то только с конвоем.

На второй день из тюрьмы вернули в дом к царской семье несколько человек прислуги, среди которых был Василий. Увидев среди прибывших Василия, царевна Мария повеселела. Когда все ушли, она подошла к нему и заплакала.

– Поплачь, моя царевна, – сказал Василий, – скоро вас отправят в Екатеринбург. Пока это тайна, но эту тайну знают все.

– Сотник, а что будет там с нами?

– Не говорите больше, «сотник», уберут меня от вас, если узнают, кто я, и отправят в тюрьму, зови Василий.

На второй день Василий в лесу насобирал ягод и вечером принес их Марии.

«Собирал лично для царевны?» – спрашивали красноармейцы.

– Это моя обязанность была до вашего прихода, привык к этому.

– А ты отвыкай. Скоро их отправят. Хочешь поехать вместе с нами, записывайся в отряд, зачислим красноармейцем. Служил в армии?

– Да служил. В Германскую.

– В школе учился, грамоте, обучен. Говоришь, побывал и на войне. Имеешь заслуги перед Россией?

– Окончил церковно-приходскую школу. Кавалерист и имею награды. Учился в Петербурге в художественной школе у профессора Владимира Алексеевича Балаба.

К разговаривающим подошел член Уральского облисполкома Петр Коваленко. Он молча слушал их разговор. Потом подошел к красноармейцу, что-то сказал и тот ушел. Через несколько минут солдат возвращается с членами областной чрезвычайной комиссии.

– Товарищ Украинский, вот этот товарищ утверждает, что он ученик нашего профессора.

– Кто он, покажи мне его, Петя.

Василий молча поднимается и подходит к Украинскому.

– Вы брали уроки у профессора по вторникам и четвергам, а остальные дни работали в порту.

– Верно. Об этом можно спросить у кого-то другого.

– Вы часто приносили профессору свежие фрукты и отдавая жене профессора, говорили: «Это вам, за ваш вкусный чай и яблочный пирог». Лора Иосифовна брала у вас из рук сумку, уносила на кухню, вы начинали рисовать вместе с другими учениками. После занятий все уходило, а вы с профессором и его женой садились пить чай с пирогами. Но сколько я вас не видел за столом, она в то время ни раз не подала на стол яблочных пирогов. А вот лесными грибами и ягодами она вас угощала? Вспоминаю, вы тот одаренный художник-гонимый, бравший уроки на дому. Если вы имеете свои картины здесь, покажите их нам.

Василий подошел к царевне Марии и попросил у нее свои картины. На каждой картине была подпись профессора.

Царевна с волнением смотрела на Василия: – неужели они узнали, кто он в самом деле. Таких, как он, расстреливают по утрам.

– Царевна Мария, – обратились они вежливо к хозяйке альбома, – вы разрешите эти картины и наброски взять мне на несколько дней.

Царевна кивнула головой и ушла. Александра Федоровна подошла к заплаканной дочери.

– Что случилось, почему плачешь?

– Я думала, его арестуют, они интересовались его набросками и картинами.

На второй день Василий рисовал всех подряд красноармейцев, охраняющих царский дом. Из-за неимения красок, рисовал карандашом. Иногда к нему подходил Коваленко, брал карандаш и начинал рисовать. У него ничего не получалось, солдаты смеялись: «А говорили, художник! Рисуете хуже школьника».

Василий молча смотрел на старания Коваленко...

– Куда ранены, товарищ командир?

– В мышцу. Врачи говорят, пройдет, но я думаю – нет.

– А шашку держать умеете?

– Умею.

– А стрелять умеете?

– Умею, Вася. Вот беда – рисовать разучился.

– Война окончится, возьметесь за свое любимое дело, и рука восстановится.

Святой Гермоген был брошен в тюрьму, штурмовые отряды были распущены до условного сигнала. План освобождения царской семьи был провален.

Красноармейцы с членами чрезвычайной комиссии по особым делам произвели арест многих командиров штурмовых отрядов. Осталось арестовать командира и «золотого». Но о них никто ничего не знал. Многие говорили, что они убиты, погибли при попытке скрыться в тайге.

Василий знал, где часто бывал Золотой, решил наладить через него связь с дядей. Хозяин дома ответил сотнику: «Вы укореняйтесь в среде красноармейцев, будете нужны – вас найдут».

– Дяди нет, найду девушек-связных, может, они мне помогут.

Вечерами Василий ходил с Коваленко по тем кабакам, где часто бывали девушки, о них все молчали.

В Тобольске был игорный дом, но с приходом Советов его закрыли, ходила молва, что он работает по ночам и в игорный дом можно попасть только по рекомендации.

«Кто их дает? У кого их выпросить?» – думал Василий.

Однажды в свободное время Василий решил пойти в городской парк, порисовать, Коваленко раздобыл ему краски, бумагу и холст. Его выпустили из дома, и он направился в парк. В парке было тихо и безлюдно. К рисовавшему Василию подошли две маленькие девочки-близняшки.

– Дяденька, а вы нас можете нарисовать? – спросили они Василия.

– Садитесь на той скамейке, а я вас нарисую.

Девочки сели.

– Скоро, вы нас, дяденька, нарисуете?

– Еще потерпите, и завтра будет готова картина.

– Только мы, а где все остальное?

– Придете завтра, и я все дорисую.

На следующий день Василий увидел на скамейке девочек и, к его удивлению, с ними была Валя, связанная дяди.

Она испуганно посмотрела на Василия и хотела уйти с детьми.

– Не торопитесь, Валя, пусть дети сядут, через часик картина будет готова.

– Вы хорошо, Вася, рисуете, я этого не знала.

– Только учусь, люблю рисовать на горшках, чашках, тарелках. Хотите, нарисую вас?

Приходите завтра, а сегодня у меня нет больше времени.

Василий медленно возвращался домой. Он видел, как Валя отправилась домой девочек и шла за ним до самого дома губернатора. Василий, миновав дом губернатора, зашел в дом Корнилова, где жил Коваленко.

Зашел в одни ворота и вышел во вторые. Заметив возвращающуюся домой Валю, пошел следом за ней. Около дома ее ждали дети.

– Почему вы не зашли домой?

– А мы играли и ждали тебя, мама.

На следующий день Василий сел рисовать пейзаж недалеко от Валиного дома. К нему подбежало много уличных детей, он давал им листы бумаги и учил рисовать. Через час он узнал, что вчера Валя уехала. Маленький «Драгун» – так звали мальчишку, все время стоявшего у него за спиной – сказал, что тетя Валя теперь живет около школы, напротив лавочника у тети Дуся.

Школу нашел быстро, зашел в лавку, спросил, где живет тетя Дуся. Во дворе играли близняшки. Дети узнали Василия, он вынул два кусочка сахара и дал им.

– Мама дома, – сказали дети, – она стирает, а тетя Дуся пошла на работу.

– Почему ты убежала? – спросил Василий Валю.

– В городе повальные аресты, мне не велено ни с кем встречаться. Кто предал нас, мы не знаем.

– Я хочу видеть дядю Леню.

– Он уехал, в городе его нет.

– Передай дяде Лене, что меня приняли в ряды красноармейцев и в скором времени я уеду в Екатеринбург, пусть он меня найдет. Если ты будешь меня искать, иди после обеда в городской парк. Я там рисую.

Через неделю Василий увидел Валю в парке со своими близнецами, он начал рисовать.

Она взяла детей, прошла мимо Василия, ненадолго остановилась, посмотрела с детьми на картину и тихо сказала:

– Приходи вечером, дядя тебя ждет.

Петро Коваленко ежедневно массировал пальцы рук, садился за стол рисовать. После долгих тренировок пальцы послушно держали тоненький карандаш и на бумаге появлялись отчетливые контуры рисунка.

– Будешь рисовать, – сказал Василий сидевшему над рисунком Коваленко.

– Что за чертовщина, рука превосходно держит толстые предметы, а карандаш, иголку не может.

Вечером все красноармейцы, свободные от караульной службы, пошли к девушкам. Коваленко подошел к Василию, сидевшему у окна с книгой в руке.

– Иди, Вася, погуляй, завтра у нас много дел, ты уже красноармеец, возможно, поедешь в Екатеринбург.

Красноармеец Дидо ждал Василия, за плечами у него висела гармонь, на боку пистолет и шашка.

– Пошли, Вася, с тобой будет веселей. Я буду играть, а ты пой. Наш командир отряда рабочих-большевиков вчера воевал за тебя. Ему нравится, как ты поешь. Вот он и упрямил свое начальство, чтоб тебя взяли в отряд рисуешь, поешь, прошел часть германской. – А почему не на фронте?

– Был контужен, учился после контузии рисовать, служил в царском селе, заготавливал дрова для Александровского дворца.

– Ты похож на Коваленко, когда-то он хорошо рисовал, а теперь из-за ранения переучивается. У вас одна судьба, потому он тебя и любит. Семья есть?

– Жена, двое детей.

– Ты счастливее, а я на службу ушел в десятом году и по сей день мыкаюсь. Родители живут на монгольской границе, считают меня погибшим.

– Сядь, напиши письмо.

– Когда не умел писать, ребята писали, когда научился, написал три письма и все без толку, нет ответа. Дидо играл частушки и весело пел. Василий изредка подпевал ему. Пришли девушки, попросили сыграть вальс. Вальс с хлопушками – приглашают дамы. Василий танцевал то с одной, то с другой. Подошла Валя, хлопнула в ладоши. Она легко прижалась к нему и весело танцевала. Подошла Оля, хлопнув в ладоши, хотела взять Василия, Валя захлопала в ответ и продолжала танцевать.

– Нас ждут, Вася, пошли, пройдемся по парку, незаметно уйдем к нам. Только переступив порог дома, Василий попал в объятия дяди.

– Говори, сорванец, как дела, как поживаешь? Горевал, когда узнал, что тебя забрали. Коль выпустили, значит, все хорошо.

– С завтрашнего дня становлюсь членом отряда рабочих-большевиков. Коваленко сказал, что я с ним уезжаю. Красноармейцы тоже готовятся к отъезду. Цель отъезда не знаю.

– Теперь становится все ясно. Они на днях увезут в Екатеринбург царскую семью.

На столе у Голощекина было донесение комиссара по чрезвычайным делам Тобольска.

– Епископ Гермоген на своих проповедях призывает мирян помочь «царю-батюшке». Офицеры организовали «союз освобождения царя». Создали несколько отрядов, готовых к освобождению государя. Монархически настроенные эсеры и меньшевики вооружаются, скупают оружие и боеприпасы. По нашим данным, руководящий центр по спасению царя объединяет всех единомышленников. Сегодня все партии и группировки действуют разрозненно, но если они объединятся, может произойти непоправимая ошибка.

В связи со сложившейся обстановкой и постановлением Уральского облисполкома, просим вашего разрешения на ускорение вывоза царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Сегодня царевич болен, его дни сочтены. Царевича Алексея оставить в Тобольске до «выздоровления». Царя Николая II, царицу Александру Федоровну и царевну Марию отправить при получении от вас согласия. Просим в ближайшие дни укрепить наши боевые единицы и прислать добровольцев-рабочих уже участвовавших в подобных операциях по уничтожению монархически настроенных элементов.

В городском Совете было накурено и тесно. Из Екатеринбурга и Омска прибывали отряды красноармейцев, их принимали Ковалевский и Украинский. Украинский держал список монархистов и эсеров, поддерживающих призыв епископа Гермогена. Все эти люди жили недалеко от дома губернатора и многие из них часто встречались с епископом.

Рано утром отряды красноармейцев окружили дома, в которых жили монархисты и эсеры, производили тщательный обыск, арестовывали только иногда, когда в квартире находили оружие.

Была полностью перекрыта улица, на которой стоял дом губернатора. Многие монархисты пытались бежать, но при бегстве попадали во второй эшелон прикрытия отрядов, делающих обыск.

Участники штурмовых отрядов были арестованы и отправлены в тюрьму. Остались на свободе те, кто не был в тот день дома или, сумел спрятать оружие, молча отсиделся дома.

Полковник Брянский, готовивший штурмовые отряды, вернулся из тайги поздно вечером. Узнав, что его люди были взяты с поличным и отправлены в тюрьму, скрылся из города.

Майор Фуголь сидел дома с детьми Вали, когда в дом вошли красноармейцы. Предъявив ордер начали обыск. В доме под печкой был погреб, в котором находилось оружие. В доме было три комнаты – кухня, зал и спальня. Кухня была маленькая, около окна стоял стол, а у стен – скамейки. Посередине зала стоял круглый стол со стульями. В спальне были две металлические кровати.

Красноармеец подошел к майору.

– Документы у вас в порядке, но мне не нравится ваш внешний вид. Руки как у вас, рабочего, а выправка белогвардейского офицера.

– У вас есть отец, товарищ красноармеец?

– Допустим, что есть.

– Посмотрите на него, если он воевал на японском и германском фронтах. Какая у него выправка? Военная! По вашему – белогвардейская. Не обижайте своих отцов, воевавших за Россию. Мы свое отвоевали, а вы только начинаете.

В соседском доме кричала женщина: «Он не виновен, это не его оружие!»

Высочили на крик из дома Валентины красноармейцы. Во дворе стояла вторая группа красноармейцев. У одного из них был пистолет, вытасченный из горящего склада. Рядом стоял связанный хозяин дома.

– Такого барахла здесь в городе полно. В шестнадцатом году здесь сгорел склад с оружием, и детишки бегали собирать оружие на пепелище. Вот мальчишка его принес и спрятал от отца и матери.

Красноармейцы брали в руки пистолет и осматривали его. Подошел командир, тоже взял пистолет в руки, начал соскабливать ржавчину. На руках кроме ржавчины остались следы пепла.

– Отпустите хозяина домой. Верно, сказал его сосед, пистолет из пепелища. Окончив на улице обыск и не найдя оружия, красноармейцы ушли.

Сосед схватил сына за шиворот, выдернул палку из забора и начал его бить. Сын начал кричать, жена бросилась на выручку сына. Бросив сына, он схватил жену за волосы и поднял палку.

Майор подошел к соседу, положил свою руку на плечо, посмотрел в глаза и спокойно сказал:

– Не вини в случившемся сына и жену, вини себя, что вовремя не выбросил на улицу. Умей защищаться, а не бить жену и сына.

Плачущий сын и кричащая жена убежали домой, разгневанный отец зло плюнул, круто выругался и пошел вслед за женой.

Валя об обыске услышала на работе. У нее под печкой в погребе хранилось оружие и боеприпасы. А если найдут... тюрьма. С кем останутся дети? По телу прошла дрожь, на лице и теле выступил холодный пот.

По улице солдаты везли забранное оружие и заговорщиков, а сами заговорщики шли с поникшими головами посередине улицы в окружении красноармейцев.

Пришла на свою улицу, здесь было тихо, только около кабачка спорили подвыпившие мужики. Прошла мимо них и увидела свою соседку с детьми. Дети, увидев мать, закричали: «Наша мама пришла!».

– Пошли, Валя, к нам. Твой знакомый беседует с моим мужем. Приготовила свежий борщ, пойдем, отведаешь.

Валя подошла к дому, села на завалинке и тихо заплакала. Прибежали дети, начали вместе с ней плакать и ее успокаивать. Потом побежали в комнату, взяли деда за руки и повели к маме.

– Успокой, деда, маму, а то она будет долго плакать.

Вечером при керосиновой лампе и свечке Валя смазала земляной пол глиной с конским навозом. Залезла под печку, замазала трещины в погребе, чтоб их не было видно, полила на пол жидкой глины, затерла бугорки и ямочки. Утром рано перемыла горшки, котлы, кувшины и поставила под печку, слева в углу поставила кочергу.

Майор принес Вале дров и положил их около печки. Валя накрыла стол, поставила самовар.

– Принеси, что-нибудь выпить, Валя.

– Празднуйте день победы или по какому-то другому случаю?

– Уезжаю. Если будет на то божья воля, может когда-нибудь, свидимся. Остались Валя, только мы с тобой, а остальных, кто нас знает, нет в живых.

– А что я буду делать с оружием, которое лежит в погребе, под печкой? – спросила Валя.

– Пусть лежит до лучших времен, может, когда-нибудь сгодится. Завтра привезу тебе дров и муки. Если удастся, заготовим с ребятами сохатины.

Валя заплакала.

– Проводи меня песней, а не слезами. Береги детей. Может, вернется муж с войны, будет тебе легче.

– Где там, вернется. С четырнадцатого нет ни одной весточки.

– Мои тоже меня, может быть, уже не ждут, но я думаю о них, часто вспоминаю. Вспоминать о муже хорошее и тебе станет легче на душе.

Майор вышел на улицу. Было слышно, как большое количество подвод ехало со стороны губернаторского дома в лес за дровами. Он зашел на Грибную улицу, здесь можно было взять на прокат лошадей для перевозки дров. Сначала он поехал на место встречи командиров штурмовых отрядов. На явку никто не пришел. Нарубив дров, вернулся домой.

За следующей повозкой он поехал вместе с Валею, детей оставили у соседа.

– Хватит дров, больше не надо, – сказала Валя.

– Будем возить, пока лошадь наша. Три дня рубили и возили дрова, но ни один человек не пришел на место встречи.

Не дождавшись связных, майор решил пойти на встречу с епископом. Императрица Мария Федоровна, передавая письмо Гермогену, говорила: «Гермоген – человек дела, он поднимет на правое дело многих единомышленников, но тебе бывать часто у него запрещаю. Одного должны знать все, другого – никто».

Гермоген встретил майора с большой радостью. Ушли прихожане и они остались наедине.

– Вчера были и у нас в церкви красноармейцы. Мы думали, будет обыск, но все обошлось благополучно. Слава богу! Беда прошла мимо нас. Но кого я знал и кому помогал в святом деле спасении царской семьи, арестованы. Думал, пришел вчера и мой черед. Ведь я открыто призывал к спасению семьи Романовых, почему они меня оставили.

– От вас идут все ниточки связи со всеми, кто готовился к великому делу.

– Но я никого из участников не знаю, кроме вас и нескольких офицеров, я только призывал к действию, но не руководил.

– Знают большевики об этом и поэтому вас оставили в покое. Они ждут, что когда-то к вам придет.

– Верно вы сказали. На свободе все командиры штурмовых отрядов. Центр руководства освобождения семьи Романовых находился в доме лесничего. В этом районе арестов не было и потому удалось им избежать ареста.

– Полковник вчера меня известил, что в связи с большими потерями и раскрытием их замысла, центр руководства спасения Романовых переезжает в Екатеринбург. Из верных источников получили сведения, что по постановлению Уральского облисполкома, царскую семью готовят к перевозке в Екатеринбург. Командир и комиссар отряда рабочих-большевиков получили постановление. По плану Голощекина семья Романовых уже должна быть на пути в Екатеринбург. Задержка произошла по двум причинам. Во-первых, монархистски настроенные единомышленники были готовы к освобождению государя, и их надо было уничтожить большевикам, что они и сделали. Во-вторых, заболел царевич, и лечащий врач Боткин Евгений не разрешил его перевозить.

– Аресты произошли во многих городах, там, где люди выступали за сохранение монархии. Сегодня все монархисты сидят в тюрьмах. Мои люди ждут условного знака, при аресте ни один человек не пострадал. Оружие сохранили и спрятали, – сказал майор.

– От вас я другого и не ожидал, сама императрица Мария Федоровна мне писала: «Можешь в любую тяжкую годину опереться на его могучие плечи».

– Уезжай в Екатеринбург вместе с Романовыми, может там тебе удастся что-то сделать.

– Я чувствую, что мои дни сочтены. Большевики не простят моего призыва к освобождению царской семьи. Увезут семью Романовых, будут пытаться арестованных, слабые и трусливые выдадут своих единомышленников. Заберут большевики тех, кто еще на свободе и не убежал. И только когда я останусь один с ними на один, они придут за мной. А это может протянуться целый год.

Соловьев и Корженев, связные майора, не были арестованы. Чекисты через них пытались напасть на след майора. Арестовав все штурмовые отряды, чекистам не удалось найти связных императрицы Марии Федоровны. Только под пытками умирающий полковник назвал две фамилии: Соловьев и Корженев.

На улице Швейной, примыкающей к дому губернатора, каждый второй дом был Соловьева и Корженева. Обыски не дали обещанного результата. Здесь не проживал ни один приезжий, не нашли и оружия.

Уральский заставил с помощью Ковалевского провести еще раз массовые обыски в тех домах, где жили приезжие. Усилили караул. Сам лично присутствовал на допросах.

Руководящий центр спасения монархии был на свободе. При опросе арестованных никто не мог толком сказать, кто ими руководил. Участники заговора знали только тех, кто жил в их доме. Но в участии в заговоре никого обвинить не могли.

За домом епископа вели день и ночь наблюдение. В доме всегда было много людей, всегда говорили о сегодняшних делах и новостях города, о царской семье.

Однажды к епископу пришла на исповедь жена его друга купца Мирова, она славилась в своем кругу, как вездесущая сплетница. Она знала все городские новости, например, кто из мужей ее знакомых изменял своим женам.

– Варвара, я отпускаю все твои грехи во имя отца, сына и святого духа. Но у меня к тебе просьба. За последние дни так много арестовали наших людей, у многих почитаемых людей были обыски, а ваши мужья, твой тоже, в своем кругу много говорят о страданиях царской семьи. Этому надо положить конец. Большевикам это не нравится. Нужно, чтоб люди забыли на некоторое время о проживании и существовании здесь царской семьи.

– А что я должна для этого сделать?

– Завтра твоя подруга приглашает на свой день рождения весь цвет города, там будут все сливки города. Когда начнут разговор о царской семье, ты прерви их беседу в любом тоне, но чтоб это вызвало реакцию и внимание к тебе и скажи, что его высочайшее величество Николай II, царица Александра Федоровна с дочерью перевезены в Екатеринбург и об этом говорили рабочие из отряда охраны царя около дома пекаря.

– Меня назовут дурой, и никто этому не поверит.

– Я услышу твои слова и выручу тебя.

По случаю своего сорокапятилетия вдова инженера Гарди пригласила всех своих друзей в гости. После многих тостов гости встали из-за стола. Молодежь танцевала, а пожилые спорили о политике, о культуре.

Вокруг монархиста Дубова собралось много гостей. Он один из ярых приверженцев монархии не был арестован, так как в те дни не находился дома.

Только Дубов начал говорить о царской семье, как Варвара стоявшая недалеко от них, обратилась к нему с вопросом.

– Андрей Всеволодович, вас не было дома, а значит, вы и не знаете, что нашего царя и его семью увезли в Екатеринбург.

В гостиной стало тихо, все смотрели с удивлением на Варвару. Подходит к Варваре епископ и говорит:

– Много в городе арестовали за то, что они стоят за царя-батюшку. И вам надобно, господа, немного остынуть, кому из вас охота идти в тюрьму за пустые разговоры. А что царской семьи здесь нет, их вывезли или вывезут, это и я слышал, но утверждать не могу.

За столом пошли другие разговоры, что епископ не за монархию и не за царя-батюшку, что он с думой заодно – за уничтожение царской семьи.

– И откуда Варвара знает тайны большевиков, нужно меньше болтать при ней, она сплетни быстрее разнесет по городу, чем колокол известит о начале обеда.

Варвара подошла к монархистам, попросила сыграть

– Сейчас я вам спою любимые песни нашей именинницы, а вы мне поможете.

За столом все хлопали в ладоши и просили Варвару несколько раз спеть одну и ту же песню.

Епископ прощался с хозяйкой, он был в хорошем настроении. Варвара выполнила его просьбу. За столом никто больше не говорил о царе. В этот вечер он перестал быть колоколом, который призывал к освобождению царской семьи. Можно спокойно идти спать.

Только ныла душа за майора Леонида Фуголь. Где он и что с ним?

Майор решил встретиться с Соловьевым и Корженевым в доме лесничего. О доме лесничем знал полковник, схваченный большевиками и командиры штурмовых отрядов. По дороге в дом лесничего он зашел в парк, в это время там бывал сотник. Вокруг Василия стояло большое количество людей. Все о чем-то громко спорили. С майором поравнялась молодая пара и направилась к стоящим людям. Отодвинув несколько человек, он увидел сидящего Василия, рисующего пейзаж парка. Перед Василием была пустая скамейка, а на его картине сидела Валя со своими близнецами.

Валю знали почти все в городе. В молодости и сейчас она славилась, как самая красивая девушка в городе. Многие узнавали Валю, любовались картиной.

Заметив дядю, Василий закончил рисовать и стал собираться домой. Пока он складывал, к нему подошла Валя с детишками.

– Бери, Валя! Дарю от чистого сердца, завтра уезжаю, думал, не успею закончить или ты не придешь за картиной.

Толпа стала расходиться, и остались они только втроем.

Сложив свои краски, он дал их подержать дяде и незаметно передал письмо.

– Такого же содержания письмо я отдал Соловьеву. Штурмовые отряды были преданы анархистами и меньшевиками. Фамилии предателей из руководящего центра спасения монархии приведены. Явки провалены. Уральский со своими людьми ведет наблюдение за руководящим центром.

Командирам анархистов и меньшевиков из думы пришел указ: «Семью Николая II не спасать нужно, а отдать под суд. Руководящий центр спасения монархии и его участников предать».

Сегодня у майора радостное событие, из Петербурга свой человек доставил ему почту. Несколько дней из-за сильной слежки за домом, не мог получать он свои письма. Наконец все тревоги позади.

В одном из писем лежал протокол вечернего заседания меньшевиков–анархистов. На вечернем заседании выступили Родзянко и Керенский. Все члены думы проголосовали против спасения семьи Николая II с тем, чтобы отдать ее под суд.

Развернул второе письмо, в нем было приказано полковнику-анархисту, одному из активных членов спасения монархии, провалить план.

Полковнику Шоклину, агенту тайной полиции, государственная дума и члены временного комитета государственной думы постановили:

«В связи с установившейся обстановкой в Петербурге и переходом власти к советам вам необходимо выехать в Екатеринбург, а руководящий центр спасения монархии и их участников предать и отдать под суд большевиков.

Материальные ценности и оружие по возможности сохранить, они пригодятся для свержения большевиков.

Узнайте местонахождение майора Фуголь, Соловьева и Корженева. Если не удастся их убрать лично и захватить их оружие, отдайте их под суд большевиков. Родзянко и Керенский требуют это сделать до отправки семьи Николая II в Екатеринбург.

Члены государственной думы многие тоже арестованы большевиками и находятся в тюрьме».

Майор посмотрел на дату написания письма. Письмо шло долго, за это время произошли большие события – от октябрьской революции в Петербурге до восстановления советской власти в Тобольске.

Родзянко и Керенский наверно сами давно уже арестованы и сидят со своими членами вечернего заседания думы.

Положив письма в конверт, написал адрес и пошел на улицу Швейную. На улице он увидел Соловьева с женой. Пройдя мимо них, он поздоровался с его женой, потом с Соловьевым, передав ему письма.

– Вечером жду, – сказал майор, – будь осторожен, приходи со всей семьей.

От Соловьева он направился к дому губернатора, нужно перед встречей с Соловьевым и Корженевым встретиться с Василием.

Необходимо государю Николаю II рассказать всю правду. Члены государственной думы в борьбе за власть предали интересы России.

Василий гулял по улице с рабочими-большевиками из охраны дома Корнилова, когда майор подходил к дому губернатора.

Уже несколько дней не было табака и у ребят «опухли уши», они ходили по улице и просили у прохожих закурить.

Василий подошел к дяде и тоже попросил закурить.

– Дорогой товарищ, не найдется ли у вас для моих товарищей табачку.

Вынув кисет и бумагу из кармана, майор предложил всем закурить.

– Может, дорогой товарищ, продадите нам табаку, у меня есть полтинник, мы купим.

– К сожалению, кисет пустой, а табак дома есть, иду домой, кто из вас самый молодой и шустрый, пошли со мной, угощаю. Был солдатом, знаю, что такое не иметь табака.

Солдаты переглянулись, дальше ворот дома нельзя уходить.

– Минутку подождите, дорогой товарищ, сбегая, попрошу разрешения сходить за табаком.

Разрешили Василию пойти вместе с солдатом из караульного отделения.

– У кого есть табачок, – спросил солдат, шедший с Василием.

Майор посмотрел в кисет, на дне оставалась щепотка табака. Оторвал бумагу, солдат ее подставил под кисет.

– Два дня без курева. Обещали сегодня привезти, а его и завтра, сказали, не будет.

– Деньги имеете, почему в магазин не сходите?

– Скурили! Еврей говорит, что больше нет, весь продан.

Прошли мимо магазина, солдат попросил подождать и зашел в магазин. Вышел сразу.

– Нет ни грамма, божится, что весь продал.

– Врет! Завтра в тридорога будет продавать.

– У меня на той улице есть еще один парень знакомый, вы идите, а я догоню.

Пока красноармеец бегал за табаком, дядя рассказал содержание писем и задачи их организации на будущее.

Мимо проходили знакомые лесорубы, и Василий попросил у них табака для ребят. С полной сумочкой Василий возвращался назад, следом за ним бежал красноармеец, догоняя его.

– На завтра хватит, а там, может, привезут. В доме собирают вещи, все моют, стирают, переезжаем на новое место. Возможно, на новом месте будем с табаком и хорошим питанием.

Василий не курил, он только за компанию с ребятами сшибал бычки. Отдав табак, он пошел домой в надежде увидеть царевну. Последние дни ему запрещали долго находиться около царской семьи. «Сделал свою работу и уходи», – говорил комиссар.

На втором этаже было тихо, полы были чисто вымыты и натерты до блеска... Подойдя к комнате, где лежал больной царевич, он услышал голос Марии и Алексея. Чуть приоткрыв дверь, он просунул голову в дверь. Царевна Мария, увидев его, быстро встала и позвала.

– Мы уезжаем, половину вещей и драгоценностей оставляем здесь, их попросту забирают у нас. Она вынула из-под царевича шелковую рубашку и подала Василию. Возьми и надень, то, что в ней зашито, тебе пригодится.

Василий под низ своей рубашки надел подарок царевны. Поцеловав на прощание царевича и царевну, он тихо вышел. В коридоре было тихо и пусто. Спустился вниз и пошел в столовую.

Повариха, увидев Василия, улыбнулась, пригласила за стол и наложила полную миску мяса.

– Съешь, Василий, дорога у тебя длинная и тяжкая.

– Что вы, тетя, я не собираюсь уезжать, мне и здесь не плохо.

– Здесь всем живется хорошо, но сегодня вы уезжаете вместе с царской семьей. Так, что, Вася, прощай и не поминай нас лихом. А то, что сболтнула, молчи. Вместе в тюрьме сидели, вместе здесь из одного котла щи хлебаем, мы свои и я тебе верю.

– А что будет с вами?

– Может, возьмут с собой, а может, выбросят на улицу.

– Если оставят здесь, идите к Вале, портрет которой я рисовал, и живите у нее.

Он вынул пачку денег и отдал ей.

– Деньги тратьте, не прячьте, они скоро будут меняться, а то пропадут. Большевики готовятся свои деньги выпускать.

Спрятав деньги и убрав пустую тарелку, повариха поставила чайник. В столовую вошли красноармейцы.

– Вот и мои соколики пришли на чай. Садитесь, я мигом вас напою чаем. Она поставила перед каждым стакан, налила самогону, дала кусочек хлеба с салом, по стакану сладкого чая.

Солдаты остались допивать чай, Василий решил зайти к Ковалевскому.

– Его нет, идите к Украинскому, они там вдвоем, – сказал дневальный.

Украинский не разрешал никому заходить в кабинет, приходили туда только солдаты, когда он их вызывал. Василий постучался, дверь открыл Ковалевский.

– Мы собирались тебя пригласить, а ты явился сам. Что нового? И что принесло тебя сюда, ведь ты здесь никогда не бывал.

– Вот солдаты передали. Чуть подбросив вверх и схватив на лету снова, положил мешочек с табаком на стол.

– Если не секрет, где взяли? Приказ знаешь, территорию не покидать.

– Разрешение просили у дежурного, он имеет право дать разрешение на увольнение. Отпросились в магазин туда и обратно.

– И где же взяли?

– В магазине еврея табака нет, выпросили у лесорубов, которые возвращались с работы домой.

– Спасибо, Вася, за беспокойство, но тебе ходить было не обязательно, ты не куришь, а коль позаботился о нас, спасибо.

– Они закурили. Украинский положил на стол хлеб и сало. Ковалевский снял с буржуйки вскипевший чай и поставил на стол.

– Садись, будем пить чай.

– Спасибо, я уже почаявал.

– А водочкой они вас баловали?

– Было все. Последние дни наша повариха перестала плакать, а то, как придут красноармейцы, так и плачет.

– Знаем, плохую весточку ей почтальон принес, погибли ее сыновья. Вот она и плачет.

Ковалевский предложил Василию сесть, положив ему на плечо руку, он сказал:

– Собери свои вещи и заведи у царевны все рисунки, мы с тобой уезжаем.

– Сейчас или, может, завтра?

– Иди сейчас. Царевна прощается с царевичем, а царь с царицей собирают и упаковывают свои вещи. Твои рисунки им не нужны, принеси их сюда.

Василий вернулся к царевичу. Он лежал, тяжело дыша, в постели. Рядом сидел врач.

– Ваше высочество, могу я взять свои рисунки?

– Там в углу Мария-царевна все тебе сложила. Если я умру, Василий, нарисуй меня в гробу и передай тем, кто из моих родных останется в живых.

– Тише говорите, царевич, вам нельзя так громко кричать. Подойди Василий, сядь около царевича, а я позову царевну, – сказал врач.

Врач вышел.

– Слушай, сотник, там, среди картин есть коробка, в которой лежит кожаная тужурка, в ней зашиты все наши ценные бумаги. Забирай побыстрее и спрячь. Эти бумаги не тебе, так твоим детям принесут большое богатство. Ты или твои дети будут самые уважаемые люди в России. Если попадут к большевикам, не миновать тебе смерти.

Вернулся врач, а за ним через несколько минут явилась Мария-царевна.

– Кто тебя прислал? – спросила царевна.

– Украинский.

Марья подошла к Василию, взяла за руку и повела в угол.

– Забирай все, это твой труд, твоя работа, начиная с Царского села и до Тобольска. Отец просил, если тебе разрешат с ним проститься, зайти к нему. Вот тебе письмо, прочтешь, когда я умру.

Ковалевский с Украинским допивали последнюю рюмку, когда Василий с врачом, принесли рисунки и картины.

– У тебя есть свои люди в Тобольске? – спросил Ковалевский

– Только Валя, чей портрет я рисовал.

– Красавица с близнецами. Она надежный твой друг или ночная баба?

– Она мой лучший друг, но не моя баба.

– Полчаса туда и полчаса назад хватит, чтоб отнести ей эти картины?

– Если бегом, то да! А так, нет.

– Дам двух солдат и два часа. Успеешь?

– Успею!

Валя топила баню. Увидев Василия, она предложила ему с товарищами помыться в бане. Вода только закипела, и в бане было мало пару.

– Подождем минут пять, Вася, у нас полтора часа в запасе.

– Вы посидите, а я вымоюсь и накочегарю баню.

Валя дала Василию новое белье.

– Бери, не стесняйся. Ты его дарил моему мужу, но его уже нет, некому его будет носить.

– Может ошибка это, ты не горюй, не унывай, жди его. Окончится война, я приеду к тебе за этими картинами, а ты мне их сохрани.

– У нас есть старушка-одиночка, у нее все сыновья погибли на фронте, она из Петербурга. Если придет к тебе, оставь ее у себя.

Василий положил на стол оставшиеся деньги.

Купи продуктов и одежды, деньги не держи.

– То же самое мне сказал и дядя Леня.

– Ты его давно видела?

– В один день вместе с тобой.

Гости сели за стол. Всем было жарко после бани. Пот стекал со лба ручьем. Вернувшись из бани, хозяйка налила чаю и через несколько минут всем стало легче. Остынув, красноармейцы оделись и заспешили домой.

Кожанка была такая же, какую носил Василий, только тяжелее, внутри меховая и ватная прокладки. Перед уходом гостей Валя не выдержала и заплакала, за ней и дети. Успокоив хозяйку дома и ее детей, они вышли на улицу. По просьбе Василия Валя их не провожала.

Остановили повозку, ехавшую вслед за ними, попросили хозяина подвезти их к дому губернатора.

Василий, вернувшись от Вали, спешил известить Украинского, что он вернулся. Перед входом в дом стояли, курили оба.

– Ну как дела? Уладил все?

– Все, товарищ командир.

– Ты уверен, Василий, что она их сохранит?

– Обещала, если даже и продаст масляные картины, они долго будут украшать дом хозяина. А если останусь жив и вернусь сюда, постараюсь их собрать.

Украинский весело смеется и смотрит на Ковалевского.

– Вот за спасение твоих картин благодари Петра, это он упросил спасти картины для истории будущей России. Сделаешь когда-нибудь выставку своих картин под названием «Умиряющая монархия и возрожденная Россия советов».

– Спасибо вам обоим, но я рисовал их от души самой царевне и ее семье.

Петро засмеялся, подошел к Василию и пожал ему руку.

– Десять лет я рисовал на каторге, здесь, около Тобольска. У всех надзирателей нашей каменоломни имеются картины, нарисованные мною. Умение хорошо рисовать спасло мне жизнь. Я мало был на добыче камня, валке леса. Больше рисовал. Вышел из каторги на свободу здоровым, как бык. Только вот шальная пуля меня подвела, не могу рисовать.

– Только любовь к прекрасному вам вернет умение рисовать.

– Стараюсь рисовать часа два в день. Пальцы начинают слушаться. Использую твой совет. Все сразу не делается, нужно терпение. Сколько будет заживать моя рука, может год, а может два.

– Я читал книгу об английском художнике, у него была проколота рука, как у тебя и на том же месте. Пять лет упорного труда, и он сумел когда-то умирающей рукой создать мировые картины.

Приедем в Петербург, зайдем к профессору, я попрошу эту книгу у профессора, и вы ее прочитаете.

– Доживем ли, Вася. Назревает мировая революция, а мы ее буревестники, – читал Горького? – должны ее защищать.

– Не слышал. Кто он?

– Отсталый ты человек в искусстве и науке, Вася, и как тебя царская семья такого безграмотного приютила. Наверно влюбилась в тебя царевна Мария. По внешнему виду не видать. Не краснеет, не бледнеет, когда тебя видит, но уважает. Очень вежлива к тебе, добром и лаской тебя не обходит и другие тоже.

Василий покраснел от слов Ковалевского, но Украинский перебил разговор Петра и сказал:

– Мы долго вдвоем наблюдали, как ты себя ведешь в царской семье, как они к тебе относятся и пришли к выводу, что-то неуловимое нами, незнание твоей жизни не дает нам разгадать тайну, которой ты владеешь.

– Эту тайну знает профессор и его жена. Вернемся в Петербург, пойдем к профессору, он вас и посвятит во все тайны моей жизни. Он меня определил в Царское село, ему эту тайну и знать.

– Дай бог, Вася, чтоб твои слова сбылись. Мы с тобой находимся не в Петербурге и не перед домом профессора, а на краю русской земли. Сюда царь сослал своих сыновей, да люд беглый сюда селился. Вот где мы живем.

Пришла повариха, пригласила на чай. Подала на стол ореховый торт, сметаны, жареного мяса и бутылку самогона.

– Это за упокой души моего младшего.

Ковалевский берет бутылку, разливает: – Ну, еще по одной. Вы что, мать, не выпьете?

– Да! Я сейчас принесу стакан.

– Принесите заодно и письмо, где пишут, что ваш сын погиб.

– Возьмите, пожалуйста, – повариха подает ему письмо.

Ковалевский вынимает из бокового кармана такое же самое письмо. Смотрит на адрес, сверяет дату на штампе конверта и разворачивает его.

– Что, ты колдуешь, Петя, зачем тянешь ляжку, говори, что у тебя, ведь мать ждет, что хорошего скажешь.

– Вы почерк сына знаете?

– Знаю, сама учила писать и читать, когда ходил в школу. Много получала писем, когда уехала из Петербурга сюда в Тобольск.

– Произошла, мать, ошибка, погиб не ваш сын, а однофамилец, ваш сын жив и здоров.

Она берет письмо, слезы не дают ей читать.

– Прочти, Вася, что он там, мой единственный, пишет.

– Он не единственный, живы и старшие. Вы только успокойтесь, а я вам прочту письмо.

– Спасибо вам, ребята, утешили мою душу. Живы мои соколики. Вы говорили, что скоро я вам не нужна буду, может, отпустите меня домой. У меня есть деньги, может, доеду домой.

– Из Свердловска быстрее доберетесь домой, а туда поедем вместе. Готовьтесь к отъезду, отправим не сегодня-завтра.

– Значит скоро! Завтра у меня день рождения, приготовлю торт. Придете сюда или стол накрыть в вашем кабинете?

– Лучше здесь. Лишнюю посуду, ложки, вилки тоже упакуйте, при отъезде все заберем. Медную и металлическую посуду отдавайте Василию, он отнесет красноармейцам, они быстро блеск наведут, они предупреждены.

– Лучше все это я сделаю сама.

– Не успеете.

Василий носил красноармейцам посуду, они ее скоблили и натирали песком и мелом до блеска.

– Такую уборку мы делали только перед большими праздниками, белили в доме, мыли полы, скоблили деревянные лавки, натирали медную посуду мелом до блеска.

Красноармейцы принесли несколько ящиков: «Это от начальника охраны, сюда велено складывать лишнюю посуду, ложки, вилки».

Вышла на прогулку вся семья Николая II. Они медленно шли по тротуарам губернаторского дома. Царь Николай II прогуливался с сыном, а мать, Александра Федоровна, с дочерью.

За прогулкой из окна наблюдал Василий, уже давно прошло время прогулки, но ни один из часовых красноармейцев не приказал гуляющим войти в дом.

Царевна Марья набросила лежавшую на плечах шаль на голову, ей стало холодно. Царевич, сидевший в кресле около беседки, проговорил: «Что-то стало прохладно».

Александра Федоровна подошла к мужу, посмотрела на его посуровевшее лицо и тихо сказала: «Это наша последняя прогулка».

Он сделал кивок головой, потом также тихо ответил:

– Да.

Царевны подошли к матери, взяли ее под руку.

– Давай, мама, пройдемся так, как ты нас водила в Царском селе.

Они взялись за руки и пошли снова вдоль дома, потом обратно.

Царевич посмотрел на светлое голубое небо, сказал:

– Здесь небо ничем не отличается от нашего. Оно такое же прекрасное, как жизнь, так же ярко и нежно светит солнце..

Император и самодержавец России последний раз поднимался вверх губернаторского дома, а сзади него шла его семья. Их увезут на суд и предадут земле-матушке без суда и следствия.

На углу дома лесника по улице Ангела, от которого хорошо просматривался дом губернатора, стояли трое: Фуголь, Соловьев и Корженев. В это время к дому губернатора подъехало несколько машин, которые въехали во двор. В каждом тупиковом переулке и на улице, на котором стоял дом губернатора, появилось большое количество солдат. Люди, увидев солдат, убежали домой. После многих обысков и арестов, при появлении красноармейцев жители закрывали ставни окон, запирали ворота и двери домов.

Не доезжая метров двести до дома лесника, подъехала машина с солдатами. Солдаты сошли с машины и перекрыли дорогу. Люди шедшие в направлении к дому губернатора, остановились, солдаты просили часик подождать, пока улица не освободится, а кому некогда, идти домой по параллельной улице.

Услышав спасательный ответ, что можно от солдат уйти, пешеходы уходили и прятались в ближайших домах.

– Нужно проследить, куда поедут машины, будет ли возможность по дороге напасть на конвой, сопровождающий царскую семью.

Послышался лошадиный топот. Шесть всадников спустились вниз и поехали в глубь тайги.

В те времена дом лесника стоял почти на окраине города, и с его северной стороны его окружило огромное количество возвышенных мест, на которых стояли ветряные мельницы. Чуть ниже протекала речушка, которая впадала в реку Тобол. На ней стояла водяная мельница. Дальше шла тайга. В густые заросли тайги мало кто заходил, большей частью женщины и дети ходили собирать лесные орешки вниз по реке Тобол. Здесь лес был не такой густой, меньше диких зверей, больше густой травянистой растительности и грибов.

Подъехав к водяной мельнице, Соловьев засвистел, в ответ на его свист выехало из густых зарослей два всадника. Они помахали руками, и наша шестерка поехала в сторону девственного леса.

Выехали на поляну, на ней стояло три сотни всадников с винтовками и саблями на боку. Чуть дальше соснового бора стояло несколько тележек с пулеметами.

Из трехсот человек, стоявших на ярко освещенной солнцем поляне, 60 человек были готовы к захвату дома губернатора. Двести сорок всадников были людьми полковника-анархиста, которому было дано задание провалить операцию.

– Господин полковник, ваши люди готовы к штурму?

– Да!

– Постройте их с правой стороны.

Полковник приказал всем строиться, люди майора стояли в стороне.

– Дайте ваш план захвата дома губернатора.

Полковник развернул карту, путь лежал через сильно укрепленные позиции красноармейцев.

– Вы сами поведете солдат, господин полковник?

– Как прикажете! Готовь сам лично.

– А это чьи бойцы? – показал майор на своих людей.

– Капитан Лемиш, готовьтесь к выполнению захвата.

В ту сторону, откуда приехала шестерка, двинулось триста всадников, впереди них ехал полковник со своими командирами.

– Господин капитан, вас просит командир.

Лемиш подъезжает к майору, Фуголь вынимает письмо и дает ему читать.

Лемиш читает письмо, его лицо становится злым и красным.

– Вот предательская сволочь, разрешите, я его прикончу.

– Скачите к ветряным мельницам, станьте со своими людьми в глубоком яру. Когда начнется бой, полковник, со своими командирами, бросив солдат, будет убегать мимо дома лесника в спасительный ров, а оттуда в тайгу.

Соловьев вынул из сумки пакет и дал капитану.

– Вскроете, когда полковник будет в ваших руках.

Капитан отдал честь и поехал догонять своих. Он путался в мыслях. «Что за чертовщина, ехал спасать самого царя-батюшку, а тут сам чуть в болоте не утонул. Теперь узнай, кто свой, а кто чужой. Он пощупал за пазухой пакет и подумал: а что за откровение ожидает меня при вскрытии пакета?».

VIII ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Полковник анархист-меньшевик, готовивший штурмовые отряды, получил из Петербурга пакет от временного комитета государственной думы.

Секретарь Брянский извещал, что на заседании комитета государственной думы Родзянко и Керенский выступили против восстановления в России монархии. В связи с этим комитет постановил назначить полковника Брянского советником в Тобольске по делу реставрации монархии в России.

Родзянко и Керенский возлагают большие надежды на его большой опыт разведки и дипломата. Он является тем человеком, который готовит штурмовые отряды.

В ближайшие дни, как будет возможность, надо будет дать толчок к восстанию монархистов. На штурм губернаторского дома, в котором находится вся семья Николая II, они бросят свои силы. Здесь их будут ждать красноармейцы, извещенные о штурме.

С этого дня с возрождением монархии в России будет покончено, и его Величайшее превосходительство вывезут в Екатеринбург, где большевики постараются учинить над ним суд.

Таким образом, в России исчезнут по воле большевиков и монархисты и сам монарх.

После штурма губернаторского дома полковнику велено прибыть в Петербург для исполнения своих прямых обязанностей.

Брянский ехал во главе штурмовиков. Впереди стояли ветряные мельницы. Он подозвал к себе командиров штурмовых отрядов, еще раз уточнил путь и время.

– Пошли с нами, босс! Во славу нашего императора.

Впереди стояли разведчики и проводники. Разделились на три части. Полковник с сотником были в центре нападения. Осталось 15 минут до штурма. Мимо ветряной мельницы прошли со своими всадниками Соловьев и Корженев, за ними двигались тачанки с пулеметами.

Брянский насчитал у Соловьева половину всех тачанок. Что за чертовщина, кто ему решил взять лишние тачанки.

Сотник смотрел на злющего полковника.

– Господин полковник, вы успокойтесь, скоро начнется бой и от вашей оперативности зависит исход боя, а вы зря тратите энергию.

– Что случилось?

– У Соловьева лишние тачанки, они должны быть с нами. Наши все на месте.

– Господин полковник, я последним пришел от ветряной мельницы, когда все вы укрылись.

– А откуда тачанки появились у них? Они же приехали сами, без тачанок?

– Стояли в яру, около мельницы.

Начался бой. Полковник с сотником, оголив клинки, повели конницу в бой.

Красноармейцы стреляли и убегали, прячась во двор. Проезжали тачанки по улице, расстреливали тех, кто не успел спрятаться. Трупы лежали на дороге, под забором.

Брянский выскочил на прямую улицу, ведущую к дому губернатора. Он видел, как с трех сторон к дому скакали его люди. Из дома Корнилова выехала конница красноармейцев, из тупиковой улицы выбегали красноармейцы и окружали его людей. Красноармейская конница появилась и со стороны булочной.

«Но где Соловьев и Корженев?»

Вместо них появились рабочие отряды. Полковник развернул коня и поскакал вниз к ветряным мельницам встречать в условленном месте сообщников. Бросив на произвол своих солдат, он двинулся в глубь тайги. Еще сто метров и они в безопасном месте.

Выехав на освещенную солнцем поляну, они остановились. Полковник слез с коня и подошел к старой сосне. Он снял свою полковничью форму, переделался в крестьянскую одежду, то же самое сделали его спутники.

Отъехав метров сто, они были окружены конницей Соловьева.

– В чем дело, капитан, дайте нам дорогу. А где Соловьев?

– Обыскать! – скомандовал капитан.

У старой сосны стояло три крестьянина. Перед ними сидел на коне капитан, он вынул пакет из своей полевой сумки, медленно извлек из него лист бумаги и начал читать.

– За измену и трусость в деле восстановления монархии, за предательство и уход с поля боя при штурме губернаторского дома, по постановлению комитета восстановления монархии полковника тайной полиции монархиста-меньшевика Брянского и его пособников-командиров расстрелять.

К капитану подъехал Соловьев.

– Господин полковник, данное постановление не подлежит обжалованию, примите приговор также спокойно, как вы спокойно предали своих людей.

На второй день ниже города Тобольска со дна реки рыбаки вытянули три трупа. Полицейский, осмотрев трупы, со следователем составили акт: «погибли случайно при перестрелке отряда красноармейцев с монархистами».

Рыбаки вырыли могилу и предали тела земле. Подошла старая монахиня, прочитала молитву за упокой души, вторая монахиня нарвала полевых осенних цветов и возложила на могилу.

Только старая колдунья Мотря, где жил полковник, после ухода рыбаков и монахинь, подошла к могиле, окропила его, окрестила и горько заплакала.

На старость Мотря осталась одна и ее жизнь, угасающую с каждым днем, в последние дни поддерживал ее постоялец, плативший за ночлег в три раза больше других. Он называл ее не госпожа Мотря, а матушка. Не требовал тепла в своей комнате, а говорил, что, матушка нет дровишек, завтра мои ребяташки привезут.

Утром рано рыбаки подошли к могиле неизвестных и увидели на ней полусидевшую женщину, с широко раздвинутыми руками, с букетом цветов и с поникшей головой. Она спала вечным сном. Царство небесное, пусть земля ей будет пухом.

Рыбаки вырыли рядом вторую могилу и схоронили Мотрю. Позвали тех же двух монахинь совершить погребальную церемонию над усопшей.

Вечером рыбаки вытащили сети, собрали рыбу, повесили сети на просушку, пришли их жены, принесли мужикам водку и закуску. Выпили за упокой души.

Целую неделю рыбаки не появлялись на этом месте. Приплыли на девятый день, на могилах стол крест со свежее окрашенной деревянной изгородью. На могиле усопших была надпись: «Друзьям детства, любившим отечество, предавших Родину». На второй была надпись: «Спи спокойно, мать родная, в гробовой темнице, смерть тебя забрала у могилы сына-подлеца».

Вечером пришли жены помогать сушить сети своим мужьям, молча посмотрели на надписи на могилах, перекрестились, а соседи бабы Мотри поставили на ее могиле полное закуски блюдо с рюмкой и бутылку водки.

– Спи, моя княжна, ты всю жизнь ждала своих, и только твой младшенький прилег рядом с тобой.

Старик-рыбак карпов смотрел на свою старуху, стоявшую около могил. У него не было своих детей и при каждом жалостливом поступке бабы он срывался. У нее от первого брака было две дочери, которых воспитал в любви и уважении. От него она не родила, а бабы, с которыми он любезничал, говорили, что «он бесплоден».

Дед Юрий поднял стакан в сторону могилок, где стояла его баба, и громко сказал: «Дорогие братья и сестры, я не знаю, кто лежит в этой могиле, где стоит моя баба, но я выпью за их упокой души, пусть земля им будет пухом».

– Ты знаешь, кто здесь лежит, но твои мозги высохли, они пропитаны зеленым змием, похмелись и вспомни бывшую каторжанку, подобранную нами двадцать лет назад. А рядом в могиле лежит ее младший сын.

Старуха подошла к рыбакам и рассказала следующую историю.

1 марта 1881 года молодые парни-революционеры вышли из дома. Среди них был молодой князь, имевший жену и трех детей. Революционеры вышли на дорогу, где должен был проезжать царь Александр II.

Князь был начеку. Когда Александр II проехал, он дал знак своему сообщнику, тот передал товарищам.

Революционеры казнили царя Александра II, но их здесь же и поймали. Князь убежал.

Ревнивая жена князя ежедневно переодевалась в мужскую одежду и следовала за мужем. Она знала все дома, где бывал ее муж, но ни в одном из них она не нашла у мужа любовницы. А в этот день она увидела, как он убегает, а полицейские гонятся за ним. Она догоняет его, срывает с него плащ, толкает в сторону, надев его плащ на себя. Пробежала метров сто, как ее настигли полицейские. Ее привели в полицейское отделение. Ни один из участников не признался в ее участии в убийстве царя. Но она убежала и была схвачена.

Осудили на пожизненное заключение, ее отправили в Сибирь, откуда она убежала и ее подобрала семья рыбака.

Князь Брянский вернулся домой через три месяца, когда утихла волна преследования революционеров. Его встретила с плачем старая няня Анна Карповна. Она знала об участии князя в заговоре, знала, что его жена разделала его участь

Князь обнял старушку няню и пошел вместе с ней в детскую. Дети спали. Он нежно поцеловал, погладил их по головкам, вышел из детской и зашел в свой кабинет. Следом за ним шла его няня. Князь молча сел в кресло, а по его лицу катились слезы, он плакал молча.

К нему подошла няня и нежно погладила его по голове.

– Она тебя спасла, а себя погубила. Графиня была любящая жена, пойдите князь, узнайте, где она, и помогите ей.

Наследник Александра II сурово расправился с убийцами его предшественника. А те, кто пытался их защитить, ссылались в Сибирь. И только 36 лет спустя князь Брянский нашел свою мать. Их счастье длилось со дня приезда в Тобольск царской семьи и окончилось со дня отъезда.

Ковалевский помог Василию сложить в деревянный ящик все картины и рисунки. Царевна передала через повариху чемодан, в котором было несколько костюмов, рубашек и постельные принадлежности, куда он сложил оставшееся свое скромное богатство.

Вошел Украинский в веселом настроении, выбритый, чисто одетый, в руках держал такой же чемодан, какой царевна подарила Василию, только коричневого цвета, и саквояж.

– Я готов к отплытию, а вы, дорогие мои?

– Мы тоже, – был ответ.

– Тогда пошли.

Он взял чемодан Василия, связал чемоданы вместе, положил их на плечо и вышел. Вслед за ним пошли Петр с Василием. Во дворе у них вещи забрали солдаты и понесли к стоявшим подводам, привозившим лес. Через некоторое время появилась повариха со своим узелком, а вслед за ней выносили кухонную утварь.

Одна из подвод подъехала к подъезду, сложили в нее вещи. Потом подъехала еще одна. Через некоторое время пришла бричка с четырьмя гнедыми лошадьми, посадили в нее Николая II с Александрой Федоровной. Минуты две спустя вышла заплаканная царевна в сопровождении врача, села в середине, между отцом и матерью. Кучер натянул вожжи, лошади затопали и вышли за ворота.

Красноармейцы стояли около открытых ворот пока последняя подвода с лесорубами не скрылась.

Никто не провожал царскую семью в дорогу, и не было охраны, кроме красноармейцев, сидевших в одежде крестьян на повозках.

– Вот мы и в пути, – повернувшись назад, сказал Ковалевский Украинскому и Василию. – Наш долгий путь будет нелегко, но так безопаснее, кто подумает, что царская семья была вывезена так просто?

Через часа два царевича увезут в городскую больницу, он будет жить в одной комнате с врачом. А еще час позже губернаторский дом будут штурмовать анархисты-меньшевики и монархисты. Отряды рабочих-большевиков встретят их как положено, они их ждут со дня ареста их мелких отрядов. Сегодня большевистский комитет города перекроет все пути к отступлению людей Соловьева и Корженева. Наконец мои товарищи узнают их истинные лица.

Майор, проводив Соловьева и Корженева, взяв из их отряда шесть добровольцев с прапорщиком Луковицей.

Около дома губернатора шел бой, с тупиковой улицы выехало несколько тачанок с пулеметами. Красноармейцы, окружившие анархистов, снова спрятались в домах.

Следом за тачанкой выскочило шесть всадников, и под прикрытием шквала огня пулеметов ворвались в дом губернатора. Прапорщик вбежал на второй этаж. Все комнаты были пусты. Он быстро спустился вниз, вскочил на лошадь, а в это время тачанки, сделав круг, возвращались назад.

Той же дорогой вернулся прапорщик Луковица назад, он остановил взмыленную лошадь около майора.

– Господин майор, дом губернатора пуст.

– Догоняйте своих, – ответил майор.

Дождавшись, пока скрылась шестерка, майор спустился к оврагу. Навстречу ему вышли два лесоруба.

– Можете ехать, господин майор, на вашей улице тихо, подвода с дровами стоит у развилки.

К полудню в дом Вали вернулся майор. Увидев груженую телегу, заезжающую во двор, Валя вышла из дому, впереди нее выбежали дети.

– Почему вернулись, дядя Леонид, что случилось? А я думала, вы уже далеко отсюда.

– Не всегда задуманное сбывается, а в жизни человека все случается. Отдохну день-два и в дорогу.

Майор не отдыхал, а усиленно со своими людьми пытался узнать хоть что-то о семье Романовых, но пока безрезультатно.

Вместе со всеми придворными уехал и Василий. Несколько раз Валя бывавшая около дома губернатора, но не встретила ни одного знакомого красноармейца. Отряд рабочих-большевиков ушел вместе с членом Уральского облизполкома Ковалевским и членом областной чрезвычайной комиссии Украинским.

Рабочие-большевики честно выполнили свой долг, они усыпили бдительность всех, кто готовился к освобождению царской семьи, и увезли их по приказу Голощекина в Екатеринбург.

«У меня хоть маленькая, но есть надежда», – подумал майор и двинулся вместе с Соловьевым, и Корженевым и со своим маленьким отрядом в Екатеринбург.

Вокруг Тобольска и Екатеринбурга начались мятежи. Белогвардейцы объединялись против большевиков.

Пять дней двигался отряд майора, на шестой их остановили белогвардейцы. Полковник Зарев имел две сотни сабель, он спешил на соединение с чехословацкими мятежниками.

– У вас, майор, маленький отряд, но в своем оснащении он стоит дороже, чем мои две сотни. Присоединяйтесь ко мне, будете моим заместителем. По дороге к чехословакам я думаю увеличить в десять раз свой отряд, мне нужен опытный помощник.

– У меня, господин полковник, особо важное задание, мне непременно, во что бы то не стало, нужно попасть в Екатеринбург. Если бы вы мне сказали, что можете осуществить и выполнить возложенное на меня задание, я бы согласился.

– Во имя кого и чего вы так спешите в Екатеринбург?

– Господин полковник, я выполняю задание Милюкова и Гучкова.

– Значит вы монархист. Вы стоите за возрождение монархии. Я преклоняюсь перед вами за вашу преданность царю и отчеству. Вы возвращаетесь из глубинки и не знаете, что все члены государственной думы арестованы. Еще раньше Родзянко и Керенский распустили комитет спасения монархии.

– А откуда, господин полковник, вы черпаете силы на борьбу с большевиками?

– Сейчас каждый хочет защитить свое гнездо. Нет такой единой партии, которая объединяет нас. Каждый дерется за себя. У большевиков есть своя партия, свой вождь и имя ему Ленин. Мы, имеющие в несколько раз сильнее армию, чем большевики, не имеем своего вождя. Вот почему мы терпим поражение.

Родзянко и Керенский были против монархии. Они добились отречения царя от престола, но не смогли установить Республику, они побоялись быть республиканцами. Россия потеряла монархию, а вместе с ней веру в царя. Народ остался без веры. Безверие нас толкает в пропасть. На полях сражений погибают лучшие сыновья отечества и не знают за что.

Ваши два кумира Милюков и Гучков – ярые монархисты – тоже испугались и побоялись восстановить на трон Николая II.

Вся государственная дума проголосовала за арест семьи нашего государя, когда на заседании Михаил Владимирович вынес этот вопрос. Он же был противником выезда царской

семьи в Англию и он же не подписал разрешения на выезд. У вашего Милюкова и Гучкова была возможность самим вывезти царскую семью за пределы России. Они побоялись это сделать.

– Они сидят в тюрьме, господин полковник.

Зарев посмотрел на майора, улыбнулся, потом спросил:

– А вы давно из столицы?

Со дня ареста царской семьи, я все это время шел по его следам.

– И где вы его след потеряли?

– В Тобольске он был в том году, а сейчас не знаю.

– Вы спешите в Екатеринбург, значит, он должен быть там. У вас точные данные. Вы своим людям верите?

– Да! Верю! Они преданы, как никто другой.

– Потому вы убежали из Тобольска, что они вас предали?

– Меня никто не предавал, господин Зарев.

– Вас предали те люди, которые предали и меня в семнадцатом. Имена этим людям – борьба за власть. Они вам все принесут в точности, сами смоятся, а вы держитесь.

– Сейчас победит тот, кто организует сильную партию и с помощью партии возьмет власть в руки.

– Вы спросили меня, господин майор, где сидят члены Государственной Думы. Как только их всех арестовали, я убежал из Петрограда. Если б я не убежал, меня бы тоже посадили вместе с ними.

– Монархисты сегодня не в моде, но я присягал на верность царю и отечеству. Я, полковник Зарев, дворянского рода, даю вам обещание, что вы и ваш маленький отряд будет в Екатеринбурге. Но помощи от меня не ждите в деле освобождения царя или спасения монархии. Сегодня у меня одна цель. По весне захватить корабль и выйти в моря Северно-Ледовитого океана и доплыть до Франции. Перед войной моя жена заболела, и я ее отвез во Францию. Там и мои дети.

По дороге в Екатеринбург полковник Зарев вошел в маленький городок. Из всех достопримечательностей была городская церковь и две мельницы.

Зарев злился, в городе он не мог пополнить свой отряд продуктами питания. Здесь раньше побывали отряды красноармейцев, а перед вступлением в город отряда Зарева, побывал бандит Мыськин.

Старые лесники, хорошо зная тайгу, обещали провести отряд Зарева и помочь уничтожить Мыськина.

Полковник позвал майора.

– Послушай, майор, мы здесь сидим без хлеба и хорошей одежды, а вор и разбойник Мыськин находится в ста верстах отсюда в сторону Екатеринбурга. Поймать и повесить обещают вот старые лесники, он уже много деревень сжег и разграбил. Два дня и он в наших руках.

– Сколько у них сабель? – спросил майор у охотника.

– Около двухсот.

– Орудие, пулеметы есть?

– Орудий нет, есть пять пулеметов.

– Где пять, там и десять.

– Вы нам не верите, господин майор?

– Поверю, когда проверю.

Они склонились над картой, и лесники показывают путь, по которому движется банда Мыськина.

– Мыськин выбирает богатые деревни, ограбив крестьян, он исчезает, а потом появляется вновь. Но он движется в сторону Екатеринбурга. Следующая деревня, которую он ограбит, это будет здесь, и седой старый охотник показал на карте деревню.

Майор положил на карту линейку.

– Если двинуться прямо 50 км справа от деревни Каменка идут бедные села. Захватив Каменку, он будет двигаться вперед и чуть слева, разграбляя деревни.

– Даю вам пять разведчиков, кто из вас их проведет?

– Я знаю хорошо здесь дороги, это мой участок, а это мой сын. Берите любого одного из нас.

Утром Зарев покинул городок и отправился следом за бандой. Капитан выделил пять человек в разведку и пошел со стариком самой краткой дорогой навстречу банде. В подмогу дал ему Зарев сотню своих солдат.

Когда у Зарева окончательно созрел план захвата банды Мыськина, он подозвал к себе помощника, бывшего агента тайной полиции Екатеринбургского Вякина.

– Пойдешь со своей сотней вместе с майором Фуголь, вы оба майоры и думаю, по дороге сдружитесь. У него особые дела в Екатеринбурге, а ты город хорошо знаешь. Может, сговоришься в дороге. А при встрече с бандой Мыськина будь внимателен, следи за ним. Береги свою сотню, толкай его вперед.

Разведчики ушли, вслед за разведчиками сотник послал своих людей.

– Николай, ты спешишь попасть домой в свой Екатеринбург. Будь добр, не рвись вперед, там впереди не город твоего детства, а бандит, разъяренный, как зверь и хитер. Ты мне много помогал в Тобольске, послужи и здесь малость. Нас толкают в лоб Мыськину. Нужно уничтожить его, а своих людей сохранить.

– Но мы можем уйти, не вступая в бой. Мне нужен майор Вякин, то, что мне нужно сделать, он мне поможет.

Николай Хомич уехал вслед за разведчиками. Проехав несколько верст, лесник дал сигнал оставаться.

Около маленькой речушки стояло несколько домиков. Лесник знал почти все отдаленные хутора. Навстречу им ехали крестьяне. Лесник остановил их и спросил:

– Куда едете?

– На рыбалку.

Засмеялся.

– Не до смеху сегодня, ребята, ваших соседей бандит Мыськин сжег, забрав в домах, что было.

– Это неправда, позавчера я был у них и только вчера вернулся.

– Пошли, если не веришь, – сказал лесник.

Он подвел крестьян к стоящим около речки разведчикам, около них лежал его кум раненый.

– Кум, что случилось, почему ты весь в крови?

– Как только ты уехал, на наш хутор напала группа головорезов из банды Мыськина. Они хотели за счет нас пополнить запасы продуктов.

– Ты знаешь, кум, что сейчас в лесу много разбойников, и мы все продукты спрятали, они ничего у нас не нашли. Забрали бандиты из дома отца, вывели из всех домов людей, привязали к дереву и давай в него стрелять. А стрелять они умеют хорошо. Я не выдержал и вот с этой винтовки по ним. Уложил половину, пока они очухались. Один из них оглянулся, а его товарищи уже мертвые лежат. Хуторяне – старики, женщины и дети в лес, а мы, у кого было оружие, за ними. Недалеко от вашей деревни они наткнулись на своих, вот здесь меня и ранило. Спасибо, подъехали люди лесника, а то быть бы мне на том свете. Наши подбирают оружие и лошадей, они скоро нас догонят, а мы поспешили к вам предупредить о банде.

Услышав выстрелы, Николай Хомич поспешил на выручку разведчикам. Бандиты ожесточенно сопротивлялись. Из полсотни банды Мыськина осталось в живых двое.

Они подняли руки и вышли из-за деревьев.

Николай Хомич, посоветовавшись с разведчиками, разрешил им идти в ближайший хутор, а он, как только крестьяне соберут оружие, догонит их.

– И сильно тебя задела, кум?

– На недельки две хватит с гаком.

– Не окажется твой гак длиннее двух недель, вон сколько крови потерял.

Крестьяне положили раненого, развернули лошадей и поехали домой.

Через полчаса подошел Николай Хомич с крестьянами из соседнего хутора.

Крестьянские дети известили, что второй отряд банды Мыськина находится в соседнем хуторе. Как разграбят людей, двинутся сюда.

Николай Хомич собрал всех мужчин хутора, кроме мужчин пришли дети и женщины.

– Зачем пустили женщин и детей?

– Это женщины охотники, их сыновья или мужа погибли, сами промышляют в лесу, хотят помочь уничтожить банду.

– Дорогие хуторяне, храбрые охотники, сегодня у нас печальный день, банда Мыськина в соседнем хуторе, нам нужно поспешить на выручку ваших соседей. Пока они заняты грабежом, мы их на месте преступления настигнем. Старики, женщины и дети, которые пришли к нам на помощь с оружием, останутся охранять хутор.

– Их в несколько раз больше, чем вас.

– К нам на помощь придут жители близлежащих хуторов.

Узнав, что около сотен бандитов в соседнем хуторе, Николай Хомич послал майору донесение и попросил обойти хутор с другой стороны.

Бандиты ограбили всех жителей хутора, а молодых парней связали и забрали с собой.

Николай Хомич подошел к хутору, когда банда его покидала. Крестьяне с соседних хуторов просили разрешения напасть на банду и не дать им выйти из хутора.

Только ознакомившись с обстановкой и подготовившись к бою к Николаю Хомичу подошел майор Фуголь.

– Подошли вы во время, господин майор, сейчас мы их встретим.

– Дай команду не стрелять, пусть выйдут из деревни, там их встретят мои ребята, а вы ударите сзади. Хутора жалко! Сожгли!

Грабители прошли мимо лежащих в густом кустарнике крестьян, был слышен крик и плач женщин. Шедшие грабители впереди колонны были встречены сотней майора. Сзади крестьяне стреляли вслед ушедшим бандитам.

Бандиты, старавшиеся прорваться через плотный огонь, были в упор расстреляны, другие стремились вернуться в хутор и там спрятаться. Здесь им преградили путь крестьяне.

Соскочив с лошадей, они залегли, со всех сторон меткие выстрелы старых охотников косили бандитов. Стоило чуть поднять голову, и смертельный выстрел настигал врага.

На небольшой возвышенности в густом кустарнике притаилось около десятка бандитов. На предложение майора сдаться, они выстрелили, откуда доносились их голоса. Крестьяне ползком подбирались к бандитам, несколько охотников полезли на деревья и оттуда вели меткий огонь. Оставшиеся в живых, повесили носовой платочек на винтовку и вывесили белый флаг. Крестьяне подбежали к сдавшимся пленникам, подняли с земли раненых, требуя немедленного суда.

– Сейчас мы вас, сукины сыны, прикончим, ваши дни сочтены.

Двое сдавшихся в плен и трое раненых стояли в окружении крестьян. Подошел майор.

– Что вы хотите делать?

– То, что они делали с нами.

– Но нельзя без суда. Их должен судить суд.

– Медведь будет судить, а не суд.

Подняли связанных крестьян, увезенных из хутора, развязали и попросили рассказать майору, что они делали в хуторе, и стоит ли их оставлять в живых.

– Многих избили, все лучшее забрали. Люди остались без одежды и пищи.

– Одежду и пищу вернуть, а их можете своим судом судить.

– Не расстреливайте меня, я расскажу, где Мыскин прячет награбленное. Здесь среди белых камней его логово охраняют человек двадцать, я был там, оставьте в живых. Сам лично проведу!

– Этого оставьте, а остальных заберите. Подошли разведчики, увели на допрос бандита, знавшего дорогу в логово Мыскина.

Вторая часть банды была разбита полковником Заревым. Главаря банды не удалось поймать, он убежал с горсткой преданных ему людей и скрылся. Получив известие, что из второй части банды никто не ушел, а в хуторе держат пленного, знающего дорогу в логово Мыскина, полковник оставил свой отряд и поехал к майору.

Зарев подъехал к хутору, когда крестьяне получили обратно забранное у них зерно и одежду, ловили разбежавшийся скот, лошадей, коров, овец.

– Господин майор, когда он может показать нам дорогу к этому Мыскину?

– Говорит логово на видном месте и далеко оттуда видно.

– Нужно ночью окружить, а днем брать. Местные жители говорят, что среди тех пещер, где он прячется, есть ходы, уходящие далеко в лес.

– Кто из крестьян знает эти ходы? Можно ли по ним пройти в логово бандита?

– Большой риск, связанный с жизнью. Один взрыв гранаты и вход может завалиться.

Старые охотники-проводники молча смотрели на майора. Они были рядом со смертью майором, но такой ли у него полковник?

– Посмотрите на их лица, полковник, они нам полностью не верят, наверное, боятся, что вы их туда пошлете.

Полковник подошел к охотникам, сидевшим за столом, махнул своему помощнику: «Принеси водки и закуски».

Хозяин дома принес водку и сибирских пельменей.

– Присаживайтесь поближе. Сначала перекусим, а потом продолжим разговор.

Покушав и налив чай, полковник говорил только о бое, в котором он заставил бандитов сдаться, а главарь сбежал, как трус.

– Но я его найду, и он больше вас тревожить не будет.

– Вот, что дорогие мои старики. В начале войны я дома покинул отца и мать, жену и детей. В дороге настигла меня революция, и я никак не могу попасть домой. Четвертый год иду, и все встречаю препятствия, кто-то мешает мне идти. Помогите мне дойти домой!

– Покажите мне лазейку к вашему бандиту и грабителю и, я сам впереди своих людей пойду к нему. Мне нужно моих людей обусть, одеть и в сохранности привезти. Каждый день меняется власть, что новый город на пути, то новая власть.

– Перекрестись, что пойдешь сам!

Зарев подходит к висящим в углу иконам, становится на колени и крестится.

– Я за тобой, – сказал старик-охотник, а ты, сынок, садись на лошадь и скачи домой, если что-то случится, скажи свату, чтобы всем хутором пришли нас отрывать, может, помилует нас господь бог и не завалит полностью.

– Не бойся, старик, я везучий, тонул в болоте – не утонул, взрывался на mine – не взорвался. Ну что, старик, если суждено, буду заживо погребен. Успех гарантирую сто процентов, только без единого выстрела. Заберу у всех до единого патрона.

– А чем будете воевать, господин полковник?

– Штык и кинжал – верное оружие в ночном бою, тишина больше пугает врага, чем свист пуль.

– Верю, господин полковник, вам и вашим людям, я уже был раз с ними в бою, они дисциплинированы. Думаю, что в опасном месте стрелять не будут.

Зарев отбирал добровольцев и лично их проверял, винтовки, пистолет, гранаты. Только не стрелять. Несколько раз показывал старик добровольцам, рисуя на песке, где опасен выстрел.

– Вы, отец, испытали это на себе, что нельзя стрелять?

– При сильном шуме начинаются обвалы. Старые горы, висящие камни.

Разведка доложила, что остаток банды Мыськина скрылся в своем убежище. Оставлены наблюдатели, которые наблюдают за ними и ведут вокруг разведку.

Оставив хутор, разделил отряд сначала на две группы, потом, подойдя ближе к тайнику Мыськина, на четыре.

Вдалеке было видно, как среди камней ходили часовые. Около ручья бандиты мыли лошадей.

Отбрав полсотни человек, полковник пошел впереди, за ним старик. Проход все сужался, подошли к небольшой норе.

– Нужно эти двадцать метров проползти, потом такой же ход, как мы прошли, за ним огромная пещера, там сидит Мыськин. Пещера имеет три коридора, все три коридора забиты награвленным. У них два выхода. Один, через который мы идем, и второй к реке. Там сейчас он завален. Но по пути к реке можно безопасно проехать на лошади, потом по открытому месту и в лес.

Зарев нырнул в нору, за ним все остальные. Он увидел перед собой двух сидящих бандитов, за ними свободный широкий ход к их цели. Он вынул нож и тихо пополз, оба бандита мирно беседовали меж собой. Один наклонился назад и стал доставать табак, второй протянул к нему руку...

Медленно один за другим выходили заревцы из норы, они были все черны и грязны.

– Не пылить, не толкаться.

Еще прошло минут пять, вместо мыськиных часовых стояли заревцы.

Отряд Мыськина был разделен на три группы. Каждая группа сидела у костра, готовила еду. Приятный запах мяса доносился до заревцев.

Разделив отряд на три части, они подползли ближе к бандитам. Полковник дал сигнал, быстро вскочил и скомандовал:

– Сдавайтесь! Руки вверх!

Внизу в сосновом бору сидели охотники, недалеко от них находились связанные бандиты и их главарь Мыськин.

Старый охотник крикнул рядом сидящему около Мыськина бандиту: «Лезь, привяжи за вон ту толстую ветвь», и бросил ему веревку.

Тот испуганно подхватил веревку и полез на дерево.

Показал на двоих: «А вы, становитесь раком под деревом».

Те встали.

– Вставай, поднимайся, – сказал он Мыськину.

Тот поднялся и отошел к стоящим на коленях задом к нему его соратникам.

– Становись на их задницы и подтолкни его, – буркнул старик, вешавшему веревку.

– Уберите задницы!

Подходит крестьянин, уколол обоих в зад, те откатились в сторону, ветвь чуть согнулась, и на ней повис Мыськин.

– А с этими что делать? – спросили охотники у Зарева.

– Дарю вам!

Пополнив запасы пищи, переодев своих солдат, Зарев вместе с майором двинулись в сторону Екатеринбурга, обходя белогвардейские отряды, наполнявшие леса. Чем ближе подхо-

дили к Екатеринбург, тем чаще встречали мелкие отряды рабочих и крестьян. Они спешили скрыться в лесу от восставшей контрреволюции и чехословацких мятежников. Они шли по пятам Зарева, потом он оторвался от них на сотню километров.

Еще сутки и отряд Зарева вступит в Екатеринбург.

- Что будете делать, полковник, вы уже дома?
- Распущу отряд и – к своим, домой.
- А вы, майор, к своей цели ближе?
- Думаю, что да!

IX ВСЕ МЫ СМЕРТНИКИ!

Полковник построил свой отряд. Его солдаты молча стояли и смотрели, как несколько раз он обошел их. «Зачем построил, что ему нужно от них и почему так долго молчит?»

- Уговор наш не забыли?
- Нет, господин полковник, не забыли!

– Когда я вас собирал по лесам Тобола, всегда говорил, что я с вами только домой, потом наши пути расходятся. Одни раньше уходили домой, другие позже уйдут. Сегодня настал прощальный час, более сотни из вас после долгого пути, наконец, вернулись в свои края. Час ходьбы и вы на окраине города. Возьмите на повозках свои вещи, а вместо них, оставьте винтовки. Мы их схороним... Не забывайте, вы идете домой не как дезертиры, а как демобилизованные солдаты. Вы отслужили верой и правдой царю-батюшке, а теперь пора взяться за свое любимое дело. Только не играйте в войну, не влезайте ни в какую банду, не гонитесь за легкой наживкой. С вами я прошел длинный путь, вы видели много обруганных и опозоренных крестьян. Могучих и сильных главарей банд нет. Жива, только, правда. Так живите правдой, за правду идите в бой.

Заревцы получали свои вещмешки, вешали на седло, на плечи и группами уходили из отряда.

Около сгоревшей мельницы и покинутого крестьянами хутора, заревцы вырыли яму и спрятали в ней оружие и боеприпасы.

Полковник со своим помощником и шестью доверенными людьми последними вышли из леса. Через полчаса они догнали майора. Капитан вынул пистолет из-за пазухи, наставил на Леонида.

- Что следил за нами, монархическая шкура, вам где, велено быть в это время?
- Вам не жить долго, капитан, вы сильно стали горяч, спрячьте пистолет, мы находимся на большевистской земле. Уберите пистолет, капитан, и уезжайте. До свидания, дружище, до встречи в лучшее время. А сейчас – домой!

Полковник остался один на один с майором.

- Вы говорили, майор, что спешите в город, так в чем дело?
- Пошли, покажу!

Выехали на дорогу, на ней стояла подвода с двумя солдатами майора.

- Это мои товарищи Соловьев и Корженев.
- А это что? – Полковник показал на груженую подводу.
- Это то, что нам нужно будет дома.
- Я приказывал...
- Вы, господин полковник приказывали, а я дело делал. Мои люди были два дня тому назад у вас дома, ваша семья голодает, нет ни крошки хлеба, нечего и не на что купить на базаре. Жена с детьми все променяла, что было в доме.

Полковник удивленно смотрел на майора.

- Хотите этим меня купить?

– Спасаем, а не покупаем, повозки с дровами уже на полпути к вашему дому. Через час ваша жена будет знать, что вы сегодня будете дома.

Улицы были пустынные и безлюдны. Редко какой прохожий перейдет улицу и скроется в ближайшем доме. Дом полковника стоял на улице святой Марии, огороженный деревянным двухметровым забором и высокими резными воротами с подковой в середине.

Навстречу полковнику вышла служанка, она низко поклонилась, поцеловала его в высокий широкий лоб с густыми бровями, голубыми, как небо глазами, с густой черной шевелюрой.

– Как постарел, но выглядишь браво. Помоешься в бане, помолодеешь лет на десять. Много мыкался видать, сутками не спал. Ты такой же вездесущий, как и раньше. Пора угомониться.

Лошадей поставили в конюшню, выгрузили тележку, поставили рядом с бричкой. Подъехала еще одна телега, выгрузила дрова, в нее сели солдаты, выгружавшие дрова, а за ними майор со своими помощниками и двор опустел. Около крыльца остались полковник с только что вышедшей женой и с детьми.

Они долго обнимались, потом мужчина наклонился к детям, поцеловал их и сел на крыльце в обнимку с ними.

– А где лесорубы? – спросила хозяйка дома у служанки.

– Как только вы вышли из дома, им велено было покинуть двор, а мне закрыть ворота за ними.

– Они так много работали, надо было пригласить в дом и покормить.

– Их старшой сказал, что их ужин ждет дома.

Старушка мать в последнее время приболела, и редко вставала. Услышав, что сын возвращается домой, велела истопить баню, помылась и села около огня встречать сына.

– Здравствуй, мать!

Он подошел к ней, встал на колени, обнял ее и поцеловал.

– Поднимись, сынок, ты хозяин дома, а хозяину нельзя стоять на коленях, это богом запрещено.

– Перед матерью и отцом можно. Я долго шел к тебе, мама, иногда думал, не дойду. Слава богу, дошел!

– Видно по тебе. Пока накроют стол, сходи в баню и напарься. Спасибо, что заранее до приезда позаботился привезти в дом дрова и еду. Вчера мы были уже на голодном пайке. В городе даже хлеба нет и нет в продаже дров.

Было приятно сидеть и парить уставшее тело, с головы стекали черные ручьи. Со дня казни бандита Мысыкина удалось только раз побыть в бане, а то мылись либо у колодца, либо у ручья.

В баню вошел старший брат, отслуживший царю и отечеству двадцать пять лет. Был уже на пенсии.

– Сейчас добавлю пару и хорошенько тебя отстегаю веником, выбью всю хворь, всю заразу смую.

– Давай, браток, выпьем за нашу встречу, сколько раз видел, как твоя утирала слезу, когда о тебе спрашивал. Заждались мы тебя. Все вернулись, один ты долго не возвращался. Будь здоров!

– На здоровье, браток!

Вышли из бани, а их у двери встречают их служивые и холодной водой обливают.

– Это чтобы зараза не приставала, всегда были бодры и здоровы.

Пробежать хотели мимо, да ухватили их товарищи и давай качать.

Полная горница была гостей, до поздней ночи. И только к рассвету стали все расходиться.

– Со многими ты, брат, говорил, но я так и не узнал, где ты служил, откуда прибыл. Нашего брата сейчас везде полно, мы же с тобой отслужили, нет отца нашего царя-батюшки и нет отечества, которому мы присягали.

– А откуда и как я вернулся, слушай, хоть верь, хоть не верь.

– Верю, брат, ты рассказал все от чистого сердца, с открытой душой. А что царя нет, это неправда, он у нас в Екатеринбурге. И то, что ты говорил о майоре-чудаке, то я о нем слышал в Петербурге, и описываешь ты его мне так, как описывал его сам великий князь Николай Николаевич. Хорошего ты человека встретил, ты сам позабыл позаботиться о своей семье, а он позаботился. Сколько всего навез тебе. За твое добро отплатил тебе добром. Мое сердце чувствует, что он к тебе еще придет, вы с ним встретитесь. Это ярый монархист, многие предали нашего отца и батюшку-императора Николая II, а он идет за ним по пятам. Так, что наш батюшка был в ссылке сначала в Тобольске, а потом сюда привезли. Видать так, мой брат, мы с тобой маленькие люди у государя, а дело государя продолжают такие люди, как майор. Он майор, это все знают, но кто он в самом деле, никто не знает. Мало кто его видел.

– А ты его запомнил?

– Если бороду не сбреет, узнаю, а без бороды – по голосу.

– Что-то мне, брат, много в твоих рассказах непонятного, но пора и честь знать. Спокойной ночи!

– Счастливого пути, браток. Завтра приходи.

– Непременно приду.

Старший Зарев молча ехал домой, его не покидала мысль о том, чтобы, найти майора и узнать, кто он в самом деле. Здесь в доме брата были его люди, и он ни раз не пришел с ними поговорить, а еще военный. Не присмотрелся к тем людям, которые столько всего хорошего сделали в доме его брата Сергея Михайловича. Как быстро постарели, уже и брат дослужился до полковника, а еще молод, ему еще десяток нужно служить до конца службы.

Приехали домой, все встали, а Валерий Михайлович был далеко в своих мыслях от семьи. Жена легонько толкнула: «хватит мечтать, полетал в облаках, пора и домой».

Майор выехал из дома Зарева в веселом настроении. Когда они заезжали в дом полковника, он встретил Ковалевского Петра. Значит здесь и сотник. Скоро он будет в доме колбасника Никифора и там его ребята, которые пошли за Ковалевским, скажут, где он живет.

В доме Никифора ярко горели лампы. Освеживав медведя, которого они привезли из леса, ребята делали колбасу. Увидев майора, посыльные подошли к нему и что-то сказали.

Майор оставил лошадь, надел полушубок и вышел с посыльным на улицу. Они прошли несколько улиц, остановились на углу около дома портного.

– Вон там смотрите, господин майор, двухэтажный дом с двойным забором.

Ковалевский трижды постучал в ворота, красноармеец открыл ему ворота и он вошел.

К ним подошли еще двое, и Леонид спросил:

– А кто-нибудь еще выходил или входил?

– Нет, господин майор, никто!

– Кому принадлежит дом?

– Когда-то жил портной, а сейчас он съехал и хозяин отдает дом в аренду.

– Верните семью портного назад и оплатите за него на три месяца вперед с одним условием, что мы здесь поселимся вместе с его семьей.

Вместе с семьей портного в доме поселился дядя Леня со своим сыном и снохой Раей.

Дядя Леня уходил из дома рано утром и поздно возвращался. Сын со своей старой лошадью привозил дрова из лесу и продавал на базаре. Сноха готовила еду.

На второй день Ковалевский вышел из двухэтажного дома, миновав дом полковника, зашел в небольшой домик.

Собака сначала залаяла, потом начала весело скулить и ходить на задних лапках вокруг Петра. Он вытащил кусочек хлеба и бросил собачке.

Через часа два к Ковалевскому подошел Украинский. Подъехала за ними машина, и они уехали в облисполком.

Прошло часа три, они вышли из облисполкома и поехали прямо к двухэтажному дому.

За целый день в дом вошли только двое. Прохожие, не доходя до двухэтажного дома метров пятьдесят, сворачивали на левую обочину и шли дальше.

Майор решил завтра утром обойти вокруг двухэтажного дома и в одном из них залезть на чердак и с помощью бинокля осмотреть дом, в котором бывает Ковалевский.

Двор был маленький, а высокий забор не давал возможность осмотреть его. Из своего укрытия он хорошо видел, кто входил и выходил, за стенами все исчезало.

Три раза в неделю во двор заезжала машина, около ворот высаживали шофера, за руль садился другой и въезжал во двор. Машина во дворе находилась полчаса, и затем снова выезжала.

Вернувшись домой, майор достал план дома, в котором бывал Ковалевский. Двенадцать комнат на первом и втором этажах. Такое расположение и в других домах, стоявших неподалеку от дома Ковалевского.

Нужно ждать Соловьева и Корженева. Если в городской тюрьме нет царской семьи, то они находятся в доме Ковалевского.

Через час пришел Соловьев, он был зол и расстроен. Поиски царской семьи в городской тюрьме не дали никаких результатов. Тюрьма была битком набита анархистами, меньшевиками, белогвардейцами.

Тюрьма стала чистилищем ада, через нее ежедневно проходили десятки, а то и сотни людей. Одних сажали, других выпускали.

За последние три месяца тюремную охрану заменили полностью. Набор тюремщиков разношерстный и в основном сидят только те, кто был арестован после семнадцатого года за исключением рецидивистов. В камерах одиночках сидят те, кто приговорен к пожизненному заключению за убийство и государственное воровство.

Корженев вернулся на два часа позже Соловьева. Он был в областном Совете. Обошел все кабинеты, где только разрешали ему бывать, как представителю рабочих по заготовке и поставке деловой древесины. Договорился о поставке леса городскому Совету, школам и больницам. Несколько раз заходил к начальнику тюрьмы. Тот категорически отказывался: – У меня в тюрьме полно безработных, если вы сможете дать моим заключенным работу и кормить их три раза в день, то ладно.

– Я ежедневно буду давать вам столько рабочей силы, сколько вам нужно. Лишь бы они у вас с голоду не подохли.

Начальник повел Корженева посмотреть на заключенных: если мы договоримся, то смогу разгрузить камеры, где сидят заключенные. Здесь положено быть десяти заключенным, а мы держим в два раза больше. Одиночные камеры тоже переполнены, там сидят по двое-трое. Решили завтра идти в облисполком за разрешением на вывозку леса и поставки его школам и больницам. Просить разрешения на открытие в городе кооператива «Деловая древесина и дрова».

В семнадцатом году во время баррикадных боев сгорел дом генерала. Целыми остались хозяйственные пристройки и конюшни. Отремонтировав их, обновили забор. Корженев вывесил табличку «Деловая древесина и дрова»

Начальник тюрьмы ежедневно отправлял из тюрьмы двадцать человек. Они восстанавливали дом генерала.

Рабочие из отряда майора Фуголь рубили лес и возили в город и складывали во дворе генерала.

Если заявка на лес была большая, то поставляли прямо из леса домой покупателю.

Часто распиливали сухие бревна по заказу похоронного бюро города. Это был серьезный заказчик. Председатель похоронного бюро говорил: чем суше древесина, тем легче гроб, тем выше его цена.

Пилить сухие бревна было тяжело, тупились пилы, а их еще и точить не было чем. Последний камень сломали, на котором точили пилы.

Соловьев пошел в депо просить несколько точильных камней в обмен на лес. К его удивлению в депо встретил Уральского, друга Ковалевского.

Уральский требовал паровоз и вагоны для доставки в Екатеринбург хлеба, а начальник депо в обмен на вагоны просил деловой лес.

Начальник показывал вагоны и говорил: «Я вам дам вагоны, товарищ Уральский, но они все дырявые, что вы в них привезете. Дайте нам лес, мы дадим вам вагоны.

Корженев подошел к Уральскому и предложил свои услуги.

– Я даю вам деловой лес, а вы мне металлические полотна для пилорамы и точильные камни.

– А вы кто будете, товарищ? – спросил Корженева Уральский.

– Председатель кооператива «Деловая древесина и дрова»

– Слышал о вас много хорошего. Жители города довольны вашей работой. Вами решен вопрос о поставке городу древесины. Нужно посоветоваться кое с кем, я один этот вопрос не решаю, сейчас такие вещи решает весь коллектив.

Через час погрузив полотна, точила, напильники на телегу, Корженев с рабочими депо возвращался домой. Отдав пильщикам полотна пил для пилорамы, точила и напильники, стал отпускать доски. Рабочие депо на месте сортировали доски и отбирали только те, которые годились для ремонта вагонов.

Закончив погрузку, рабочие подошли к Корженеву.

– Что плохой лес у нас, ребята, что вы не так веселы? Мы отдали вам самые лучшие доски.

– Лес первосортный, но нам его надо кубов двадцать, а мы взяли только пять.

– Ремонтируйте вагоны, а мы ежедневно будем вам давать столько леса, сколько вам нужно. Услуга за услугу. Мы вам лес, вы нам металл.

Отправив рабочих, Корженев зашел к Соловьеву.

– Что так лесом разбрасываешься, дорого платят?

– Запасся пилами и камнями на месяца два. Рассчитаемся с депо, обещали еще дать столько же. Можно в лесу старую пилораму пустить и возить только деловой лес.

– Не забывай, что мы не лес приехали пилить, а выполнять поручение Великого князя Николая Николаевича и императрицы Марии Федоровны.

– Одно другому не помеха, если хорошо пойдут у нас дела, то и там нам легче будет. Перед нами будут открыты везде двери. Сегодня я встретил Уральского, а там, где бывает он, бывает Ковалевский.

– И ты молчал столько времени, вот удача, через Уральского и Ковалевского мы выйдем на нашу цель.

– Дай бог! Дай бог, чтоб слова твои сбылись! – сказал Корженев.

– Сегодня вечером извещу майора о твоей находке, будет рад.

Между начальником депо и Корженевым завязалась дружба. Однажды, отправляя лес в депо, он решил сам его отвезти. При оформлении документов зашел к начальнику.

– Сегодня он занят и не принимает.

– Скажите, его хочет видеть Корженев.

Услышав голос Корженева, начальник депо вышел к нему и пригласил в кабинет, там сидел Уральский.

– Спасибо вам, товарищ Корженев, вы нам оказали большую услугу. Сегодня я получаю больше вагонов, чем заказывал. А это значит, что город получит хлеба, мяса и вы сможете больше привезти из леса древесины...

И он громко засмеялся.

– Сабит Аскарлович, – обратился к начальнику депо Уральский. – Может, в честь сегодняшнего дня выпьем граммов по сто.

Сабит Аскарлович открывает свой металлический ящик, достает самогон и закуску. Выпив рюмку, Уральский начинает рассказывать анекдоты.

– Наливай еще по одной и мне пора идти. Вчера сосед обещал привезти дров жене и не привез, придется мне самому брать жену и ехать в лес. Благо, что живу на окраине города, рядом с лесом.

Корженев вынул свою бутылку и закуску.

– А это от меня. Не торопитесь вы, дорогой Уральский, мои люди поехали сегодня в лес, допьём эту бутылку, и поедем в лес на моих лошадях. Там наши телеги погрузят, и мы привезем вам сегодня лес.

По дороге Корженев жаловался на нехватку рабочих рук: было б больше лесорубов, было б больше делового леса. Боятся нынче мужики идти в лес, какой там только сволочи нет. Иногда лесные хозяева требуют не только выпивку и еду, а и деньги. Попробуй, не дай, хорошо если не дадут рубить, а то и убьют.

Одну телегу погрузили сухими дровами, вторую – первосортным деловым лесом.

– Вот удача мне сегодня выпала, век не забуду. Изгородь дома валится, погнили столбы. Теперь поставлю новые и обновлю забор.

За вашу доброту обещаю прочистить этот участок леса, многие обижаются на разбойников. Уже с завтрашнего дня вас никто не будет беспокоить... Прикажу разогнать разбойников. Попрошу начальника тюрьмы давать в два раза больше дровосеков. Чем больше они будут работать, тем меньше будут тревожить власть. Пошла массовая безработица, люди уезжают в более благополучные места.

Майор обошел все дома, где сотник должен известить о своем прибытии, но все напрасно. Василий, как в воду канул. Поиски царской семьи тоже не дали результатов. И еще старший брат Зарева-младшего Валерий Михайлович послал своих людей выяснить, кто из новеньких поселился в Екатеринбурге. Хорошо, что он послал своих людей заранее снять квартиры и встать на учет. Он уже старожил, больше года живет в этом городе.

Валерий Михайлович раньше часто бывал в вечернем клубе, но в последнее время и это заведение стало работать по субботам и воскресениям. Большинство предприятий и учреждений, процветавшие в старые времена, стали банкротами. Любители поиграть в карты и повеселиться приходили в вечерний клуб к восьми часам вечера. Более развлекательные и азартные игры, особенно на большие ставки, начинались после одиннадцати ночи, а иногда и с полуночи. В это время оставались в нем только те, кто имел большие суммы. Большие ставки ставились только с полуночи.

Зарев Валерий Михайлович ранее получал огромную пенсию. Но сменилась власть, и с его заслугами теперь никто не считался, а пенсию выдавали минимальную, хватало только на прожиточный минимум.

Майор зашел в клуб и сел за стол. Прошел официант, увидев новенького, вежливо спросил:

– Что желаете, сударь?

Прочитав меню, он поднял голову. В это время к столику подошел Валерий Михайлович.

– Вы сели за наш столик.

– Извините, я могу пересесть. Мне бы хорошо поужинать и кружку холодного пива.

– Если хотите, можете остаться, нас трое. После ужина, приглашаем вас сыграть в карты.

– Давно не играл, с самого начала войны, все иду домой и никак не могу дойти.

– Сейчас дорогой товарищ, я правильно говорю, господ нет, домой не идут, а бегут. Наше поколение уходило и приходило с войны с оркестром и букетами цветов и массой молодых поклонниц, от которых глазки разбегались. А сегодня господа не в моде, модными стали товарищи.

Ужин подан, можно и перекусить. Валерий Михайлович вынул из бокового кармана бутылку, дал знак официанту принести рюмки.

– Здесь не положено, сказал майор.

– Кому не положено, а кому и можно. Мы старые кадры, нам все дозволено.

Поужинав, перешли во второй зал. Валерий Михайлович вынул карты:

– Ну что, сыграем?

– Кто с кем будет играть?

– У меня четыре спички, две короткие – одна пара, две длинные – вторая пара.

Старший Зарев, посмотрев на майора, спросил:

– Как величать?

– Для вас можно Леня, так легче играть, когда нет титулов и званий.

– Согласен, мы играем в паре.

На стол ложили керенские.

Валерий Михайлович положил миллион. Стоявшие по сторонам зрители, подошли к столу.

– Мы тоже.!!!

– Господа, мои выиграла, – и Зарев положил руку на деньги. Майор сверху руки положил свои карты.

– Извините, моя ошибка, берите!

– Вам везет, Леня, у вас легкая рука и вам идут хорошие карты. Может, пойдем в соседний зал и снова что-нибудь перекусим.

Было уже за полночь, и многие уходили домой. Леонид заказал бутылку шампанского и рома, жареной медвежатины.

– За этим столом, вы, дорогой Леонид, обанкротились. Что выиграла, то и проели.

– Сегодня я приобрел хороших друзей, рад, что с вами встретился, а в это тяжелое время нельзя наказывать людей.

Валерий Михайлович предложил всем четверым ехать к нему домой, у него на завтрак свежая рыба: поедим и разведемся по домам.

– У меня дела, прошу извинить, что не могу, в следующий раз. Если смогу сегодня вечером быть в клубе, обязательно с полуночи приглашу вас к себе на сибирские пельмени.

Ночной клуб был полон посетителей. К утру все ушли навеселе, но он не дал майору пицци для размышления. Никто в городе не знал о пребывании в нем царской семьи.

Сегодня вечером он снова пойдет в клуб, но только ради того, чтобы ближе познакомиться с Заревым старшим. Искать, где находится царская семья, надо другим путем. Только член чрезвычайной областной комиссии Украинский выведет на верную дорогу.

Во что бы то не стало, нужно найти средство, чтобы больше бывать с Украинским. Может начальник депо, его старый приятель, поможет нам сблизиться.

Нужно разузнать, что нужно сегодня екатеринбургским чекистам, предложить или организовать по этому делу новую артель. Дело стоит больших средств и не стоит скупиться в достижении цели.

Леонид медленно шел по улице, через час он должен быть в ночном клубе. Через полчаса, здесь на дороге, встреча с Соловьевым.

Соловьев стоял около магазина, ожидал майора.

– Наши уже в городе, – сказал Соловьев.

– Вы уверены, откуда такие данные?

– Пройдемтесь немного, и вы увидите сами.

Прошли метров двести и увидели в условленном месте, что сотник рисует скульптуру Ермака.

Вокруг бегали мальчишки и кричали: «А он на картине, как живой».

Подходили взрослые, смотрели картину и с простым человеческим любопытством спрашивали:

– Сколько стоит картина по нынешним временам?

– От всего сердца улыбка и картина – ваша.

Многие пытались улыбнуться, но той человеческой, душевной улыбки не было.

– Тяжело смеяться в такие дни, – говорили, качая головами, старики.

– Тяжело и картину рисовать, когда нет вдохновения! Дайте мне его и я нарисую любого из вас.

Подошла студентка.

– А мне можно выиграть картину, я слышала, вы ее продаете за чистосердечный смех.

– Вам отдам за вашу милую улыбку.

Девушка рассмеялась, ее глаза широко открылись, улыбка проползла по лицу. И вдруг она помрачнела и тихо заплакала.

– Когда не доедаешь, разве смеяться будешь.

И она отбежала к своим подругам, стоявшим в стороне.

Сотник, заметив майора, громко сказал:

– Если нет покупателей, я ухожу домой.

– А вы, девушка, не желаете купить картину?

– Вы нечеловеческую цену просите за нее, господин художник.

Подруги ушли, а девушка стояла, вытирала слезы.

Сотник подошел к девушке, поднял ее спадающие на лоб волосы, взял у нее из рук платочек и вытер появившиеся слезы.

– Вам грустно и тяжело. Могу я чем-нибудь вам помочь?

По дороге шла женщина и кричала: «Последние свежие пироги, последние свежие пироги».

Сотник позвал женщину, взял пироги и дал девушке, потом громко сказал:

– Думал, покушаю в ночном клубе, а там сегодня обыск, ужин отменяется.

Майор посмотрел вокруг, кроме них никого не было. Сказанное сотником слово относится к нему.

Нужно предупредить Валерия Михайловича, чтобы не шел в ночной клуб.

Он выбежал из парка, остановил извозчика и поехал к клубу. В это время старший Зарев подъехал на своей лошади. Спрыгнув на подножку, он попросил кучера ехать к нему домой.

– Не волнуйтесь Валерий Михайлович и извините за бестактность, но думаю нам лучше выпить холодного вина и перекинуться картишками в домашнем кругу, чем в прокуренном клубе.

Жена старшего Зарева прибежала к его младшему брату взволнованная.

– Сергей Михайлович, у нас дома беда, твой брат ушел вечером в ночной клуб, а там был обыск, многих арестовали и увезли в тюрьму. Уже утро, а его нет дома. Быстрее, Сергей Михайлович, выручайте брата. У него при себе и денег-то много не было.

Только вышел полковник во двор с женой своего брата, а в это время подъезжает старший.

– Мне жена сказала, что ты меня ищешь с моим братцем, вот я и приехал сюда. А в ночном клубе я не был.

Жена подходит к мужу, целует.

– Это к лучшему, извините, Сергей Михайлович, нам пора домой.

Пришла первая весточка от сотника. «Неделю устраивались на новом месте, не было возможности послать весточку. Как освобожусь, приеду к вам сам. Свободного времени нет, отпускают рисовать и то только на час».

Майор ждал субботы. В субботу сотник должен прийти к нему со своей новой знакомой, с которой познакомился в парке.

Украинский разрешил Василию ходить рисовать пейзажи вместе с Ковалевским. В день встречи майора с сотником, Петр оставил сотника одного, пошел в магазин за покупками. Дома болела дочь, и жена попросила после работы принести продукты. Оставив Василия, он обошел магазины, и пошел на рынок. Возвращаясь с рынка с продуктами он не стал заходить к Василию, а забежал домой, отдал купленное жене и пошел за Василием.

Вот почему сотник при встрече с майором не смог поговорить, он ждал возвращения Ковалевского.

Поговорив с девушкой, он сказал ей, по каким дням рисует и что она может приходить к нему.

Петр одобрил знакомство Василия с девушкой, часто их оставлял одних, а сам уходил домой, час другой помогал по дому жене, ухаживавшей за больным ребеночком.

Майор известил Николая Романова об обстановке в городе и во всей России. Он писал: «В стране назревает голод, разруха, страна идет к гражданской войне. Поэтому прошу вас, ваше императорское Величество, дать разрешения на ваше освобождение из тюрьмы.

Временное правительство пало, к власти пришли большевики. В стране наступает разруха и голод. Останавливаются заводы и фабрики. Страна становится на путь гражданской войны. Настало время подумать о себе, когда ваша жизнь и жизнь вашей семьи в опасности. Если вы не убежите, то вас ожидает смерть. Вы лишились трона, но в скором времени вы лишитесь и жизни. Дайте согласие на ваше спасение. Вы говорили: «Каждый человек несет свой крест». Ваш крест – русская империя, во главе которой вы должны стоять. Нас мало, нас многие предали, но есть те, кто верны вам и Отечеству. Мы победим! Ваш преданный слуга Фуголь».

Император Николай II, прочитав письмо, подошел к печке и сжег его. Александра Федоровна молча смотрела на мужа. Царевна Мария сидела около брата, гладила его руку и говорила:

– Успокойся, царевич, врач сказал, что после этого лекарства боль утихнет.

– Надоело, царевна, сидеть в темнице. В Тобольске нас выпускали, мы могли ходить на прогулку, а здесь мы как в клетке, сидим в четырех стенах.

Мария посмотрела, как отец сжигает письмо, переданное сотником. Его лицо стало еще мрачнее, чем было, он хотел улыбнуться, но не смог.

Откровенность майора он ценил со времен его ареста, к нему приходили в тюрьму многие единомышленники. Многие говорили о скором его освобождении. Один только Фуголь это называл «чудом».

Он верил всем, майор со своим «чудом» оставался в стороне. Даже, когда пришел однажды Великий князь Николай Николаевич и говорил о майоре Фуголь, он с холодом отнесся к нему.

Майор с сотником хотели вначале спасти Марию и Анну, он и этому не поверил. И когда сотник на коленях упросил Аннушку сохранить свою жизнь для России, она вначале со смехом сказала:

– А для кого, сотник, вы меня спасаете, у вас есть прекрасная жена и чудесные дети.

– Для трона! – ответил он. – Кто-то из вас должен оставить потомство для России – русская империя возродится!

А сегодня майор еще раз через сотника предупреждает об опасности, он может потерять голову, это промедление будет стоить жизни его и его семьи.

Он молча ходил. Четыре шага в одну сторону, четыре в другую. Никто не нарушал тишину во время его обдумывания. Он уже свыкся с тем, что он уже не император, что он не повелевает, а иногда выполняет то, что ему говорят. Он привык за эти долгие месяцы часами молча сидеть у окна и ждать, когда позовут на обед, на ужин. Привык, что жена сама стирает ему, себе и детям. Император удивлялся, когда его жена ночью гладила его волосы и говорила: «А наш сынок спит спокойно, не вскрикивает и не разговаривает. Посмотри, как Мария сладко улыбается во сне!!! И с нами стали красноармейцы вежливо обращаться, может, и правда, мы скоро выйдем на свободу».

Тогда он не поверил майору, заела императорская гордость, что какой-то нищий майор, которому императрица подарила на его родине маленький хуторок, может спасти жизнь ему и его семье.

Уже больше года, как он в тюрьме, многие отказались и предали его, а этот идет за ним по пятам спасать жизнь. Кто он, преданный слуга или сумашедший? И откуда у этого слуги огромное количество денег, где черпает энергию и веру в свою победу? На чем держится его вера, на зле или справедливости?

Сотник каждое утро подметал комнаты, мыл полы. Закончив влажную уборку в комнатах, начинал уборку коридора. Он делал свою работу не спеша, но с большой любовью. Часто делая работу, пел и тогда царевич Алексей и царевна Мария открывали двери и слушали его песни.

Иногда пел казацкие песни о несчастливой доле (судьбе) девушки, попавшей в плен к татарам. Царевна Мария обнимала мать и начинала тихо сотнику подпевать. Царевна знала все украинские песни, которые пел сотник, и иногда просила спеть нравившуюся ей снова.

Иногда он шутил: «Скоро вам, моя царевна, все мои казаки будут петь ваши любимые песни. Вот закройте глаза и слушайте, как они поют».

Сначала он пел в полголоса, потом громче и казалось, что он не один поет, а множество казаков. Оканчивалась песня, царевна открывала глаза, и волшебный мир исчезал. Царевна вздыхала и тайком от царицы вытирала слезу, а мать делала вид, что не видит слез своего дитя.

Солдаты ушли на ужин, остался только один сотник, он переодевался и собирался идти ужинать, когда его позвал Николай II.

– Я вас слушаю, ваше величество.

– Ты разговаривал с майором о нашем освобождении, и это действительно возможно, не повторится ли второй Тобольск?

– Я ваше величество всего-навсего связной, к ходу подготовки вашего спасения никакого отношения не имею, и разговора со мною об этом не было. Майор сказал, если вы не дадите согласия в ближайшие дни, то и этот план провалится. К городу идут восставшие Чехословаки.

Наверх поднимались солдаты, император пошел в комнату, а сотник, повесив свою рабочую одежду, вышел за Ковалевским ужинать.

Повариха их весело встретила, поставила ужин, налила по рюмке.

– Ты, Вася, так хорошо поешь с молодой царицей, хоть бы раз нам в столовой спел.

– Хорошо! Слушайте! – начинает петь.

Она ему подпевает, подходят солдаты к двери, чуть приоткрыв, слушают, как они поют.

Царевна Марья во время разговора отца с сотником стояла около двери и слушала, о чем они говорят. По окончании разговора отошла от двери и стала смотреть в окно. Из окна был виден только высокий забор, а чтобы посмотреть вниз, нужно было встать на широкий подоконник. Она иногда это делала, но это ее не утешало, внизу виднелся кусочек земли и тот же высокий длинный забор.

Иногда перед сном заходил сотник, приносил холодной воды и желал спокойной ночи. Но это бывало редко. Двери, ведущие на второй этаж, закрывались, за дверью стоял солдат, охраняя их.

Высокий забор, усиленная охрана и проверка в полночь – все это нервировало заключенных. Александра Федоровна просила отменить полуночные проверки, особенно, когда болел царевич.

– Дайте хоть ночью нам спокойно отдохнуть, говорила она Украинскому.

– У меня предписание и я его выполняю. Распорядок дня и ночи установлен не мною, и я не имею права его менять. При ночной проверке к вам не заходят, бывают только в коридоре.

– Попросите, чтоб не стучали каблуками, царевич вздрагивает и просыпается при ночной проверке.

– Я просидел десять лет, знаю, что такое ночной обход и ночные проверки. Привык и не просыпался, спал, как и все другие заключенные. Привыкнет!

Не дождавшись удовлетворительного ответа, она ушла.

Он просидел десять лет, как это невыносимо и долго. И за что он сидел. Почему ему, бывшему тюремщику, доверили их охранять.

Александра Федоровна начала считать, сколько они просидели в Тобольске, сколько времени их везли и сколько сидят здесь.

Царица тихо заплакала. К плачущей императрице подошла царевна Ольга, она обняла мать, закинув голову назад, положила на плечо. Глаза их встретились. У императрицы они были усталыми, потемневшими и глубоко ввалившимися от бессонных ночей и плача. У царевны глаза были веселыми, оживленными, но напоминали глаза затравленного волчонка.

– Ты всегда была такая крепкая, мы все черпали силу и мужество у тебя, чтоб перенести сегодняшние невзгоды. Возьми себя в руки и не показывай отцу и Алексею, что тебе плохо.

– Мои силы на исходе, чувствую, что покидают они меня изо дня в день, скоро они сломают и меня.

Царица идет к корыту и начинает стирать. Оля с Машей помогают полоскать и вешать белье. Постирав, они вешают в соседней комнате белье на веревку, а воду Маша выносит в коридор. Подходит сотник, забирает ведра и уносит на улицу. Дверь остается полуоткрытой можно посмотреть, что делается за дверью, отделяющей второй этаж от первого.

Царевна идет следом за сотником, спускается вниз по лестнице, там за второй дверью коридора двор и чистый воздух. Туда запретили ходить уже несколько дней.

Дрожащими руками открывает двери и видит возвращающего сотника с ведрами, а во дворе полно солдат ходит. Она хочет убежать, но почему-то в глазах становится темно, она нащупывает стенку. Лицо ее побледнело, а в глазах застыл испуг.

Василий, увидев царевну, подбежал к ней, взял за руку и осторожно стал подниматься вверх. Закрыв за собой спасительную дверь, отделяющую первый этаж от второго, он ее нежно погладил, потом поцеловал.

– Не делай так больше, моя царевна, запретят тебе и в коридор выходить. Терпи, моя любимая, скоро час свободы придет.

Он вынимает письмо и передает царевне.

– Отдай отцу и скажи, что я говорил с майором о вас. Мы любим вас, мы ваши друзья в горе и радости.

Царевна взяла письмо, прислонилась к Василию и заплакала. Приоткрыв дверь, он посмотрел, нет никого. «Пусть поплачет, легче будет», – подумал он.

Майор извещал, что все готово к его побегу. Осталось его величеству дать на то согласие.

Императрица Мария Федоровна за день до этого известила, что господин Ульянов (Ленин) принял ее и обещал решить вопрос о семье царя Николая II на ближайшем заседании в Смольном.

В обед в комнату царя вошли Ковалевский, Украинский с начальником охраны.

Начальник охраны Четверга Никанор Никанорович низко поклонился всем по очереди, – сначала Николаю II, потом Александре Федоровне, и их детям, царевнам Ольге, Татьяне, Марии и царевичу Алексею.

– По постановлению страны Советов с сегодняшнего дня отменяется титулование «их императорских величеств», то есть вы становитесь гражданами нового государства. С этого дня вас не будут величать «ваше императорское величество, ваше величество Николай II или ваше величество царица всей России Александра Федоровна».

Мы все, я, вы, они стали гражданами новой страны, отныне вы – гражданин Романов Николай, а вы – Романова Александра Федоровна, не царица, а гражданка. Это и к вам относится, царевна и царевич. Вы гражданка Романова Мария – дочь Романова Николая и Александры Федоровны.

Начальник вышел, а вслед за ним пошли Украинский и Ковалевский.

Царевич застонал, к нему подошли царь с царицей и Марья царевна.

– Тебе плохо, царевич?

– Сейчас лучше. Я все слышал, папа. Зря ты надеешься на возвращение на престол и не даешь согласие бежать отсюда. Отбрось свою гордыню, если я вам в тягость, уходите без меня. Мои дни сочтены, вчера врач сказал Украинскому, хоть я и выздоровею, то все равно умру. У меня особая болезнь. Пожалей, папа, маму и сестру, они превратились здесь в прачек, скоро настанет день – станут кухарками. Пока есть надежда на побег, готовьтесь к нему и убегайте.

Послышались в коридоре шаги, кто-то к ним шел.

Вошел солдат, громко поздоровался и сказал: «Граждане Романовы, вам велено быть на прогулке».

И снова, как в Тобольске, спустились вниз, вышли во двор и на узеньких тротуарах прогулялись полчаса. Нашла тучка, заморосил дождь, и все граждане Романовы зашли в дом.

Сотник налил воды в умывальник.

Повариха накрыла стол. Романовы молча сели за стол.

– Ешьте все, – сказала мать, – нужно сохранить силы.

Василий начал уборку и запел песню. Мария подошла к двери и чуть ее приоткрыла. Отец с матерью и братом слушали тоже. Когда начал петь украинские песни, начала и Мария, сначала она пела в полголоса, потом запела громче. Спели несколько песен и замолчали.

Мария встала на пороге и смотрела, как сотник, окончив мыть полы, выкручивал тряпку и собрался уходить.

– Ты больше сегодня не придешь к нам? – спросила Мария.

– Подожди, Мария, вылью воду, ополосну ведро и приду, у меня есть еще много свободного времени.

Мария подошла к двери, отделяющей этажи, и стала ждать сотника. Он вернулся, подошел к ней, и она почувствовала, как от него идет запах зеленой травы.

– Где сегодня гулял, в поле? Ты такой пахучий, как наш полевой луг в Царском селе.

– Ездили в поле, косили для лошадей сено, вот и привез оттуда тебе запах луга.

– А какой нынче луг, какая трава и что там цветет? Почему не принес мне цветов? Если завтра будешь на лугу, нарви мне полевых цветов..

Сотник вынимает из кармана несколько живых цветочков.

Царевна Мария улыбнулась, взяла цветы, поцеловала, потом понюхала.

– Пахнут точно живые!

– А они и есть живые!

– Тебе жаль было букет принести. Принеси, пожалуйста, может, в последний раз.

Она прослезилась, он вытер слезу и поцеловал ей руку.

– Поцелуй меня, Вася, как ты целовал свою жену. Меня никто из мужчин еще не целовал.

Не бойся, здесь никого нет, я слышу хорошо.

Василий обнимает царевну, наклоняет ее чуть в левую сторону и целует. Царевна берет его правую руку и кладет себе на грудь. Он ее целует и гладит. Тело царевны все напряглось, сделалось плотным и пружинистым.

– Расслабься, царевна, здесь не место для поцелуев.

– Еще раз, сотник, да покрепче обними, ты один из первых меня поцеловал и достанусь ли кому-нибудь. Наверно самому господу богу отдам я свою девственность.

Сотник снова целует и гладит ее грудь, она напрягается и прижимается к нему.

– Отдалась бы я тебе, сотник, было бы где... Но прощай, идут солдаты.

Отпустив царевну, он пошел им навстречу. – Помыл, Вася?

– Да, все блестит!

– Что-то мало ты сегодня пел. Что, твои песни не нравятся нашим гражданам?

– Нравятся!

Х НЕУДАВШЕЕСЯ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Майор собрал всех монархистов – руководителей групп по спасению семьи Романовых. Это было первое такое большое собрание, когда собрались все.

Из всех групп, руководители которых прибыли на совещание, майор знал только двоих. Остальные были екатеринбургские. Большинство знали, где сидит в заточении император. Многие через своих знакомых успели связаться с императором России. Жаловались на нехватку людей и оружия, на сильную охрану дома. Майор предложил малой силой, под прикрытием темноты проникнуть в дом, вывести семью и скрыться из города. Нужно действовать вместе, а не врозь. Избрать руководителей по спасению семьи Николая II.

– Так и назовем: «Союз спасения монархии».

Из угла выкрикнули: «Союз возрождения империи». Другие: А мы за «Возрождение монархии».

– Эти все лозунги были еще, когда император был арестован в Царском селе. Уже прошел целый год, а союзы монархистов, только и делают, что топчутся на месте. Они, то есть центр петербургский, и сегодня нам диктует, что делать.

– Нам нужен не союз бездельников и болтунов, а сильная объединенная группа людей, готовая пожертвовать собой во имя спасения царской семьи, для чего мы здесь и собрались. Чем мы скорее объединимся, тем быстрее освободим царя.

На сегодня нам нужен руководящий центр спасения царской семьи, к этому центру должны стекаться все данные о группах, которые будут участвовать в этом великом деле. Центр должен руководить всеми группами, и они должны беспрекословно выполнять его указания.

Мои люди разработали план освобождения заключенных из тюрьмы, потом вывоз из Екатеринбурга за границу. Это очень трудоемкая операция и трудновыполнимая в условиях бездорожья нашей губернии.

Николай II получил письмо, в котором мы просим дать согласие на его спасение, но ответа от него не получили. Он надеется на помилование. Мол уже год прошел, и ему большевики разрешат выехать за границу.

В свое время, год назад, временное правительство не дало визы на выезд, тоже сделают и большевики.

– Послушайте, что пишут в газетах, журналах, говорят на улице: «Возрождения монархии не может быть!»

Временное правительство отказалось от республики, оно колебалось, а это признак трусости.

Большевики издали проект своей новой Конституции, в ней нет места монархии. Для них все ушло в прошлое. И конституционная монархия, и республика. Выбор за вами, если мы спасем царя, мы спасем и монархию. Вокруг восстали те, кто дорожит своей честью, кому дорога наша отчизна Русь-матушка.

Не сегодня-завтра восстанут чехословаки и весь этот восставший народ объединится вокруг нашего любимого царя.

Просидели до утра, начало светать, и все разошлись, так и не пришли к единому мнению, не объединившись и не избрав руководящий центр. Большинство проголосовали воздержаться и этот вопрос решить на следующем собрании. Дату проведения собрания не утвердили. Решили обсудить этот вопрос в узком кругу в отдельности по группам, потом собраться еще раз в таком же составе, как и сегодня.

Фуголь вышел неудовлетворенным и чуть возбужденным. Он зло выругался и когда выходил из собрания зло сказал Соловьеву: «Из этого роя не выйдет ни х...».

Князь Тимошкин, следуя позади майора, засмеялся.

– Почему вы так думаете, майор, люди многому научились за годы революции и не спешат на свои шеи петлю одевать.

– Они уже одели, дорогой князь. Вчера мы были господами, князьями, графами, а сегодня большевики это все забрали, нас сделали гражданами.

– А что это значит?

– А то, что вы, я и вонючий конюх стали на одну ступеньку. Нас унизили, дали пинка в задницу, мы – никто. И это исходит от одного, засевшего в Смольном. Ему имя Ленин.

– Придет, господин майор, и наше время, вместо Ленина мы войдем в Смольный, не как побежденные, а как победители.

– С сегодняшнего дня мы потеряли с вами даже надежду, мы перестали верить друг другу.

– Не расстраивайтесь, майор, я помогу вам объединить наши силы, и мы еще отпразднуем свою победу.

– Ее у вас уже не будет, если чехословаки восстанут, большевики снова увезут куда-нибудь в новое место царскую семью. И они будут за тридевять земель в тридесятом царстве, куда и ворон не залетит.

– Побойтесь бога, господин майор, большевики не решатся на расстрел семьи Романовых.

– Они мыслят дорогой, князь, как и вы, и вы хорошо знаете большевиков и потому дали правильный ответ.

Князь испуганно посмотрел на майора, потом ускорил шаг и скрылся в темноте.

Майор сидел за столом с Соловьевым и Корженевым. Перед ними был план дома, где размещалась царская семья.

– Напасть на дом и освободить царя у нас есть сила, но сумеем ли сохранить ему жизнь? Большевики вооружаются и готовятся к длительным боям с белогвардейцами. Если спрятать семью в городе, ее большевики найдут быстро, а сумеем ли быстро уйти на соединение с восставшими чехословаками и белогвардейцами. Леса наводнены партизанами и разными бандами, беглыми людьми из тюрем.

– Может, свяжемся, господин майор, с полковником Заревым. Сергей Михайлович вами остался доволен, может он поможет спрятать наших заключенных.

– Его старший брат Валерий Михайлович долгое время искал вас, он догадывался о цели вашего приезда в Екатеринбург. Он старый монархист и преданный царю.

– У нас все готово, нужно только согласие его императорского величества. Объединяем свои тобольские отряды и готовимся к последнему броску. Наш девиз: «Свобода или смерть» – идти на верное дело во имя спасения царя батюшки!

Обсудив план, майор посмотрел на часы.

– Мне пора на свидание с сотником. А вы сходите к полковнику и его брату, договоритесь, когда мы можем встретиться.

Около Василия стояла студентка, которую он угощал пирогами. Он рисовал, и что-то веселое ей рассказывал. В парке прохожих не было, и майор прямо пошел к ним.

За последние дни знакомая Василия намного изменилась, она стала веселее, и на лице появился румянец.

– Вы все хорошеете, вам встреча с моим другом идет на пользу.

– Не говорите так, дядя Леня, он только так на виду у всех со мной веселый, улыбочивый и жизнерадостный. А как останется наедине, я и слова не могу выдать от него. Молчит, как воды в рот набрал. Другие при людях молчаливы и тихи, а этот наоборот. Я ему не как девица нужна, а как личный почтальон, для вас тоже.

– И сколько у вас секретов, мне хоть один подарите.

Девушка уходит, а сотник остается с майором.

– Царевна сказала, что царь не дает нам согласие. Его предупредили, что чехословаки двинутся через некоторое время на город, и он не хочет рисковать жизнью.

– А царевна вчера мне другое сказала. Что какой-то князь-монархист тоже ждет согласия на побег его высокопревосходительства. Оба ваши предложения он обдумывает.

Царевич сказал, что отец не доволен тем, что вы спешите с побегом. Это можно сделать накануне входа в город чехословаков.

Я ответил, что вы обеспокоены за их жизни. Вывезут вас большевики из города в другое место, и мы потеряем ваш след, и вы вечно останетесь в заключении.

«Пока, вы сотник, здесь, нам бояться нечего», – ответил царь.

– Я передам ваши слова отцу, но вы постарайтесь сами с ним поговорить.

– К сожалению, разговор у нас с его императорским величеством не состоялся. Я передал еще раз ему ваши просьбы, но он к этому отнесся хладнокровно. Дни заточения притупили его ум, он стал раздражительным и безразличным.

– Разрешите мне поговорить с императрицей Александрой Федоровной. Когда я служил в Царском селе, то многие говорили, что все государственные вопросы решает не царь, а сама императрица. Он дает положительный ответ только с ее согласия. Можно подговорить царевну и царевича, ради их спасения.

Майор купил газету и стал искать последние новости. В газете писалось о поимке банды, занимавшейся в городе разбоем, о закрытии ночного клуба, куда сходилась разная сволочь контрреволюционная, об открытии в городе новых кооперативов. О чехословацком восстании не было написано ни строчки. О восстании чехословаков пока говорили в узком кругу военные люди. Если заговорит газета, в скором времени они придут в город.

Солдаты сидят в городе тихо. Вооруженные отряды рабочих несут свою службу, как и раньше.

Нужно послать Корженева снова к начальнику депо. Поезда ходят регулярно, нужно узнать о чехословаках. Не нагрянут ли они, как снег на голову.

Написав несколько писем, положив их в условное место, Фуголь пошел в кабачок.

За столиком сидели рабочие депо, пили пиво.

Посидев полчаса и не услышав здесь желаемых новостей, он пошел домой.

Наступила тишина в городе, это сигнал к чему-то новому, но что должно здесь произойти? Может, он не заметил, как анархисты и меньшевики взяли у него инициативу и вместе с местными монархистами претворяют в жизнь свой план действия, а ему не верят. Сегодня встречаюсь с некоторыми монархистами, хотя это и не безопасно для жизни, решил он.

Вечер был теплый, и многие горожане вышли подышать свежим воздухом на улицу.

К майору подошли Соловьев и Корженев. Они прошли по улице, зашли в несколько закусовых, везде было тихо и спокойно.

– Что-то тишина вокруг, – сказал Соловьев.

– Такая тишина была в Тобольске перед приходом большевиков к власти. Люди слышат приближающуюся опасность и боятся о ней говорить.

– И сегодняшняя тишина, – это признак смены власти. Каждый готовится к своему часу. Один убежать, где-то скрыться, а другой – тихо притаиться дома.

– Господин майор, вы говорите о приближении чехословаков?

– Да! О них, думаю, они будут здесь через неделю. У нас нет времени больше ждать, нужно действовать.

– Как? – спросил Корженев. Ведь нет его согласия, а без его согласия мы обречены на провал. Не связывать же их и увозить их оттуда.

Полковнику Зареву доложили о готовящемся объединении всех монархистов, участвующих в освобождении императора.

Он держал письмо государя, принесенное монахами, поставившими царской семье продукты. Царь извещал Сергея Михайловича о приближении смены власти в городе. Его верные люди спешат на выручку ему.

Чувствуя опасность, большевики усилили охрану, стали тщательно проверять передачи с хлебом и продуктами, нет ли в них чего-то тайного для Николая II.

«В последние дни я полностью отрезан от внешнего мира, мои верные люди либо арестованы, либо сами ищут спасения от преследования новой власти. Я верю вам, что мои верные солдаты спешат на освобождение своего государя, и скоро придет час расплаты за те унижения и оскорбления, которые я здесь перенес. Готовьтесь и вооружайтесь, как можно скорее к свержению власти Советов. Мы перенесли много горя и страданий, но с приходом нашей победы все окупится сторицей. Мы готовы ждать освобождения неделю, две, лишь бы цель была достигнута.

В последнее время мне не дает покоя мысль о моем верном майоре, он настойчиво требует моего согласия на побег из тюрьмы. Как только я дам согласие, его верные люди в тот же час будут около меня. Вы его знаете, он шел с вами бок о бок с самого Тобольска. Разыщите его и согласуйте действия; кто из вас прав. Передам через верных друзей, чтоб он к вам пришел».

Сергей Михайлович, прочитав письмо императора, подошел к подсвечнику, долго смотрел на него. Может спрятать для потомков, а если будет обыск, и найдут, верная гибель, – ты заговорщик.

Зашла в кабинет жена.

– Сережа, тебя ждет какой-то майор.

– Проси, пусть войдет.

Вошел Фуголь, он ничем не отличался от того майора, которого встретил в тайге.

– Ты такой же беспокойный, как прежде. У нас нет времени на пустые разговоры.

Полковник положил письмо государя перед Леонидом.

– Читай и говори, что ты думаешь об этом. Кто из нас прав, а кто ошибается.

– Хотелось бы мне быть тебе другом, как и раньше. Верил там тебе в тайге, верю и сейчас.

– Почему ты, Леонид молчишь, я что-то не так сделал или наш государь требует от нас невозможного.

– Нас было слишком много, и многим наш государь доверял, а слепая доверчивость – плохой признак в нашем деле.

– Думаю, большевики нас перехитрили. Они дали нашему государю полную волю в переписке. То, что знаем мы, знают и они. Нужно ждать от них ответного удара, и он придет не позже завтрашнего дня.

– У вас все письма сохранились, которые писал вам император?

– Я их сжигал.

– Это тоже сожгите и постарайтесь в эти дни никуда не ходить, ни с кем не иметь переписки. Раз вы отказываетесь освободить государя из тюрьмы, не подставляйте голову шальным пулям. Спрячьте подальше свое именное оружие и все то, что может вызвать подозрение к вам у большевиков.

– У меня точные данные о готовности большевиков произвести обыск и арест людей, преданных нашему царю.

– Если мне суждено будет освободить царскую семью, я это сделаю не колеблясь, жаль, что он так вам обо мне написал.

– Не верьте в успех дела, даже хорошо подготовленное дело обречено на провал.

– Когда вы собираетесь исполнить свой долг?

– Письмо государя подсказывает мне, не позже сегодняшнего дня, если и я не ошибаюсь.

– Я с вами, господин майор. Можете рассчитывать на меня и моих людей.

– За вами и вашим домом следят. Когда я шел к вам, то по дороге встретил людей из отряда Украинского.

– Это неправда, я Украинского знаю, он всего на всего простой чекист.

– Он проще, чем мы, но он силен и опасен, у него в пять раз больше людей, чем у нас было в тайге.

Только вышел майор из дома, как во двор полковника вошли красноармейцы.

– Сходи, встреть их и задержи их во дворе на минут пять. Потом можно, пусть идут.

Он вынул из стола стопку писем, пистолет и шашку, завернув простыней, завернул бумагой, подошел к тайнику и все положил туда.

На улице солдаты показывали жене ордер на обыск.

Полковник вышел во двор. Жена, увидев мужа, пошла во двор. Он взял ордер, посмотрел его и вернул солдатам.

– Ваша воля солдатская, только много не рвите и не ломайте.

– А вы нам не указывайте, знаем, как вести обыск, не впервые. Будем уходить, может быть, и вас прихватим.

– Служили царю? А мы тех, кто верно ему служил, сегодня подбираем.

– Тогда разрешите мне переодеться и приготовиться следовать за вами.

– Не спешите, полковник, нам велено не всех забирать. Тюрьма и так полна господами офицерами. Мы берем с личным, у кого есть оружие, с ним мы его и берем.

– Показывайте, где оно, а то мы сами найдем. Нам говорили, что вы имеете почетное, именное государем дареное оружие.

– Имел когда-то, со дня большевистской революции оставил его на поле брани, домой вернулся ни с чем.

Обыскав все в доме и ничего, не найдя, красноармейцы уходили со двора.

Комиссар подошел к Зареву.

– Вы извините, полковник, если мы что-то не так сделали, выполняем приказ.

– Ответьте мне на несколько вопросов.

– А можно не отвечать?

– Можно! Но для вас лучше отвечать.

– Вы домой возвращались с двумя сотнями бойцов.

– Да!

– Вы уничтожили банду Мыськина.

– Не только уничтожил, а повесил за разбой и грабеж на дороге.

– Где сейчас ваши солдаты?

– Отпустил домой.

В моем отряде были только тобольские и екатеринбургские, те, кто после февральской и октябрьской революции уходили из Армии домой.

– Вы тоже дезертир царской Армии.

– Нет, я верой и правдой служил своему отечеству. Мои солдаты ушли служить революции, а мои офицеры пошли домой. По дороге я собрал всех идущих солдат домой, вот и сколотил больше, чем две сотни солдат.

– Член областной чрезвычайной комиссии Украинский, просит завтра вас прийти к нему в девять утра.

– На сколько брать паек.

– Успокойтесь полковник, я завтра сам заеду за вами и привезу обратно. Спите спокойно. У вас есть еще время подумать, как послужить вам такому опытному военному, революции.

– Что, тебя завтра заберут большевики, и ты больше не вернешься домой?

– Успокойся, дорогая, меня приглашают на мирную беседу.

– Твои товарищи говорят, что ты в Екатеринбург пришел с несколькими сотнями солдат.

Если прикажешь им, то они могут весь город уничтожить.

– Было у меня несколько сот солдат, но я их домой отпустил. И будь спокойна за меня.

У меня перед властью и людьми совесть чиста.

– А перед теми солдатами, которых ты домой отпустил, тоже чиста?

– Благодаря мне они вернулись домой. Мои солдаты слухов не пускают, кто-то из банды остался жив, вот он и болтает разное.

Жена подошла к окну и с еще не прошедшим испугом после ухода солдат показывает мужу в окно.

Из соседних домов красноармейцы вывозят арестованных и ведут их по улице. Среди пленных полковник увидел Николая Хомича. Как он попался! Такой умный, ловкий, сколько уничтожить бандитов и попасться!

Полковник, подбежал к комиссару.

– Товарищ комиссар, оставьте этого честного человека, если бы не он, мы не уничтожили банду Мыськина. Я лучше завтра с ним приеду к вам. Даю честное слово кадрового офицера, а свое слово я умею держать.

– Но он взят с оружием и угрожал.

– Покажите, пожалуйста, его оружие, комиссар.

– Что вы слушаете этого офицера, лучше давайте его сюда и мы его вместе со всеми в тюрьму.

– Кто из вас брал оружие у этого пленного, найдите и принесите.

Солдат уходит и приносит именно оружие.

– Вы знаете цену этого оружия, оно получено за геройский подвиг в войне против немцев в четырнадцатом году.

– Я полковник, участвовавший в боях с немцами спрашиваю вас, тех, кто был там в жарких схватках, кому давали такое оружие и за что?

Старый солдат подходит, трогает шашку, смотрит на пистолет.

– У меня тоже такое оружие есть! Тогда, комиссар, и меня берите вместе с Николаем Хомичем, мы вместе в четырнадцатом году в окопах кормили вшей, в один день получили это оружие. Я, как и полковник, ручаюсь за него, он не пойдет применять это оружие против солдат. Он бывший солдат, ставший офицером, да и живут они бедно. Никакой он не буржуй.

– Иди, Николай Хомич, домой и забери свое оружие, а завтра утром за обоими приеду. В это время прибежала жена Сергея Михайловича, вся заплаканная, запыхавшаяся и, услышав, что их отпускают, спросила:

– Вы не обманываете, комиссар, я могу с оружием идти домой?

– Идите!

Полковник берет за руку жену и вытирает ей слезы.

– Успокойся, моя дорогая, страшное уже позади.

– Николай Хомич, бери свое оружие и пойдёмте ко мне выпьем по рюмочке, давно я тебя не видал... Расскажешь, как живешь и чем занимаешься.

Подошла к Николаю жена, такая же заплаканная, как и жена полковника.

– Ну, милые мои, познакомьтесь и поставьте нам на стол с Николаем Хомичем самовар и что-нибудь крепенькое.

Полковник медленно идет домой, долго стоят на улице прохожие и не могут себе уяснить, почему комиссар не арестовал ярого монархиста.

– Это хищник, а не человек, – говорили стоявшие на улице. – Может, большевики тоже боятся хищников.

– Посмотрим, комиссар говорил, что приедет за ними завтра. А этому Николаю Хомичу вернули оружие.

– Как не вернуть, оно дарственное за защиту Отечества, кто бы у власти не был, а отчество, родина всегда одна. Он нас защищал, а значит, имеет право носить.

В этот день в Екатеринбурге были арестованы многие представители всех партии, стоявших на стороне белогвардейцев. Остались только те, кому верили большевики, кто не проявлял к новой власти вражды.

На другой день к дому полковника подъехали солдаты. Комиссар спрыгнул с подводы, а солдаты уехали дальше.

Полковник вышел в военной форме.

– А где ваши люди? – спросил он.

– Уехали, мы остались одни. Здесь идти нам недалеко. Вы не возражаете, если мы пойдем пешком?

– Согласен.

– Тогда разрешите я позову Николая Хомича и мы пойдем вместе.

Украинский встретил полковника Сергея Михайловича и Николая Хомича, как старых друзей.

– Вы оба военные и я буду говорить с вами, как с военными. У нас в городе сформировано две дивизии красноармейцев, нет опытных командиров, а вы как старые воины, закаленные в боях, нам нужны.

Можете сегодня не спешить с ответом. Идите домой посоветуйтесь с женами, а завтра, если согласны, принимайте дивизию.

Чехословаки намереваются захватить Екатеринбург, до их прихода нужно дивизии обучить, приобрести кое-какой военный опыт. Вы специалисты, вам и решать, как их готовить и чему готовить.

– Вы покажете нам нашу дивизию? Хотелось бы знать, что я буду иметь в бою против восставших чехословаков. С ними воевал на западе, повоюю и здесь. Они уже прошли опыт войны и к встрече с ними нужно готовиться основательно.

Бывший штатный полковник царской армии Дралёб встречал нового командира дивизии полковника Зарева. Он построил дивизию в том месте, где заровцы схоронили оружие до лучших времен.

Половина солдат была разута и раздета, большая часть дивизии не имела оружия.

– Оружие в городе есть, – сказал Украинский, – его прячут бывшие белогвардейцы. Мы попали на след, кто хоронил оружие и думаю, что они уже сегодня нам скажут, где оно лежит.

Зарев встал на тот бугорок, под которым лежало оружие. Им можно около тысяч красноармейцев вооружить. Он стоял одной ногой за монархию, которую все продали, все разворовывали и другой ногой в новой империи, проданной, разворованной без сапог, без оружия и хлеба.

Старая империя уже отмирала, а новая, еще не созревшая, только начинала подниматься на ноги и устоит ли она на своих обессиленных от голода и холода ногах.

Можно прижиться у новой власти до лучших времен, но Зарев любил военный порядок и дисциплину.

Зарев шагнул домой, он обдумывал свои действия. Сегодня майор должен договориться с его императорским величеством о времени его освобождения. Но еще майор сказал, что завтра будет поздно. Что это могло означать?

Ковалевский и Украинский, две загадочные фигуры, через их руки проходит сейчас масса людей города, одни будут защищать город, другие отсидаются в тюрьме. И снова мысль о майоре, как бы он поступил в данной ситуации, в какой оказался он.

Для майора он предатель монархии. Недавно он ждал чехословаков, чтоб они освободили царя, а сегодня он готовит дивизию, чтобы остановить армию чехословаков.

Зарев подумал о себе, он такой же, как и все, кто предал царя, всем им надоела монархия, она тормозила движение России вперед. Это истина или обман?

Если он откажется, отправят в тюрьму. Разве я шел домой, чтоб сидеть в тюрьме, сидеть, сложа руки, когда необученные солдаты воюют и умирают за лучшую жизнь с теми, кто отказался от мира и навязал народу гражданскую войну.

Майор вышел на свежий воздух из прокуренной избы лесничего. Лесничий сказал ему, что еще вчера полковник Зарев дал согласие работать в Советах, он принимает дивизию, которая должна противостоять чехословакам, которые с юга рвутся к городу.

Если это цель спасения монархии, которой он служил верой и правдой, то это оправдывает цель. А если это самосохранение или малодушие, трусость за свою жизнь и жизнь своей семьи?

Леонид вспомнил свою жену Ольгу, красавицу с голубыми глазами и черными вьющимися волосами. Она осталась с отцом и матерью. А какие дети! Он уходил на войну, старшенькой было четыре года. Наташа была похожа на бабу, после нее сыновья – Михаил и Яков и младшенькая Надя, вся в мать. Прабабушка говорила, что его дочь Надя, что жена, так похожи друг на друга. А откуда он знал, какая была маленькая Оля?

Он ее узнал, когда засватали, тогда показали ему его жену. Они сидели за столом с дядьками, братьями матери и показывали свой товар.

«Посмотри кум, – говорил дядька Стефан, – какого я тебе парня привел, не парень, а чудо. Обучен грамоте, лучший казак, ты его видел на сорочинской ярмарке, его гнедая заняла первое место.

Не парень, а сокол, любо посмотреть. Не избалован, не гулящий, не курит и не пьет».

Вышла Оля, неписанная красавица, стройная и высокая.

«Смотри кум, моя дочь под стать твоему казаку, не уступает ни в красоте, ни в трудолюбии. Даю два сундука приданного и половину земли, даренную мне за хорошую государеву службу. Наши земли делила межа, а теперь ее можно распахать и засеять. Давай, кум выпьем, пусть наша земля полтавская родит. Им молодым ее пахать и засеивать. Пусть молодые плодятся и веселятся».

Мать Оли посадила их рядышком, около себя его, а Олю с отцом, а оба дядьки с другой стороны стола.

Пришли дядька Стефан с женой и сосед со своей. На следующей неделе сыграли свадьбу. В субботу свадьба была в доме невесты, а в воскресенье – жениха. С понедельника целый поезд гостей поехал от жениха в гости к невесте, а те свой поезд отправили. И только во вторник утихла в обоих домах музыка и песни. Со среды невестка пошла доить коров, готовить завтраки. Свекровь исподтишка наблюдала, как сноха готовила первый завтрак.

Приготовив еду, Оля подошла к свекрови:

– Мама, подымайте всех, пора завтракать.

Свекровь, не ожидавшая такого подвоха со стороны снохи, встала на ноги и спрашивает: «Что ты сказала?»

– Пора, мама, завтракать.

– Дядя Леня, о чем вы думаете? – уже несколько минут стою, наблюдаю за вами и зову, а вы – ноль внимания. Что случилось, о чем задумались?

– Вспомнил дом, Вася, семью, свой хутор. Сумеет ли мы довести начатое дело до конца или нет. Что ни день, то все горше, все труднее приходится работать. И лучшие люди бросаются в крайность, лишь бы спастись.

– Вы, дядя, говорите о полковнике Зареве, о его переходе к большевикам?

– Да, о нем. Это непростительно с его стороны. Он же старый кадровый офицер.

– Украинский говорил вчера Ковалевскому, если полковник перейдет на сторону большевиков, то все монархисты исчезнут из города.

Ковалевский ответил:

– Настолько они его любили и уважали, настолько сегодня ненавидят.

– А может это игра, Вася, и он по-прежнему наш. Ведь он стоял вчера с Украинским на проверке перед солдатами на том месте, где спрятал оружие. Ему стоило только сказать – копайте подо мной и вы будете вооружены.

– А он промолчал?

– Да! Промолчал, хотя под землей лежит целый клад.

– Узнают его молодчики о его предательстве, подскажут, где оружие.

– Кто хоронил оружие, ушли дальше и откуда они, только Зарев знает.

– Коль он молчит, будут молчать и заревцы, они ему верят. Верят потому что он в час смертельной опасности всегда был впереди, он для них – спаситель. Спаситель в том смысле, что не будь его, они бы до дому не дошли, остались бы в лесах. А что такое беглый солдат? Это волк, который все уничтожает, лишь бы насытить брюхо.

– Хватит, Вася, о Зареве, кто он мы знаем, а кто мы, это ему нужно сегодня знать позарез. Я для него, как приведение, появился и исчез, а о твоём существовании он даже не подозревает.

– Будем свой план готовить без анархистов, белоказаков, чехословаков и тем более монархистов, которые уже несколько раз продавали монарха.

– Вы надеетесь на чудо, дядя Леня?

– В душе нет, но мысли мои только этим заняты, только его спасением, даже во сне об этом думаю. А сегодня, что-то надломилось, пошатнулась вера, впервые задумался не о государственном спасении, а о своей семье. Сегодня предупредишь государя о нашем плане и расскажешь о Зареве. Пусть хорошо все обдумает, своим отказом и молчанием он роет себе могилу.

– Когда я узнал, что Сергей Михайлович принял с Украинским дивизию, и увидел его перед красноармейцами, подумал: «Пришел последний час его императорского величества, он останется здесь покоиться в сырой земле, а мне придется скорее возвратиться в свою родную сторону».

– Вы что дядя, загрузили, сходите, в баню, выпейте сто граммов и восстановятся ваши силы.

– Моя душа чувствует обратное, я буду в бегах, а ты пойдешь с красноармейцами воевать.

– Вы правы, дядя Леня, наша цель не имеет надежды, все рухнуло.

– О чем ты говоришь, Вася?

– О царской семье, ее нет в доме, вчера вечером их перевезли в более надежное место. Даже нам, кто ухаживал за царской семьей, не велено было быть при ее отправке. Только комиссар знает, где царь с семьей. Сегодня во всем доме произвели уборку, вывезли домашние вещи, посуду, жесткий и мягкий инвентарь. Нас с охраной заставили во всем доме побелить стены, помыть полы. У нас с царевной была маленькая тайна, что ей было нужно, она писала мне и письма ложила под кирпич в поддувале. Когда я мыл полы около печки, то под кирпичом нашел записку.

«Дорогой и любимый сотник! Сегодня я прощаюсь с тобой навсегда. Нас увозят в большой спешке. Не разрешают ничего брать с собой. Комиссар сказал, что на том свете, это нам не пригодится.

Отец очень жалеет, что не послушал майора. Да сохранит господь Бог ему жизнь за его преданность. Сегодня от нас отвернулись, и нас покинули все. Майор остается самым любимым и дорогим человеком для нас. До самых последних дней он служил нам верой и правдой.

Прими от меня этот крестик и два колечка с рубинами. Папа с мамой дарят вам свои, а братец-царевич дарит отдельно завернутый подарок, говорит: секрет. Папино кольцо отдай майору, если нас не будет в живых, пусть он императрице Марии Федоровне расскажет о наших последних днях. А если будет в Англии или Германии, пусть сходит к маминим родственникам. Кольцо – это пропуск к ее родне, он все это знает.

За нами уже идут, прощай. Не горюй, что расстались не прощаясь. Если я умру, не горюй, а спой мои любимые песни.

Прощай, сотник. Поцелуй за меня свою жену и детей.

Твоя любимая Мария».

– Вот, все, что лежало в тайнике, возьмите его себе, дядя Леня, а я с екатеринбургской дивизией иду навстречу с чехословаками, буду жив, приду к вам.

– Подарки будут лежать в тайнике, кроме царского кольца, оно дарено мне и я его возьму, а остальное твое.

– Вы домой или в Петербург?

– Сначала в Петербург, потом домой, куда легче путь.

– Если вы домой, то возьмите с собой и другие подарки и деньги царевны, что есть в тайнике. Там лежат для вас документы и письмо от Великого князя Николая Николаевича. Пока вы соберетесь с отъездом, я узнаю все о судьбе императорской семьи.

Шло совещание уральского облисполкома, когда в президиум поднялся комиссар екатеринбургской дивизии Ковалевский. Председатель совещания Голощекин делал доклад «О ходе подготовки города Екатеринбурга к защите от вторжения неприятельских войск чехословаков».

– Нами сформированы две дивизии и один полк кавалеристов. Укомплектованы обе дивизии на пятьдесят процентов боеприпасами и обмундированием. В обе дивизии призваны новобранцы, не проходившие раньше военной службы, и только кавалерийский полк укомплектован полностью, сформирован из отслуживших и воевавших солдат.

По приглашению комиссара по чрезвычайным делам были приглашены в Красную Армию старые кадровые офицеры.

Дивизией, стоявшей южнее города Екатеринбурга, которая должна завтра встретить врага, командует полковник Зарев Сергей Михайлович.

– Вы не боитесь, товарищ комиссар, что Зарев, как офицер старой царской армии, ярый монархист, хоть и не доказано, но является участником в восстановлении в России монарха на престол, может вас подвести.

– Мы за основу взяли его действия, а не склонность, из Тобольска он шел домой в Екатеринбург, собрал по дороге около двести пятьдесят беглых из царской армии солдат. Уничтожил шесть банд, занимавшихся грабежом и разбоем крестьян.

Банда Мыськина многим нам знакома по его набегам, когда-то ушла от нас, и мы о ней ничего не знали. Недавно к нам в тюрьму попали ее бандиты и от них мы узнали, что банда разбита отрядом Зарева, а сам главарь банды был отдан на суд крестьянам самим полковником, которые его повесили.

– А что вы скажете о майоре, присоединившемся к отряду полковника. Где он сейчас со своим отрядом и что делают его люди в городе?

– Мы проверяли на улице каждого приезжего после прибытия в город Зарева. Людей майора нет.

– Вы можете мне задать вопрос: кто он и откуда прибыл?

– Знаем, что он монархист, но кто и откуда, не знаем.

Ярые монархисты находятся сегодня под арестом и на вопрос, кто такой майор, отвечают – монархист.

– Как вы совмещаете две должности: комиссар дивизии Зарева и комиссара охраны семьи Романовых?

– В связи с уходом на фронт, я сдал свои полномочия по охране семьи Романовых.

– Товарищ комиссар, не будет так, что вы уйдете на фронт, а тот малочисленный отряд майора пойдет на штурм дома, где находится Николай II со своей семьей?

– Я предлагаю вам, товарищ Ковалевский, вместе с новым комиссаром, возглавляющим охрану, вывезти из дома семью Романовых в тюрьму, а его верных слуг заставить работать на новую власть или тоже препроводить в тюрьму.

О том, что Романовы в тюрьме, никто не должен знать, даже тюремное начальство. У вас есть опыт по этому делу, передайте новому комиссару.

– Мне думается, что меня члены облисполкома поддержат в этом вопросе, и я вам предлагаю сделать это сегодня вечером.

– У меня есть еще один важный вопрос ко всем членам облисполкома. Я председатель суда, избран судейской коллегией Екатеринбурга над гражданами Романовыми. В связи со сложившимся тяжелым положением на фронте, ускорить судебное дело. В связи с началом суда, предлагаю семью Романовых лишить всех привилегий и держать с сегодняшнего дня на равных правах, как всех заключенных.

– Отправить, как предлагали здесь раньше, на самый строгий тюремный надзор и только после этого, вы, товарищ Ковалевский, можете уезжать на фронт. И ждем вас с победой.

Ковалевскому было жаль Василия, который не мог проститься с семьей императора, а в особенности с царевной. Он думал, что как художник, Василий в своих рисунках мог бы передать последние дни семьи Романовых.

Новый комиссар перевез с Ковалевским Романовых в тюрьму. Граждан Романовых Николая и Алексея посадили в одну камеру с врачом Боткиным, а гражданку Романову с ее дочерьми в другую.

Деньги и драгоценности работниками банка были под надзором отправлены в банк, а личные вещи розданы работникам охраны, а более ценные – проданы на аукционе.

Личного врача царевича Ковалевский взял к себе в дивизию, старую повариху отпустили домой, так как вокруг Екатеринбурга шли бои, Украинский предложил ей поработать поваром в столовой облисполкома.

Новый комиссар Петр Анисимов, тезка Ковалевского, спросил его:

– А куда я дену вашего матроса?

– Какого матроса?

– Василия, который ежедневно драил полы в доме граждан Романовых.

– Он не моряк, – ответил, улыбаясь, Ковалевский, а художник и поставлен на эту работу, чтоб поближе видеть царскую семью. Он должен в своих картинах изобразить последние дни семьи Романовых.

– Я вас понял, товарищ член уральского облисполкома.

С завтрашнего дня ваш Василий, красноармеец екатеринбургской дивизии, снова будет мыть полы в камере граждан Романовых, и носить им еду. Кроме него никто не будет знать, кто находится в этих отдаленных и глубоко под землей находящихся камерах. Даже часовым запрещу ходить. Никто из охранников не подойдет близко к двери их камеры, и за полмили будут обходить вашего художника. Даже, если сидящие будут кричать и стучать в дверь, то их никто не услышит. Двери двойные со стопроцентной изоляцией.

Они сидят в камере смертников, оттуда выход только один... На небо к всевышнему.

– А вот художник знаком с законами тюрьмы, и сумеет сохранить тайну.

– Да! Словесно сохранит, передаст последние их дни в своих картинах, но для этого нужен кропотливый труд.

– Уверю вас, он будет иметь возможность все знать, чтоб увиденное передать потомкам.

Часовые открыли большие ворота и впустили Василия вниз. Он дошел до вторых ворот и навстречу ему вышел Ковалевский с начальником тюрьмы.

– Здравствуй и прощай, Василий, вот новый командир вместо меня, он тебе все расскажет, а я уйду на фронт. Как только ты здесь станешь не нужен, он отправит тебя ко мне с последними кавалеристами.

Они стояли около окна, грязного и запыленного, через которое еле проникал солнечный свет.

Василию подали еду для заключенных. Он взял поданное и пошел вглубь тюремного подземелья. Два охранника открыли перед ним двери и снова закрыли. Василий оказался в темноте, чуть вдали на стене горели три огонька.

Отодвинув защелку, он открыл маленькое окошечко и подал для двоих еду, тоже сделал он и около второго окошечка. Вернувшись к часовым, он получил небольшую кастрюлю с едой, половник и кувшин с водой. Это в третье окошко.

Набрав в кухне теплой воды, Василий начал мыть окна и полы. Дали сигнал обедать. Получив то, что и утром, снова пошел в темные камеры.

Покормив заключенных, Василий взял самую большую лампу и фонарь «летучая мышь», зашел в темный коридор.

Сначала он помыл двери, собрал мусор и паутины, начал мыть полы. За стенкой были слышны голоса часовых: «Сколько здесь работаю, в эти камеры никого не сажали на длительное время. Заключенные окрестили их «Входом в рай». На второй день увозили мимо угольной ямы на расстрел, во двор тюрьмы с другой стороны.

Помыв полы, Василий пошел во второй конец коридора, освещая дорогу фонарем. Он уперся в решетчатые металлические двери. Откуда-то проникал свет и он увидел внизу широкую яму, заполненную углем. Справа увидел узенький проход, прошел дальше и наткнулся на сложенные дрова.

Услышав голоса, доносившиеся со стороны падающего света на уголь и дрова, он остановился. Здесь для тюремной столовой хранились уголь и дрова. Две женщины, набрав уголь и дрова, ушли, а часовой закрыл за ними дверь. Было слышно, как ходит часовой по каменному полу.

Несколько раз Василий сменял воду, пока не вымыл пол.

– Для кого стараешься, приятель, их не сегодня-завтра отправят в рай и снова надолго закроют ворота. Не для кого здесь наводить порядок, присядь около нас, и давай перекурим. Близко не ходи около заключенных, они заразные, дольше проживешь. Заключенный или вольнонаемный в тюрьме?

– Вольнонаемный.

– Оно и видно, что не из здешних старых рабочих, как стараешься много всего сделать и делаешь с охотой. Голод пригнал работать здесь в тюрьме или нужда?

– То и другое.

– Вот тебе полтинник, сходи в столовую и попроси для нас что-нибудь выпить и закусить.

Сотник молча стоит перед охранником с опущенными руками около ведра с горячей водой.

– Иди, не бойся, скажи, что из «рая», они мигом тебе все дадут.

Оставив ведро, он пошел на кухню, повар, открыв двери, спросил: – «Что тебе?».

– Я из «рая», и подал деньги.

Подали Василию бутылку и на металлической тарелке закуску.

– Через полчаса принесешь посуду обратно или, когда придешь за горячей водой.

– Садись, выпей с нами, потом будешь мыть с улицы окна. И зачем тебе понадобилось их мыть. Пойдут дожди, смоят с них грязь. Всю жизнь простоял здесь и ни разу их никто не мыл. Коль моют, будет перемена.

Слышал от своего отца, помыли нижние этажи и из столицы привезли в эти смертные камеры вельмож, красиво одетых и со слугами. Слуг домой отпустили, а их отправили в рай.

Тебя прислали сюда, потому что ты умеешь молчать. Да! В нашей работе только молчание и спасает жизнь. Скажи что-нибудь не так здесь или на улице и будешь сидеть тут же, рядом с этими, – и охранник показал на камеры, где сидели заключенные.

– Вы допивайте, а я сделаю то, что мне велено, потом принесу вам еще, – это будет от меня.

– Иди сюда, здесь есть прямой выход. Мой скорее, и приходи. Нет, обожди, я дам тебе двух баб заключенных, они с радостью помогут полы. Их уже неделю не выпускают на прогулку.

Приводят к нему двух молодых девушек, они берут ведро и начинают мыть вдвоем одно окно.

– Иди, сходи снова, они не убегут, через этот забор не каждая птица перелетит, не то, чтобы баба сбежала.

Сотник забирает посуду и уходит в столовую.

– Посиди там, полчаса в столовой, пока мы с девочками повеселимся, – кричат ему вдогонку.

Отдав посуду, начинает подметать пол в коридоре около столовой.

– Тебе, парень, нечего делать, что пылишь здесь.

– Там вместо меня моют две девки, велено побыть здесь полчаса. Около вас, а потом я должен им еще принести, – и подает деньги.

– Спрячь, деньги и они завтра тебе нужны будут. Вот ведро и тряпка, бери и мой пол, а мы пойдем к твоим.

Они берут закуску, прячут бутылку за пазуху и идут вместо Василия.

Из столовой по одной выглядывают девушки и смотрят, как он моет полы. Слышен смех в столовой.

Помыв, пол, он сполоснул тряпку, вымыл ведро и сел около окна.

Со столовой вышла девушка и позвала его.

– Заходи к нам, не бойся, будь веселее. Новенький, видать не наш.

– Чей ты будешь и откуда родом?

– Служивый, жил на Пасхальной улице, первый день здесь.

– Там таких нет, я живу на Пасхальной, – проговорила одна из девушек.

– Ведь он солдат, поэтому и не жил там, а только недавно поселился. Что, не понимаешь, вот пристала к парню.

– Накормите, девочки его, – сказала пожилая женщина. – А ты чего отказался от молодых тюремных? Смотри, как наши быстро туда побежали, как кот на мясо бросились.

– Я новенький и мне не велено бегать по другим камерам.

– Они их оформляют не в камере, а там, где вы вместе выпивали, – проговорила высокая русая девушка, потом засмеялась и договорила, – Если голоден до баб, доешь и беги к ним, они на это голодные. Охранники их откармливают с нашего стола, а потом используют в своих надобностях.

– Молчи, дура, – сказала старшая, – если услышат сверху, то за это нас всех отсюда выгонят.

– Не выгонят, этим здесь занимаются все мужики. Они падкие на баб, успевай только перед ними штаны снимать.

Василий поел, говорившая около него девка взяла ведро и хотела идти по воду. Забрав у нее ведро, он стал носить от тюремного колодца воду. Наносив воды, снова сел.

– И долго ты так будешь сидеть молча, расскажи нам что-нибудь, чтоб не скучно было. Не стесняйся, если знаешь анекдоты, давай нам пару горячих.

Девушки смеются и хохочут от веселых рассказов. Увидев, что вода окончилась, снова пошел по воду.

Вернувшись с ведрами, он услышал, как запела повариха, а девушки ее подхватили.

Девушки забрали ведра и попросили спеть с ними песню.

– Пой, парень, если на своей работе не хочешь плакать. В тюрьме работать, – не мед кушать, здесь от увиденного можно и рехнуться.

Работали девушки быстро, а бодрое настроение поднимали звонкой песней. Василий запел вместе с ними. Закончив петь, девушки стали убирать со стола. На плите все кипело.

– Девочки, все готово, разносите и по домам.

Василий вернулся в подвал, когда охранники уводили девочек. Окна были чисто вымыты, пол во дворе подметен.

При выходе из столовой, он взял со стола несколько кусочков вареного сахара. Увидев, что девочек уводят, дал каждой по кусочку сахара к чаю.

– Это ты новенький, какой хорошенький и воспитанный, – сказала шедшая впереди.

– Огрубеет и станет таким как все, – проговорила вслед вторая.

– Спасибо за светлые окна и чистый пол, они светят по-другому.

– Это тебе светят, потому что ты на свободе, а новеньким все кажется лучезарным и блестящим. Поработаешь здесь, и золото потускнеет в твоих глазах.

– Не болтай, Вася, с ними по пустякам, им пора в камеру. Подоспел ужин твоим «заразным». Неси.

Взяв в руки поднос, Василий снова спустился вниз, освещая дорогу фонарем. Подвал был уже освещен и около двери на уровне окошка висел фонарь.

За Василием наблюдали оба солдата. Подав пищу в окошечко, пожелав приятного аппетита, вернулся к солдатам.

– Через полчаса у твоих из первой и второй камеры – прогулка. Комиссар велел тебе оставаться с ними, а нам покрепче закрыть двери.

– А из третьей камеры тоже выпустить?

Охранник, стоявший у двери угольного склада, махнул Василию, чтобы подошел.

– Они уже отходили, – и показал в окно. Во дворе лежали убитые. – Это из третьей камеры. То монархисты, их прикончили, когда ты был в столовой. Скоро увезут.

Сотника при виде трупов затошнило, он ослаб, на теле выступил пот, ему стало жарко.

– Первый раз видишь мертвых?

– Нет, не впервые! На войне сам убивал.

– Я тоже смалодушничал, когда впервые увидел здесь такое, теперь привык. Уходи к своим, я закрываю двери. Выполняй свою работу. На, возьми четвертушку, если не пройдет, попробуй выпить. Но не балуйся с этим, можешь свихнуться. А кому такой ты нужен.

Василий открывает двери и входит к их императорскому величеству. Берет на руки царевича и выносит в коридор. За ним выходит сам государь.

Потом открывает другую дверь, царевны Оля с Марией выводят еле движущуюся царицу.

– Мама, возьми себя в руки, пошли к отцу и Алексею.

Они подходят к царевичу и останавливаются.

Василий берет ведро и идет мыть полы в камеру. Вымыв в обеих камерах, он подошел к Романовым.

– Ваше величество, вы пройдитесь, это освежит мысли и даст маленькое настроение.

– Это конец, сотник, мы видимся в последний раз. Когда нас привели сюда, то надзиратель сказал: «Вам повезло, гражданин осужденный, вы попали в самый рай. Лучше с больным сыном в рай, чем сидеть и видеть, как он мучается».

Василий вынул из кармана коньяк: Возьмите, пожалуйста, это женщинам, а нам бы с вами что-нибудь покрепче.

Вынул из второго кармана бутылку «белой», Это подойдет!»

– Как раз в самую точку попал, сотник, у меня в камере и закуска есть. Но не погоришь ли ты, сотник, если увидят нас...

– Не увидят, мне велено с моей стороны закрывать двери, чтоб вас стражники не узнали.

– Не узнают, сотник, в этом костюме я похож на огородное чучело, а когда будут зарывать, то и говорить никому об этом не будут. Похоронят, как собаку, как нищего бросят в яму, и к яме никто не подойдет. Ты последний, кто нас видит из знакомых, а придет смертный час, и ты нас не увидишь.

– Пей, сотник, не каждому смертному удастся в таком месте распить бутылку с царем, – он засмеялся долгим смехом, так смеются только сумасшедшие.

На смех подошла Александра Федоровна.

– Успокойся, дорогой, выпей еще и тебе станет легче. Может, на том свете встретимся, только доешь свой ужин до конца.

Царевич сидел на маленьком стульчике, принесенном сотником, а царевна Марья тихо около него плакала. Ее мягкие шелковистые волосы свесились вниз и лежали на полу. Царевич взял пучок волос в руку и стал их собирать. Их было много, и они не помещались в его руке, снова падали на землю.

Постучали в двери, окончилась прогулка, пора сотнику выходить.

Сотник относит царевича и закрывает двери. Царевна Мария стоит около него и тихо плачет. Александра Федоровна стоит около своей камеры, ждет ее.

Он обнимает Марию за талию, потом нежно гладит ее волосы, целует в один, потом во второй глаз.

Снова застучали.

– Нам пора, царевна, иди к матери.

Александра Федоровна уходит и прикрывает за собой двери.

– Дай, мой дорогой, хоть выплакаться около тебя. Обещай, что каждую весну и в день моей смерти будешь приносить мне на могилу цветы, а в церкви поставишь свечку. Молчишь!!! Скажи, хоть, что-нибудь на прощание...

Сотник берет за руку царевну и вводит в камеру, становится на колени перед царицей.

Александра Федоровна перекрестила стоявшего перед ней на коленях Василия.

– Да сохранил тебя бог! – сказал она. – Иди, там уже снова стучат.

Сотник забирает свои вещи и идет к двери. Отодвинув засов, он поднялся вверх в освещенный солнцем коридор.

Стражники подошли к нему.

– Ты лишнее время пробыл на прогулке.

– Я мыл полы и наводил порядок в камерах.

– Еще тотдохлый не скончался?

– Вынес из камеры, пока мыл полы. Сейчас там чисто и опрятно.

– Видать твои заразные – почетные тюремщики, и ты тоже видать не новичок у них.

Наверно, из тех, кто таких, как они до могилы провожали.

– Прикажут, проведу!

– Не злись парень, ты новенький, не обращай на нас внимания. Мы здесь потеряли все то, что не чуждо человеку. Но, бывает, и веселимся.

Выходят повара – мужчины и женщины, проходят мимо стоящих мужчин.

– Пошли, новичок, домой. Или прописан к своим: до последнего их часа будешь и ночевать здесь.

– Иду, иду...

За воротами тюрьмы девочки берут Василия под руки и начинают петь песню. Сначала он молчит, потом обнимает их и тоже начинает петь.

Слезы медленно скатываются на грудь. Девочки вытирают их, смеются, ускоряют шаг, отходят от всех и останавливаются во дворе дома.

– Вот здесь мы живем, Вася, говорит одна из них. – Можешь выплакаться у меня вон на скамейке под кустом сирени, около клумбы, а мы с подругой чай поставим.

Сейчас дети придут домой, мы посидим, а ты душу около нас отведешь. Плакала и я, когда первый день пришла туда работать. А сейчас все замерло, кровь остыла. Наша повариха говорит: – на нашей работе нужно быть ко всему безразличным.

– Пошли пить чай, на улице стало темнеть, во многих домах зажгли свет. Тебе, Вася, далеко домой?

– Нет. Я живу рядом, на соседней улице, напротив твоего дома.

– Сиди тогда, мы все вместе проведем тебя домой.

Пришли соседи, зажгли лампу в беседке и стали играть в дурака.

– Спасибо, Рая, мне пора, провожать меня не надо, дойду сам.

Комиссар с начальником тюрьмы явились на работу на два часа раньше обычного.

Бои приближались к городу, и комиссар получил приказ усилить охрану царской семьи. Начальник тюрьмы имел распоряжение областного совета о полном выполнении им приказов комиссара и начальника охраны бывшего дома, где сидели неизвестные ему заключенные.

Начальнику тюрьмы Фик Ивану Ивановичу доложил начальник охраны тюрьмы, что вся охрана, которая привезла больных заключенных, находится на территории их тюрьмы, но не охраняет своих заключенных, охраняют свои. В камеру к заключенным имеет доступ только один человек, приведенный и рекомендованный Ковалевским и Уральским. Он имеет право на вольный вход и выход из тюрьмы и живет рядом. Весел, обаятелен, исправно справляется со своей работой.

Начальник тюрьмы написал приказ об усилении охраны тюрьмы и около дверей «заразных» было поставлено по три охранника. Во внутреннем коридоре, как и прежде, мог находиться только Василий. Комиссар даже запретил зажигать свет охранникам. Это возложили на сотника.

В углу коридора была маленькая комната, куда принесли кровать с матрасом, стол и стул. Начальник охраны закрыл комнату, и ключ отдал Василию. Ковалевский просил, чтоб вы

больше бывали здесь. К заключенным имеете право заходить, когда угодно и на неопределенное время. Свечи и лампа, если вам будут нужны, в сундуке. Краску и бумагу принесут в обед.

Сотник понял, что Ковалевского интересуют последние дни императора в тюрьме.

Делая наброски в камере, Василий старался закончить их в своей комнате. Она имела две двери. Одна была входом из коридора, а вторая, потайная в нижнюю часть подвала, где сидели заключенные. Таким образом, он мог бывать среди царской семьи незамеченным охранниками, но не мог выйти незамеченным из тюрьмы.

Ковалевский все продумал, он творил историю и для истории хотел запечатлеть происходящее.

На рисунках сотника император выглядел простым крестьянином, а его семья, – как деревенские семьи.

Если никогда раньше не видел императора, то на его рисунках царя и не узнаешь. Обычная семья вокруг больного сына.

Сотник назвал картины: «Домашние заботы», «Родительское горе», «Страдания семьи».

Купец Куанов, имеющий больную дочь, увидев в доме сотника картину, попросил ее продать.

– Сколько дадите?

– Ты худой и костлявый, возьми у меня любую корову и пусть твоя хозяйка откормит тебя.

Хозяйка, услышав такую большую цену за картину, от удивления широко раскрыла глаза и с волнением смотрела то на купца, то на своего жильца.

– Вам нужна корова хозяйюшка?

– Да! Но у меня нет денег!

– Зато у меня есть картина, за которую ее дают.

Купец забрал картину, а хозяйские дети вечером привели корову домой.

Час спустя, люди купца привезли старухе воз сена.

– Это подарок от хозяина, сама не сможешь накосить, чтоб было чем корову зимой кормить, а не хватит, докупишь.

Вторую картину вынес на базар и обменял на муку и зерно.

– У меня нет денег заплатить тебе за все твоё добро.

– Через неделю здесь будут белые, – сказал Василий, – спрячь все, чтоб не голодали дети.

Голощекин сидел в кабинете и нервничал, у него после долгих проведенных в бессоннице суток начали трястись руки.

– Как только получу ответ из Петербурга о дальнейшей судьбе царской семьи, пойду домой и выплещу.

В последние дни связь работала хорошо, и он успевал информировать о делах уральского облисполкома в центр и получать ответную информацию.

Вошла связистка, положила на стол лист бумаги. – Вот последнее, что я получила.

Голощекин развернул лист бумаги и прочитал:

«Чехословаки обошли с юга, и пошли в наступление. Связь прервана».

Нужно идти домой, эвакуировать семью из города и готовиться к обороне города.

В доме складывали вещи, выносили из квартиры и грузили на машину.

– Что с нами будет? – спросила жена.

– Поедешь с детьми к деду, сейчас сухо и через болото есть дорога. Как только пойдут дожди, до деда не добраться и пешком. Шофер, твой брат, дорогу знает, утром будешь на месте, а брат пусть сразу возвращается назад.

Как только машина выехала за двор, Голощекин пошел в баню, вымылся, переоделся и сразу лег.

Утром проснулся от яркого блеска солнца, вышел на улицу, было сильно мокро, везде стояли лужи.

– Когда начался дождь?

– Утром, после колокольного звона.

На столе был готовый завтрак. Быстро побрился, умылся и сел завтракать.

– Теперь связи не будет долго. Земля раскисла, распухла, водой залило лесные дороги. В хорошую погоду в лесу не каждый найдет дорогу, а в это время, после дождя, среди болота, недавно, – думал он.

Непроходимая болотистая грязь задержит наступление чехословаков, а мы сумеем подготовиться к их приходу.

До начала дождя жена должна добраться до деда, жаль, что брат не вернется с машиной вовремя назад. А может это и к лучшему.

Дед-лесник живет в глубине леса, среди болот. Он всю жизнь прожил, как отшельник, все один, приглашал много раз переехать, отказались.

– Пока бабка жива и сам подвижен, останусь на месте. Зачем вам лишняя забота, еще надоедим. Век длинный и в жизни все может случиться.

И вот, случилось. Приходится бежать, прятаться семье. А самому скоро на фронт.

Совещание назначили на обед, время еще есть. Нужно побывать до совещания в кавалерийском полку.

Если белогвардейцы двинутся к городу с чехословаками, конница будет прикрывать отступление.

Враг приближался к городу, все новые и новые красноармейцы отправлялись на оборону города. Мирные жители рыли траншеи и ставили заградительные сооружения.

На совещание прибыли Ковалевский и Украинский, они долго беседовали с Голощекиным и под вечер вышли во двор облисполкома.

Подошел красноармеец, доложил, что прибыл от полковника Зарева посыльный.

– Пригласите, сказал Украинский.

Во двор вошел Николай Хомич, подошел к Украинскому и вручил пакет.

– Завтра к вечеру к городу подойдут белогвардейцы, – сказал Голощекину Украинский.

Члены облисполкома последние дни ночевали в своих кабинетах, не покидая рабочих мест.

– Срочно соберите всех членов облисполкома, через полчаса совещание.

Голощекин был сильно взволнован, он поднялся со стула и вполголоса сказал:

– У нас нет времени провести суд над семьей бывшего императора и самодержавца все-российского, царя польского и Великого князя финляндского. Поэтому предлагаю на голосование два предложения:

Первое. Расстрелять – за сотни убитых и расстрелянных рабочих на баррикадах, за миллионы убитых солдат и мирных жителей многострадальной России под его императорским руководством Николая II и его семью.

Данное постановление привести в исполнение в полночь с 17 на 18 июля.

Второе. Перенести вынесение данного приговора до постановления суда.

Голосовать за постановления будем открытым или закрытым голосованием?

Прошу: Кто за открытое голосование?

– Все!!! Против нет.

Кто за первое постановление.

В зале наступила тишина, все взоры были устремлены на членов президиума.

Сначала подняли руки члены президиума, потом в зале.

– Воздержавшиеся есть?

– Нет!

– Против?

– Нет!

Все вышли в коридор, потом пошли ужинать в столовую. Дом Советов все покидали молча. У каждого сидящего в зале был десятилетний стаж каторги, политического ссыльного, борющегося и жаждущего полного свержения и уничтожения монархии. Со смертью монарха, после его отречения, исчезнет монархическое движение. С этой минуты у руля страны станут советы.

После ужина Ковалевский и Украинский зашли к Голощекину.

– Возьмите постановление и езжайте в городскую тюрьму, до полуночи у вас осталось мало времени.

На южной окраине города, на не большой возвышенности сидели кавалеристы. К ним подъехал Никанор Никанорович.

– На этом бугре копайте яму.

Солдаты воткнули свои лопаты в начерченный квадрат.

Справа от бугра шла дорога, а слева неглубокая яма. Возможно, лет двадцать назад ее кто-то выкопал для ловли медведя, когда был здесь густой лес.

Бугор раскопали, а землей засыпали рядом расположенную яму. Яма получилась квадратной два на два метра и столько же глубины.

Никанор Никанорович посмотрел на яму, потом на кавалеристов.

– Хорошо поработали, ребята, можете ехать на отдых.

Конники уехали. Остался один на один с большой могилой Никанор Никанорович. Через минут пять, когда исчезли конники, подъехал солдат к сидящему на могильной куче земли, подал ему узды от лошади и поехали дальше.

Через несколько минут, из темноты вынырнула машина, она остановилась около кучи земли. С нее спрыгивали солдаты с лопатами в руках. Потом сняли с машины четыре трупа и сбросили их в яму. Один из них прыгнул вниз, поравнял тела. Окончив свою работу, он поднял руки вверх. Стоявшие на верху схватили его за руки и подняли.

Подъехала вторая машина, из нее вышли четверо, и подошли к яме. Солдаты в это время отошли к кустарнику, там им накрыли стол, поставили еду и водку.

Шофер спрыгнул вниз, осветил тела убитых. Он стоял у ног убитых. Слева лежали двое мужчин, рядом с ним женщина, потом девушка и мальчик.

Ему подали огромную бутылку. Мужчина осторожно облил головы убитых белой прозрачной жидкостью. Постоял несколько минут, вылил остальное. Из ямы поднимался удушливый запах.

Стоявший внизу осветил усопших. Вокруг их головы вскипала чуть желтоватая жидкость, она пузырилась и лопалась.

Подав бутылку наверх, он закашлялся. Стоявшие наверху тоже закашлялись. Они легонько вытащили соратника из ямы.

Над могилой появилось небольшое облако. Потом ветер его подхватил и унес в сторону дороги.

Из ямы доносился неприятный запах. Четверо снова подошли, осветили тела, которые были покрыты желтым налетом с расплзающимися черными пятнами.

– Пока они посидят, – сказал тот, который был в яме, их нельзя будет узнать. Если откапает когда-то, скажут, похоронена крестьянская семья.

Солдаты подошли к куче земли и стали забрасывать яму. Несколько человек разровняли землю вокруг могилы. Остался только небольшой бугорок.

Солдаты ушли, четверо вернулись назад и разровняли бугорок.

Сняли фуражки, постояли около могилы и перекрестились.

Каждый думал про себя: «Кого сегодня они хоронили, и чем они прогневили бога, что даже после их смерти изуродовали их тела?»

Они сели в машину и поехали в сторону, откуда доносились пушечные выстрелы. Там шла ночная атака. Их ждали солдаты, чтобы идти в бой.

Украинский прибыл на заседание исполкома поздно вечером. Он очень устал, был зол и голоден. Помывшись в бане и хорошо покушав, поехал к Василию.

Нужно успеть до завтрашнего заседания исполкома сделать свои личные дела, а потом заседать. Василий что-то медлит со своими картинами, а может и имеет что-то, но таит от него.

Ковалевский ему все рассказал, о их тайне запечатлеть всю царскую семью со дня ее ареста от Царского села до Екатеринбурга. Это большой подарок для потомков, но оценят ли сегодня то, что уже сделано. Чего доброго за такие вещи можно поплатиться жизнью.

Завтра решается судьба императора и его семьи, у Василия есть еще время окончить незаконченные картины. Пусть останется ночью при царской семье и пусть рисует. Марья-царевне и царевичу нравится Василий, и они в веселом настроении проведут еще одну или две ночи.

Нарисованные картины проживут сотни лет, они больше передадут, чем любая книга. По картинам Василия можно будет писать книги. Профессор говорил Ковалевскому, что он достиг совершенства.

А что такое в искусстве совершенство, Украинский не знал. Но он знал, что при новой жизни, без царя, жизнь должна быть не хуже, а лучше. Люди должны знать своих царей и королей, знать свою историю.

Василий показывал одну картину за другой. Украинский был в восторге, такого количества картин он не ожидал увидеть.

– Что тебе нужно, чтоб ты закончил картины?

– Нужно время, сама Марья с царевичем.

– Времени у тебя почти нет, я даю тебе сутки и используй их, как тебе велит твоя душа, останься на одну-две ночи в тюрьме. Но только об этом, кроме нас с тобой никто не должен знать. К тебе никто ночью не придет, не потревожит. Тайна царской семьи находится в твоих руках. Ты должен всегда помнить, что о пребывании царской семьи в тюрьме знаешь ты, я и мое начальство. А для остальных он в другом конце города.

Сотник пришел на работу в поднятном настроении. Он радовался и огорчался. Радостно было, что он всю ночь будет рисовать с натуры царевну и царевича. Огорчен был тем, что знал правду: жизнь царской семьи в опасности.

О побеге и речи не может быть. За последние дни в несколько раз увеличили охрану тюрьмы, где сидят монархисты, пытавшиеся в свое время спасти царский трон. А самого царя здесь нет, есть только «заразные» больные.

А уважение к искусству у Украинского – это его маленький ход. Если тайно уничтожат семью Николая II, то не забудут и обо мне, – подумал Василий. Ведь, кто раньше знал царскую семью, ушли на фронт. А куда его пошлют? На смерть!

Все покидали здание тюрьмы, Василий зашел в потайную комнату и через нее в камеру к царевне.

Александра Федоровна вышла в коридор, потом вернулась.

– Я могу видеть мужа с сыном? – спросила она у Василия.

Взяв под руку царевну, он вышел из камеры и подошел к двери, за которой был император.

Император с удивлением посмотрел на стоящую в двери жену.

– Мы можем целую ночь с сотником провести, поиграть в карты, домино, что-нибудь рассказать друг другу.

– Рисовать будешь, сотник? – спросил император.

– Если вы пожелаете!

– Да!

Николай вышел из камеры и пошел по коридору. Василий вынес царевича и усадил на стул возле фонаря. Пошел в потайную комнату, принес оттуда колбасы, сала, ранних овощей из лавки еврея, для женщин бутылку шампанского, для царя – коньяк, царевне и царевичу в коробочке сладости.

– Сегодня у нас, сотник, царский ночной пир. Что тебя угораздило сегодняшнюю ночь провести с нами?

– Есть тайна, о которой нельзя говорить.

– Иногда можно.

– Не сегодня-завтра город возьмут чехословаки.

– Если мы останемся живы, это хорошо. Мы будем на свободе!!!

А где находятся сегодня наши друзья?

– Одни наверху, над вами, а другие в бегах.

– Каких больше? В бегах или здесь?

– Над нами больше, в бегах те, кто не был дома во время ареста.

– Что слышно о Зареве?

– Он воюет, говорят, в почете, хотя отступает, но опасен для врагов.

– Он всю жизнь был опасен, все задуманное выполнял, прав или не прав. Таков был у него и отец. При стычке с турками, от них убегал, а когда узнал, сколько их, сказал солдатам: – на одного из нас по три турка.

Они одержали победу, турки сдались. Вся жизнь Зарева – это большая тайна, потому и услали его из дворца в захолустье.

– А может это преданность вам и вашему престолу.

– Преданность показал своим бегством к большевикам. Обещал спасти нас, а перешел к большевикам.

– Будем ждать чуда, – сказала Александра Федоровна.

– Майор говорил год тому назад, будет чудо, если я выйду на свободу. Они предлагали мне бороться за свою свободу, а я отказался.

– Где он, сотник?

После получения вашего письма собирается в дорогу, а может, готовит своих солдат!

– Сходи, сотник, завтра к нему, узнай, как он? А может тебе не велено нас оставлять?

– Днем можно. Я у всех на виду, никто не приметит, что я отлучусь на часок.

– Ты любишь рисовать, сотник, иди порисуй царевн и Алексея, они заждались тебя.

Сотник начинает рисовать, Николай II и Александра Федоровна взяли за руки и стали прохаживаться по длинному коридору.

Царевич позирует и рассказывает Марье царевне смешные истории. Окончив рисовать, сотник собирается уходить. Царевна просит его побыть с ней еще немного.

– Никак, Вася, не могу привыкнуть к тюрьме, мама ночами плачет, а я лежу и слушаю, как она плачет, начинаю тоже плакать. Слезы бегут по лицу, а я боюсь их вытереть, чтоб мать не потревожить.

– А ты бы, царевна, подошла бы к матери и успокоила. Поплачет и уснет.

– Пробовала, Вася, несколько раз, но она начинает плакать в голос, встает перед иконами в истерике молится и кричит: «Почему покинул ты нас, всевышний, зачем мучаешь меня и мою семью?» Мне становится страшно, и я отхожу в угол около двери, начинаю сама плакать, и умоляю мать успокоиться. Один раз подошла к ней, обняла ее во время сильного возбуждения,

она стояла тогда на коленях и стала просить прощения. Всю ночь не спала, ухаживала за ней. Только к утру она уснула и то на часик. Боюсь ее, Вася, около нее мне становится страшно.

Сегодня при твоём появлении она повеселела, даже улыбнулась несколько раз. Дай бог, чтоб она хоть сегодня крепко поспала, сон дает надежду, силу и энергию.

Врач Боткин часто маме говорит: «Не забудьте, ваше императорское величество, каков ваш сон, таков и день ваш».

А нынче у нас все дни плохие, откуда взяться хорошим сном. В тюрьме меня и сны покинули, забыла, когда последний сон видела.

– Когда человек не видит снов, он страдает.

– А я, Вася, сильно постарела?

Сотник целует пальцы царевне:

– Не вижу морщин, волосы блестят, и мягкие, как шелк. Ты красавица!

– На твоих картинах я выгляжу сорокалетней, а родители стариками. И не вздумай говорить, что переодень меня царевной, я опять стану ягодкой-царевной.

– Не ягодкой! А цветочком, мой ангел...

– Ангел ты для нас, а не я для тебя. Давай пройдемся по коридору. Я устала, Вася, лежать и стоять.

– У тюремщиков есть правило: чем они больше двигаются в своей камере, тем дольше сохраняют свою молодость.

Только договорил Василий эти слова, как царевна закричала.

– И ты такой, как все... Мы заключенные, мы обреченные на страдания...

Сначала она кричала в истерике, потом утихла. Василий присел около открытой двери ее камеры и посадил ее себе на колени.

Она долго плакала, всхлипывала, потом, поцеловав его много раз, положила ему на плечо голову и уснула.

Василий сел на пол, удобно положил ее голову себе на руку, а другой гладил бьющееся в судорогах тело. Она уснула, улыбнулась во сне, повернулась к нему и поцеловала.

Сотник занес царевну в камеру, положил на постель, подровнял подушку.

Александра Федоровна проснулась, открыла глаза, улыбнулась и поманила сотника.

– Не уходи, дай ей возможность выспаться, посиди!

Присев у порога, он думал о завтрашнем дне. Что будет с ними, если к городу подойдут чехословаки и белогвардейцы.

Наверно, это последняя их ночь. А что будет с ним, ведь Украинский говорил, что никто, кроме тебя не знает, где находится царская семья. Неужели и к нему приходит последний час. Ковалевский что-то придумает.

Кто-то позвал:

– Василий, Василий, проснись, почему ты еще здесь... Тебе пора на работу...

Перед ним стоял босой в ночной рубашке Николай II.

Женщины крепко спали, а хозяин мужской камеры будил заспавшегося кавалера женской камеры.

– Почему ты не ушел, накличешь себе беду?

– Ее величество просила, чтоб я дал возможность царевне покрепче уснуть, она уже несколько ночей не спит.

– Мы все не спим, это не значит для тебя совать из-за нас свою голову в петлю.

В тюрьме начался рабочий день, выходи наверх. У тебя уборка коридора, камер и кормление заключенных... – и царь показал рукой на себя и лежащих женщин.

При слове «заключенных», его лицо посерело и тело сторбилось.

– Извини, сотник, я начинаю предметы называть своими именами. Только здесь мне никто не говорит, что я заключенный, потому что кроме тебя, я никого не вижу.

В эту ночь мне приснился сон.– Нас вывели из камеры... У меня на руках сын, сзади идет жена, потом дети. Вывели через потайную дверь около угольного склада во двор.

От двери тюрьмы до изгороди всего три метра. Сначала убили сына, потом дочь, жену. Стреляли в затылок. Даже могилу видел свою. Около леса на бугорке стоит Ковалевский и показывает рукой: «Вот здесь ройте могилу и скорей их зарывайте».

Сотник подошел к спящей царевне, поровнял подушку, положил удобно голову и руку. Поцеловал.

Николай II стоит, молча наблюдает, как сотник закрывает дверь, затем уходит в свою камеру. Слышит звон железа. Он поворачивает голову, смотрит на закрытую дверь, по его щекам скатываются слезы.

Подходит к спящему сыну, крестит, целует.

– Это последняя ночь, мое дитя. Сегодня, чувствую я, мы уйдем в другой мир. Нужно сказать сотнику, пусть убегает. Умрет царская семья, умрет и тот, кто с ней проводил последние дни.

Во дворе тюрьмы было тихо. Сначала Василий вдохнул свежего воздуха, потом несколько раз присел, сделал зарядку, разогнал сон.

Набрав воды, побрызгал во дворе, начал подметать. Сегодня будут вывозить мусор и до приезда мусорщика нужно успеть убрать двор.

Подмел мусор и собрав все в кучу, он пошел в столовую. На столе стоял уже готовый поднос.

– Разноси, Вася, побыстрее, сегодня в тюрьме будет сортировка. Белоказики подходят к городу. Вчера многих увели из тюрьмы, а сегодня тем более.

Начальник тюрьмы чуть свет приперся, все новые указания дает, а зачем они!! Если не сегодня, так завтра будет новая власть. Иди, корми... Накормит ли их новая власть?

Он берет поднос, девушки смеются. На подносе жаренные оладьи, салат, мясо.

– Девочки, у вас сегодня деликатес...

– Заказ остался прежний, а люди ушли. Не пропадать же продуктам, пусть твои «заразные» кушают.

Подошла одна из девушек к Василию:

– Ты мне покажи свою «заразную», к которой ты, на ночь глядя, спешишь. Даже наши ребята не ходят к ним, только ты один. И кто они?

– Несчастные, как и все, здесь в тюрьме.

– А почему их называют заразными, ты не боишься заразиться? Чем они больны? Мы спрашивали врача, он ничего не знает. Отмахнулся и сказал, что, наверное, рехнулись. Больных по инструкции не положено держать!

Охранники пропускают Василия с подносом и закрывают двери.

– Зачем спешишь закрывать, дай мне посмотреть на его заразных.

– Молчи, дуралей, забыл как лет десять, в этой камере сидел граф. Говорили болен, сумасшедший. Ходить нельзя, смотреть тоже. Твой предшественник посмотрел, и увезли его вместе с сумасшедшим графом. Ни он не вернулся, ни граф. Говорят, в лесу оставили, лежать в земле.

Что, плохо живется, суешь свой длинный нос, куда не нужно. Помалкивай!!!

Возвращается Василий с пустыми тарелками.

– Твои нынче голодные были, все съели, ничего не оставили.

– Носил деликатес, вот они с аппетитом и поели.

– Попроси у девушек закусить чего-нибудь, у меня есть бутылка.

– Сегодня будет большая сортировка, одних отпустят домой, других в иной мир, а третьих спрячут подальше. Не стоит пить! Спрячь в своем тайнике до завтра, а завтра и я выпью с вами.

– Завтра будет день, будет пища. Что можешь сделать сегодня, не откладывай на завтра.

Принес закуски. Окончив уборку камер, Василий пошел рисовать. Сначала он слышал голос охранников, потом появилось несколько новых голосов.

– Кто-нибудь, кроме вас еще есть?

– Нет, мы одни!

– Можете идти сегодня домой, вас заменят другие.

Охранники ушли и за воротами вспомнили, что Василий сидит в своей конуре.

– Нужно вернуться, сказать, что еще один есть.

По дороге они встретили начальника тюрьмы.

– Куда идете? Ведь не велено никому возвращаться. Уходите и живее.

– Там остался еще один.

– Рабочий день окончился, и ходить никому не велено, тем более к заразным.

Оба возвращаются, а начальник тюрьмы идет в сторону столовой и подвальных камер.

Ему преграждают дорогу красноармейцы.

– Я начальник тюрьмы...

– Идите в свой кабинет и сидите, если нужны, будете, вызовут. Приказано никого сюда не впускать.

– Но я начальник тюрьмы.

– Здесь больные, вывезем их, потом приходите.

Сотник открыл потайную дверь, перенес все свое богатство и сложил в небольшой чемодан. Снова вернулся в свою камеру, приоткрыв чуть двери, стал слушать, о чем говорят новые охранники.

– Сколько осталось ждать? – спросил стоящий спиной к сотнику.

– Как стемнеет, приедет машина, и мы можем забрать заразных.

– А куда мы их повезем, и кто нам откроет двери и покажет, в какой камере они сидят?

– Мы и открывать не будем. Откроет тот, кто их увезет.

– Почему нас поставили здесь, а своих убрали? Чем мы лучше тех, что ушли?

– Тебе русским языком сказали:

– Нужно убрать в тюрьме больных, заразных. Чем ты слушаешь, ушами или задницей?

– Не забывай, тот, кто откроет двери и выведет больных, много с тобой говорить не будет.

– Инструкцию получил: – «Ты стреляешь в мужчин, а я в женщин, твоя баба, мой мужик.

На это дается нам две минуты. Бросаем тела в машину и сматываемся отсюда, пока сами живы».

– Куда мы отсюда уйдем?

– Не уйдем, а уедем на машине, – олух ты, недоделанный. Будешь делать то, что я делаю, да поживее...

Подъехала машина, вышли из кабины двое.

– Охрана ушла?

– Ушла.

– Открывай.

Шофер вынул ключи из кармана, подошел к двери, где стоял сотник.

– Открывай справа дверь, а не слева, мы должны привезти их вовремя, а не мешкать.

Все четверо зашли во внутрь, и сотник посмотрел через замочную скважину, как они открывают двери. Схватив свой чемоданчик, он выскочил из своей камеры, побежал к машине, потом к воротам тюрьмы.

Около ворот стояли красноармейца, спрятавшись за бочками, которые стояли около угла тюрьмы, стал наблюдать за красноармейцами.

Закрыв ворота, красноармейцы, подошли к дверям столовой.

– Стоять и ждать, – приказал старшина. – Осталось три минуты, они выедут, а мы за ними.

Выехала машина, красноармейцы побежали за ней. Около ворот остановилась и подъехала вторая. На улице стало темно, садившиеся солдаты шепотом торопили садиться друг друга.

Сотник увидел у ворот знакомого охранника, который закрывал ворота вслед уехавшим машинам.

Увидев Василия, охранник попросил подержать одну половину ворот и пошел за второй.

– Не уходи, пойдем, закроем двери камер, где сидели заразные. Они искали тебя, не нашли, где ты был?

– Мне велено сидеть в боковой.

– Старший сказал, там тебя не было.

– Все врут, а где мне быть, как не там.

– Верю, мне все равно.

– Сходи, лучше сам закрой двери, а то, не дай бог, кто придет, а меня не будет, накажут. Что-то новая власть часто стала менять тюремные законы. Когда это видано, чтоб охраннику доверяли ключи от камер смертников.

– Каких смертников?

– А тех, за которыми ты ухаживал, вот только что их прихлопнули и повезли в яму.

– В какую яму и кого прихлопнули?

– Какой ты несмышлениш, их казнили, выстрелив сзади в голову. Я слышал, как один солдат говорил, прикончили и увезли на развилку дорог, где Зарев принимал свою дивизию.

Василий вбежал в пустые камеры и стал искать, не оставила ли что-нибудь для него царевна. Перерыв все, он вспомнил, как сам в спешке убегал отсюда, боялся, чтобы самого не убили.

У них просто времени не было, оставить весточку для него... Он начал все аккуратно складывать, пошел к бочкам, набрал воды и помыл полы.

Он вошел во двор тюрьмы, где расстреливали приговоренных, и увидел на земле кровь. У него выступили слезы, и он заплакал. Снова вернулся в свою камеру, взял ведро, метлу и лопату. Очистив кровь и посыпав двор чистым песком, сложил свой инвентарь – ведро, метлу, лопату в угол, зашел снова, чтобы закрыть камеры. Закрыв их на замок, а входные двери на засов, чтобы никто не мог снаружи сюда войти, он вошел в свою камеру через тайный ход. Сюда спешили красноармейцы с начальником тюрьмы.

Финк сказал, что все, кто был в камере смертников, ушли домой, их отпустил человек, который увез смертников.

– У вас есть ключи, Иван Иванович, от этих дверей.

– Вторые ключи находятся у начальника охраны тюрьмы, а те, что были у нашей охраны, взяли ваши люди.

– Они отпустили охрану, а где тот человек, который имел доступ к смерникам.

– Его могло не быть здесь, так как он имел право в любое время заходить и выходить с территории тюрьмы. Он нам был не подвластен и подчинялся только вашим людям.

Пришел начальник охраны, сунул ключ в замок, двери не отрываются. Закрыты на внутренний засов.

– Обойдем тюрьму и войдем внутрь с другой стороны.

– Это с той стороны, где их казнили?

– Пошли! – сказал старший красноармеец.

Красноармейцы подошли к месту казни.

– Успели убрать, это хорошо.

– А вы волнуетесь, – сказал начальник тюрьмы. – Где-то поблизости находится ваш человек, которого вы ищете. Только он мог произвести уборку. Зайдем во внутрь, если там чисто, значит, он подготовил камеры для новых заключенных, которых должны сюда привести.

– Вы, товарищ Финк, начальник тюрьмы, а не надзиратель, почему вы не знаете, что у вас творится под носом.

– По приказу Украинского, я и мои люди не имели права быть здесь, в этих камерах. Сюда заходить могли только люди Украинского и Ковалевского.

Прошли мимо угольного и дровяного складов. Зашли во внутрь помещения, открыли дверь и оказались в коридоре, напротив камер смертников.

– Жуткое место, сырое и холодное. Посмотрите на пол в камере и в коридоре, его только что помыли. Не просох местами пол в камере. Все аккуратно сложено, так может сделать только тот, кто часто этим занимался.

– Но где он может быть? – спросили красноармейцы Ивана Ивановича.

– Ушел домой.

– Как ушел и каким путем?

– Посмотрите на входную дверь, через которую мы хотели сюда войти, она закрыта на засов, это значит, что он закрыл двери и вышел на улицу убирать двор. Сделав все, он ушел домой. Мы всего-навсего разминулись, сейчас спросим охранника.

– Когда он придет сюда?

– Завтра утром.

– А где он живет?

– Завтра адрес дадут в канцелярии. Все, кто работал здесь, то есть охранял, кормил, убирал, подчинялись только вашим людям, а не мне.

– Еще раз повторяю, эту часть тюремного помещения мне приказано отдать в ведение Украинского и Ковалевского.

– Спросите их, и они подтвердят вам мои слова.

– Уже поздно спрашивать, завтра на рассвете в город вступят чехословаки, они у вас будут спрашивать, а не мы.

– А мне, что делать, отпускать своих людей домой, и открывать тюремные камеры и ворота?

– Приедут наши люди, вам скажут, а сейчас идите домой, мы вами довольны. Вы сделали все, что от вас требовалось.

Красноармейцы сели на лошадей и ускакали.

Иван Иванович подождал, пока охранник закроет двери, и спросил его.

– Куда подевался рабочий из «заразных» камер? Мы везде его искали и не нашли. Он молодец, хорошо и исправно служит, все убрал, привел в порядок камеры.

– Он только перед вами ушел, За пять-десять минут, как вы подъехали с красноармейцами к тюрьме, он отдал мне ключи и ушел.

– Ушел, значит! Для него это хорошо. А если скроется до утра, то еще лучше будет, Будет жить долго. А найдут, не протянет и до утра. Отвезут на развилку дорог и прихлопнут, как умалишенных.

Василий не пошел домой, он вначале отнес в тайник картины, пошел к извозчику, где стояла его лошадь, переделался в форму красноармейца и поехал на развилку дороги.

Везде по дороге стояли красноармейцы. Не доезжая километра до развилки, его остановил патруль.

– Мне нужно видеть Украинского или Ковалевского, – сказал сотник.

– Они на заревском поле. Прямо через развилку ехать нельзя, там перекрыта дорога. Объедете по старой, и через полчаса вы будете на месте.

На развилке дорог он увидел машину, ту на которой увезли императора и его семью.

Луна ярко осветила могилу, и сотник увидел, как солдаты сбросили хозяина русской земли и его семью в яму. Подул сильный ветер, растрепал царице волосы и прикрыл ее голову широкой длинной юбкой.

Сотник повернулся спиной к своей лошади и увидел невдалеке от него стоящих красноармейцев. Они не имели права покидать своего места, он не мог уйти, чтобы не быть пойманным.

Ушли машины, и на заревском поле стало тихо. Со стороны города слышался шум. Екатеринбургская конница рабочих и крестьян шла навстречу наступающим чехословакам.

Сначала конница шла по дороге, обходя кусты, потом она срезала угол и пошла по могиле.

Красноармейцы ушли вслед за конницей. Сотник вышел на дорогу, подъехав на то место, где были похоронены близкие ему люди, когда-то бывшими властелинами Русской Земли.

Он слез с лошади, подошел к могиле, перекрестился, взял на обочине дороги ком земли, бросив его на могилу, сказал: «Пусть земля вам будет пухом».

Василий спешил в отряд майора, он еще не знал, где остановиться и что его ждет в будущем. Сумеет ли он застать майора, и поедут ли они в это грозное время домой.

Грозовые тучи нависли над матушкой Россией. Его Родине-Матери была навязана гражданская война.

Временное правительство отказалось от конституционной монархии, не утвердило республику, оно ушло с арены, на смену временных пришли большевики.

Но временные пытались вернуть свое господство, навязав народу России гражданскую войну. Народ перенес голод, лишения, разруху, но победил.

Сотник, увидев в тайнике, что все лежит на месте, решил искать майора на последней стоянке Зарева.

После казни крестьянами главаря банды Мыскина, отряд Зарева сразу ушел со ставки бандита.

Майор остался по просьбе Зарева, чтобы помочь все награбленное бандитами вернуть крестьянам.

Фуголь со своими людьми закрыл все потайные ходы убежища Мыскина и оставил только те, которые ему показали крестьяне после ухода полковника.

Сотник работал наравне со всеми, носил камни, пилил и рубил лес на перекрытия. Крестьяне помогали ему замуровывать главный вход. Один из крестьян, молодой парень Шмыгайло, во время обеденного отдыха предложил сотнику посмотреть убежище банды.

– Господин сотник, сегодня работать больше не будем, еслихотите, я вам покажу все входы и выходы этого подземелья? Они очень просты, но не зная их, можно долго бродить и не выбраться наверх.

Василий согласился и пошел осматривать подземные ходы, и составил для себя полный план. А выйдя наружу, спросил у крестьян, кто был здесь, не забыли ли они какой-нибудь еще незаметный, просто ненужный ход.

Вечером, срисовав план, сотник пошел к майору и показал ему его.

– Надвигается гражданская война, вот-вот она должна вспыхнуть. Такие тайники хороши для лесных обитателей и партизан.

– Многие думают, что мы ходы завалили, потому замуровали снаружи. Твой план нужно сохранить, такие вещи становятся пригодными раз-два в столетие.

Вспомнив о плане, он снова подумал о майоре. Вся Россия в огне, не может быть, чтоб дядя Леонид решил в это время выехать домой. Наверняка он там со своими людьми, но кто остался, если он говорил, что всех отпустил домой.

Сотник вспомнил царевну и последнюю ночь рядом с ней. Почему Ковалевский последние дни разрешил быть ему рядом с царской семьей? Почему искали его красноармейцы?

Неужели его тоже должны были казнить вместе со всеми. Он один из всех, кто близко был около царской семьи, знал, кто они.

– Они не больные, а обреченные. Изо дня в день ждали своего смертного часа.

Охранник говорил, любая власть свидетелей не оставляет. Он, сотник, любимец царской семьи, знал больше о ней, чем кто-либо другой. Опасный свидетель. Таких в живых не оставляют.

Можно заехать домой на квартиру, подумал он, я в красноармейской форме, имею документы, зачислен в кавалерийский полк. Ковалевский говорил, прежде, чем поедешь в полк, найди меня, а чтоб тебя на каждом углу не останавливали, вот тебе пропуск.

К Ковалевскому можно поехать и позже. Нужно выяснить, что это за пропуск и не капкан ли он для него.

Повернув лошадь, Василий ускакал по направлению к своему дому. На улице бегали одни дети. Остановив лошадь около дома соседа, он зашел во двор. Из дома вышла дочь соседа.

– Мой папа говорит, что вас дома ждут красноармейцы и хотят арестовать, а я вижу, это неправда: вы и сами красноармеец.

– А где они?

– Двое в доме, а другие двое в сарае. Со вчерашнего вечера никого из дома не выпускают. Ваша хозяйка им говорит, что вы ушли на работу и больше не приходили.

Вы разрешите позвать хозяйку, вот она обрадуется, когда узнает, что вы никакой не беженец и не бандит, а красноармеец.

Отец, увидев девочку с Василием, испуганно сказал:

– Уходите, а то вам будет худо.

Затем увел девочку в дом и закрыл дверь.

Осталась последняя явка, на которой должен быть майор. Если его там не будет, недалеко от дома в тайнике должно лежать письмо.

Две последние бессонные ночи были самыми трудными. Цель, ради которой жил в этих тяжелых условиях, потеряна навсегда. Нужно определиться и выбрать себе путь, по которому он должен идти дальше.

Последней ночью его вышибли из седла и забрали лошадь, он остался один на один, сам с собой.

Кто-то его окликнул. Он поднял голову, перед ним стоял полковник.

– Чего голову повесил, казаче? Рад видеть тебя живым.

Он подъехал к сотнику, и они обнялись.

Слышал от Ковалевского, что ты где-то в городе. А когда они вдвоем с Украинским говорили о тебе, то я понял, что ты что-то важное делаешь и уже две ночи не спишь.

Коль не спал две ночи, поехали ко мне домой, моя жена уехала из города, а я один. Перекусим, и ляжешь спать. Выспишься, потом поговорим, больно у тебя уставший вид.

Расскажешь потом, чем ты не угодил своим любимцам, что они все шушукались втихаря вчера вечером о тебе. Они тебя называли счастливым.

Перекусив и помывшись в бане, сотник прилег на кровать и сразу уснул. Ему всю ночь снились Мария-царевна и матушка-царица. Вместе с ними он был брошен живым в могилу, и его стали закапывать. Шофер машины стоял на краю могилы и кричал: «Попался царский любимец, мы тебя живьем с ними зароем». За спиной шофера стояли Ковалевский и Украинский, они подгоняли солдат: «Живее, мальчики, зарывайте, а этого приглушите лопатой и заройте вместе с заразными».

Его ударили по голове, он свалился в угол могилы у ног царевны и царевича, тяжелая земля прикрыла сначала ноги, было тяжело ими двигать, он со всей силой оперся ногами, сделал последние усилия и медленно, качаясь, стал подниматься. «Смотрите, – кричали сверху, – а он живуч, норовит выскочить из ямы, а мы его сейчас прихлопнем». Шофер вынул писто-

лет, присел над могилой и прицелился. Василий подпрыгнул вверх, схватил шофера за руку и потянул вниз, тяжелое тело шофера упало у его ног. Схватив его пистолет, он выстрелил. Шофер сначала поднялся, потянул руку за пистолетом: «Дай, это мой». Потом медленно стал оседать. Василий, подпрыгнув, ногою встал на голову мертвого шофера и выпрыгнул из ямы...

...Открыл глаза. Перед ним стоял Зарев и громко смеялся.

– Ты, Василий, даже во сне воюешь, кого только что прикончил?

– Какая-то гадость приснилась, меня бросили в яму и хотели пристрелить.

– Вот почему ты выпрыгнул из койки. Надевай штаны, пошли завтракать.

– Что будешь делать, Василий? В городе белогвардейцы, мы уходим в лес. Пойдешь с нами или будешь своего друга майора искать? Ты с ним в отряде был «не разлей вода».

– Хотелось бы найти, но в такое время, где его найдешь?

– Верно говоришь, потеряешь и свою свободу. Хороший ты парень, оставайся у меня на службе, будешь адъютантом. У меня таких молодцов, как ты, не хватает. Был один, веселый озорной, хорошо играл на гармошке, повез донесение и погиб. Зарубили в лесу белоказаки. Места здешние знаешь хорошо, город – тоже. Документы тебе твои защитники дали хорошие. Окончится война, и поедешь на свою Украину. Если не секрет, Вася, о каких картинах говорили Украинский и Ковалевский.

– О моих, господин полковник.

– Не господин, а товарищ. У большевиков все товарищи, и ты зови меня так.

А если не хочешь быть у меня на побегушках, иди принимай сотню кавалеристов. Вчера вечером убило у них командира, а хорошей замены нет. Соглашайся, Вася, в обиде не будешь, а лучшего не сыщешь.

По разговору Ковалевского я понял, что тебе к «белым» тоже попадать нельзя. Они почему-то ищут майора и его помощника.

– Кто это вам сказал, что они ищут майора и меня.

– Поймали лазутчика вчера в городе, он шел на связь с майором, но его в городе не оказалось, уехал в свое логово. А где он прячется – в лесу, в болоте или крестьянском доме – того лазутчик не знает.

– Он жив и я могу его увидеть?

– Сбежал проклятый. Отводили после допроса в сарай, где были пленные. Он охранников пришиб кулаком. А кулак, что лошадиное копыто, и сам на вид богатырь, прыгнул на стоявшую лошадь и ускакал. Солдат нашли без чувств, пока привели в себя, опросили, как все произошло, того и след простыл. Смотри, Вася, чтоб тебя этот великан не забрал к белым, коль ты им нужен.

Сотник зашел вместе с полковником в штаб. Кавалеристы встали и поприветствовали Зарева.

– Товарищ командир дивизии, вот сегодняшняя сводка о расположении войск противника. На телеграфе засели белые, ночью пытались их выбить, но безрезультатно.

Полковник подошел к Василию.

– Ты хорошо знаешь подходы к телеграфу?

– Да, товарищ полковник.

– Возьми сотню и захвати телеграф. Удержать надолго не сможем, но хотелось бы связаться со штабом Красной армии.

Не доехав со своими кавалеристами метров сто, он встретил сильный пулеметный огонь. Оставив десять человек около себя, остальных отправил в обход здания телеграфа. С теми, кто остался, стал ползком приближаться к зданию.

Его конники, подъехав с другой стороны, начали вести меткий огонь по белым. Василий подполз к зданию, сняв стоявших часовых, вошел в телеграфную комнату. Он увидел сидев-

шего великана, о котором рассказывал Зарев. Выстрелив в троих сидящих, связал руки великану. В здании телеграфа стало тихо.

Отобрав двоих красноармейцев, он приказал ехать в штаб и доложить полковнику : «Телеграф занят».

Сотник остался один на один с великаном.

– Зачем искал майора и его помощника, – спросил Василий.

– Это было вчера, господин начальник, а сегодня нынче утром убили того, кто меня послал за майором. Если вы бог, пойдите, спросите его, он лежит во дворе.

– Пошли, покажешь.

– Когда его убило, я забрал документы и отнес своему офицеру, они все лежат в комнате, где стоит телеграф.

У аппарата сидит телеграфист, передает телеграмму в штаб армии. Зарев ходит по комнате и наблюдает, как сотник перебирает документы. Он находит фотографию убитого и показывает Зареву.

– Товарищ полковник, вам это человек знаком?

Зарев посмотрел на фотографию, потом на Василия.

– Это мой двоюродный брат, возьми его тело и отвези на мою улицу, дом 6. Бедная тетька, она ждала его возвращения с войны, вот и дождалась.

Позаботься, Василий, чтоб его, как офицера, с почестями похоронили.

– Товарищ полковник, а поймут ли вас ваши солдаты, ведь вы красноармеец.

– Сумей сделать так, чтоб все было хорошо. После похорон придешь ко мне.

В похоронном бюро сидел один только гробовщик. Василий подошел к нему.

– У меня нет ничего, даже гроба.

Василий снял тело офицера с седла лошади, развернул простыню.

– Боже мой, – застонал старик, – вчера я похоронил своего сына, а они бегали в детстве по улице вдвоем. Нынче мне придется и второго хоронить.

Сотник положил старику деньги на стол.

– Вот на одежду для покойника. Помойте, переоденьте и отвезите тело его матери.

– Попросите кого-нибудь, чтоб известили мать о смерти сына.

– А вы сами будете на похоронах?

– Что нужно для похорон я привезу и сам буду.

– Сейчас позову своих, потерпите немного и мы помоем, переоденем погибшего.

– Если не секрет, кто вы для погибшего?

– Я тот человек, которого он искал, он меня не нашел, а я его нашел уже мертвым.

– Значит, товарищ! Вас разлучила идеология, взгляды на жизнь и вина всему этому война.

Гробовщик послал мальчика, гулявшего на улице, за своими помощниками. Сходил в соседний дом и быстро вернулся.

Из дома вышла заплаканная женщина, села на подъехавшую подводку и уехала.

– Одно дело сделано, Марта Владимировна подготовит мать к встрече сына. Пока они поговорят, и мы свою работу сделаем.

– Вы сказали отвезти убранным покойника.

– Да! Вы меня правильно поняли.

– Хорошо! Но мать сделает все по-христиански, она оставит сына до завтрашнего дня дома.

– Вы только ее не покидайте, делайте все, что она вам скажет.

Прибежали мальчики, которых гробовщик посылал за своими людьми.

– Они знают, можно привозить.

Гробовщик перекрестился, мальчишка тем временем открыл ворота и лошади медленно повезли тело сына к матери. Его люди сидели по сторонам гроба, молча смотрели на прохожих, которые, увидев покойника, поворачивались в его сторону, крестились и уходили своей дорогой.

Василий поехал к лавочнику, постучал в окошко.

Лавочник открыл окошко и прокричал: «Закрывается, ничего нет!»

Снова постучал.

Лавочник вышел:

– Вам же сказано, что у меня ничего нет.

Сотник подал записку Зарева. Лавочник, прочитав ее, низко поклонился.

– Через час отвезу все лично сам.

– Поедем вместе, я вас буду ждать, немного поторопитесь. Полковник просил, чтоб вы лично помогли его сестре в проведении похорон. Для этого Сергей Михайлович передает вам деньги, кроме того, вы должны после похорон отвезти ей продуктов для поминок.

– Зарев написал все это в своем письме, давайте поедем к бедняжке матери и там все решим.

Во дворе плакала мать над гробом сына. Со всей улицы подходили соседи.

Занесли покойника, поставили в светлице гроб и пригласили двух монахинь читать молитвы.

После похорон в доме осталась хозяйка со своими детьми. Василий, вместе с лавочником привез в дом дрова и продукты.

– До свиданья! – сказал Василий перед уходом. – Что передать вашему племяннику?

– Скажи спасибо и жду его, у меня письмо для него от какого-то майора, которого так сын искал.

– Может, мне доверите, я лично передам Сергею Михайловичу.

– Лучше пусть Сергей Михайлович пришлет художника, если он еще в городе, для него есть подарок. Отдам только, когда приедете с братом.

Сотник поехал в штаб. Там шло совещание, и к полковнику никого не впускали.

– Как окончится совет, скажите, что сотник вернулся с задания.

– Уйдут Ковалевский и Украинским, можете зайти, а до этого времени не велено их беспокоить.

– А можно мне увидеть Ковалевского?

– Он вас знает?

– Да! Я с ним много времени работал. Хорошо знаем друг друга, если я войду, он ругаться не будет.

– Ковалевский ваш друг, может, и не будет ругаться, а Сергей Михайлович просил вас переждать вот в этой комнате. Когда у него все дела решаться, он к вам придет. Даже гулять вам во дворе он категорически запретил. Это лучше для вас.

Сначала Василий ходил по комнате, потом прилег на лавке и уснул. Проснулся от громкого разговора в приемной полковника.

– Так он здесь и ты все это время молчал... – Ведь вы велели ему ждать, я выполнил ваш приказ.

– Молодец!

Сергей Михайлович открывает дверь и входит в комнату.

– Вернулся Вася! Говори, что там было, как тетя чувствует себя после похорон?

– У нее письмо для вас, майор, и что-то для меня, все это оставил дома ее сын и просил, чтобы она передала лично вам или майору. Я ей сказал, что я тот художник, которого искал ее сын, но она мне ответила, что получит все это только мой брат. Так просил ее сын, когда оставлял все бумаги дома и уходил в свою часть.

Во дворе стояли и ждали полковника Ковалевский и Украинский.

– Ну-с, Сергей Михайлович, давай прощаться, нынче время горячее, не знаешь, что тебя завтра ожидает. Будем живы, свидимся. И на том спасибо богу. Завтра ждем, как договорились, а сегодня готовься, завтра будет жарко.

– Поехали, Вася, нынче не съезжу к тетке, завтра нас не будет в городе.

Тетка сидела во дворе дома со своими младшими. Дети, увидев их, побежали на встречу.

– Дядя Сережа приехал!

Они бросились ему на шею и начали целовать и обнимать. Сестра медленно встала с заплаканными глазами, с черным платком на шее.

– Я знала, что ты сегодня приедешь, вот и вышла с детьми, тебя ждала. Всего несколько минут сидели, а мне показалось, прошла вечность.

– Похоронила сыночка и не верится, что его нет в живых. Еще слышу его голосок: «Мама, а что сегодня будет вкусненькое на обед, я так проголодался». Больше его не увижу, потеряла навсегда. Вот осталась моя радость, – она показала на младших детей.

– Сейчас война и что их ожидает? А ты надолго приехал к нам? Пошли в дом, мне что-то становится холодно. Ты приехал с художником. Это хорошо. Пошли, заберешь письмо, которое привез тебе твой брат.

Она достает письма, полковник читает, его лицо вначале светлеет, потом становится серьезным, а тело – напряженным.

Она внимательно смотрит на Сергея Михайловича.

– Пойдем, сотник, в кухню, приготовлю я вам что-нибудь на стол, а Зарев пусть сам побудет со своими мыслями, пусть помечтает в тишине сам с собой.

– Вы давно знаете Сергея Михайловича, и где вы с ним познакомились? Он такой стал замкнутый и задумчивый. Раньше так много шутил, веселился. Где он появлялся, люди всегда смеялись от его шуток, веселых рассказов. А как вернулся с войны, не слышала от него ни одного анекдота, ни одного шуточного рассказа. Война забрала у меня веселого жизнерадостного племянника. Мне иногда кажется, что он становится чужим.

– Вы сестра ему, и так о брате говорить нельзя. Я с ним прошел путь от Тобольска до Екатеринбурга. Что ни день – и все стычки, бои, леса наводнены бандитами и беженцами. Он научил меня различать в том хаосе, кто честен, а кто вор и убийца.

Для меня было все равно, кто встречный. Коль стрелял в нас, значит, наш враг. Сергей Михайлович поступал иначе. Он говорил: мы тоже с оружием идем домой. Для них мы тоже воры и разбойники, но в военной форме. Люди прячутся от зла и насилия в лесах и болотах. Настанет мирное время, и люди вернуться домой, и будут жить, как и все другие.

– Так это вы, этот сотник, которого искал мой сын, и друг майора. Рада вас видеть в моем доме, он так много о вас говорил, хотя вас никогда в жизни не видел.

Полковник зашел в кухню, был взволнован и обеспокоен.

– Вы знаете, сотник, что нынче в городе казнили нашего царя. Нет, уже сотник, в живых никого из царской семьи.

– Откуда вы знаете, что их нет в живых? Это вам Ковалевский и Украинский сказали?

– Нет, Вася, это я узнал из письма моего брата. Он хотел меня предупредить, что в полночь будут казнить, приведут в исполнение приговор. Суда не было, был только приговор, тайный и скрытый от всего народа. Их убили тайно, как преступников, а тела похоронили неизвестно где. Вы, сотник, с майором были теми людьми, которые пытались освободить их императорское величество. Вели переговоры со всеми партиями в нашем городе, но вас не поддержали, вы остались одни. Все предали нашего императора, только майор остался верен ему до конца.

По сведениям белой чехословацкой контрразведки, майор находится в пути, скоро он будет в Петербурге.

В письме Великий князь обращается к вам с просьбой, сотник, сохранить то, что вы делали все это время.

XI ВСТРЕЧА С ДЖУГАШВИЛИ

– Здоров, Хома!

– Здоров Степан!

– Надолго прибыл домой, Хома, или на побывку?

– После госпиталя, браток, прибыл домой, как только залечу раны, так снова уеду.

– Это хорошо, отец переживает. Как ушли вы все трое на германскую, так ни одной весточки не было. Все грамотны, читать, писать умеете, а домой не написали ни одного письма.

– Писал, Степан, домой, и много писал, но ведь война кругом, сейчас не до писем, люди головы теряют, а потеряться письму в дороге проще простого.

– Где нынче наши казаки служат, и как им служится? Я сам пришел недавно, служил в Минске, немного повоевал, пока осколком ребро не задело. Отлежался в госпитале, и отправили домой. Может то и хорошо, что мало задело, а мне сказали – отвоёвался. Стало тяжело дышать. Врачи говорят, через год-два пройдет

– Куда ты ранен?

– Ловили банду горцев. Думал, пришел конец. Навалился на меня двухметровый великан с кинжалом в руке. Царство небесное моему другу, меня спас, а сам погиб.

Перекрестился Хома и продолжил разговор.

– Одной рукой душит, а другой норовит прирезать меня. Увидел мой друг, что я в опасности и прибежал ко мне. Ударил по голове прикладом моего душителя, он и отдал господу богу свою душу.

И в это время стала артиллерия противника бить. Разорвался недалеко от нас снаряд, моего друга насмерть осколком, а меня только ранило. Спасибо, что мой враг лежал на мне, и все осколки достались ему. Вытянули меня санитары и в санчасть. Отлежался три недели и вот, дома.

– Куда только нынче нашего брата война не забросила, повсюду он есть.

– А кто нынче дома? Кого видел из наших ребят, кого брали на германскую?

– Мало, Хома, осталось в живых нашего брата, многие полегли, а многие пропали без вести.

– Кто пропал, может, найдется. Не скрою, дружище, от тебя, когда был в Грузии, однажды попал в плен к туркам вместе с одним грузином. Привезли нас турки на свою землю, и давай допрашивать:

– Кто вы такие, спрашивали они нас, я им говорю по-своему, по украински, они меня не понимают, а я их. Допросили они грузина и через неделю нас обоих отвезли в дальнее селение. Живем мы вдвоем, я не знаю грузинского, а мой друг по несчастью – моего языка. Вот мы и общались друг с другом при помощи жестов.

Через три месяца я выучил немного турецкий и стал понимать грузинский.

Грузин все уговаривал меня бежать. А куда бежать, если не знаем дороги. Стал я хозяину помогать шить сапоги, ремонтировать сбрую для лошадей. Стал он меня брать в город за покупками. Стою, охраняю хозяйское добро и высматриваю, нет ли на базаре своих, славян. Месяц ездил и все напрасно, ни одного не увидел. Однажды оставил хозяин меня так же охранять его товар, а сам пошел по рынку. Подходит ко мне такой же, как я, пленный и говорит: «Месяц наблюдаю за тобой, думал, отойдешь хоть на минутку в сторону, а ты около воза торчишь, словно прилип к нему».

Познакомились и я рассказал ему о нашей с грузином мысли убежать домой, вот только не знаем, как это сделать и в какую сторону идти.

Расспросил незнакомец, где мы живем, сказал, что и сам хочет бежать. Дорогу знает хорошо. Ему хозяин за его честное отношение к работе разрешает немного ходить по базару, а дома, в селе, отпускает со своими детьми в горы.

«Вот я и стал спрашивать детей, что в какой стороне находится. Они мне все рассказывают и смеются, что я такой глупый и не понятливый.

Научил детей нашим славянским играм, а они меня своим. Сдружились мы, и мне один мальчик, самый старший, признался, что если я не убегу на этой неделе, то меня с моим напарником хозяин увезет и сдаст солдатам.

Мальчик привел с собой лошадей, и мы поехали к границе. Часа два ехали, потом я узнал горы на грузинской стороне и от радости закричал. Мальчик сначала испугался, а потом говорит: «Больше не кричи, ты здесь чужой и тебя могут другие люди из соседнего села забрать, а мои родители будут из-за меня наказаны. Бежать нужно перед праздником, когда все молятся и мало обращают внимания на пленных».

Поговорил я вечером с грузином, что знаю дорогу и хочу бежать. От радости он запел и стал подметать в конюшне. Окончив эту работу, пошел на виноградник.

«Твой друг с ума сошел, – говорит мне мой хозяин. – Только сумасшедшие поют и танцуют на работе. Побудь с ним и посмотри, чтоб он беды не натворил».

А я и сам рад, подпрыгнул бы до потолка дома, лишь бы убежать скорее домой.

Но как назло, нас купил соседний богач. Перевезли нас в другое село, а там, около дома нашего хозяина на бугре стояла школа с прохудившейся крышей. Пойдет дождь, крыша намокнет, и вся вода бежит детям на голову.

Однажды я сказал учителю, что могу наделать черепицы и перекрыть школу. Учитель упросил хозяина, чтобы мы в свободное время ремонтировали школу. Мой грузин ругается, кричит на меня.

– Устаю около виноградника, а тут еще нужно ремонтировать школу.

Забрались мы на крышу, и смотрим в сторону границы. Ничего не видит грузин, ничего не слышит, только ругает меня.

Надоело его бурчание, я ему и болтнул, что пришло на ум:

– Смотри в сторону границы, там видны горы возле твоей деревни, а ты все, глупец, кричишь.

Сначала он посмотрел на меня, потом в сторону границы и стал бегать по коньку школы. Совсем лишился рассудка, думаю, мой друг, а снизу во дворе школы смотрят на нас дети и взрослые, как он бежит.

– А откуда ты знаешь, что под той вершиной, мое село, мой дом? – спрашивает меня грузин.

– Раз много кричишь и бегаешь, значит, увидел свой дом.

– Ты настоящий друг, хоть ты и не русский. Я хочу бежать домой. То ты меня торопил домой, теперь я буду торопить тебя.

Собрал учитель всех родителей, чтобы нам помочь, перекрыть крышу. Покрыли ее черепицей, выровняли косые окна и двери. Мы идем по улице, а нам дети низко кланяются и благодарят. А хозяин нас ругает, что если еще пойдете «за так» что-то делать, отдаст солдатам, и окажемся мы в лагере, где таких, как мы, целое море.

Учитель каждый вечер приглашал нас к себе домой и учил турецкой грамоте. Через три месяца я мог написать первое письмо.

Однажды вечером учитель мне говорит, что если пойти в горы, то можно увидеть грузинскую сторону. За одну ночь мы легко можем дойти до реки, и на бревне доплыть до грузинской земли.

При его словах мы засмеялись, он тоже улыбнулся. Не все же реки бегут из Грузии в Турцию и из Турции в Грузию.

Стал он нас водить на горную речку и учить плыть на бревне. Мы со страху чуть не утонули, а наш учитель смеется и говорит: «Плохое начало, хороший конец».

Целую неделю плавали мы на бревнах, пока не научились не только держаться за них руками, но и стоять на них.

Учитель говорил: умеешь стоять на седле бегущей лошади, сумеешь и на бревне. С бревна упадешь в воду и не ударишься, выплывешь, а с лошади упадешь, можешь голову потерять. А грузин даже опередил меня. Так поднаторел, что прокатиться ему на бревне, что чихнуть. Он стал еще и нашего учителя учить, как нужно стоять на бревне, чтобы оно не вертелось, не сбросило тебя в воду, как лошадь всадника из седла.

Когда я научился езде на бревне, стали мы ждать дождливого дня. Во время дождя никто не ходит по горам, и пограничники отсиживаются, прячутся, где посуше. Кому вздумается в дождливую погоду плавать по бушующей реке.

Оставили на берегу реки свою одежду и полезли в воду. Дождь идти перестал, выглянула луна, а мы, как младенцы, голяком по середине реки плывем вниз к своим родным берегам. Видел кто нас или не видел, но мы приплыли.

Обнаружили нас первыми мальчишки и побежали предупредить взрослых, сказали взрослым. Те принесли нам одежду, дали покушать, известили на границу. Приехал офицер-пограничник и забрал нас. Долго никто не верил тому, что мы убежали, потом офицер, который за нами приезжал, повез нас в горы и сказал: «Спуститесь вниз по реке на бревне, поверю».

Грузин прыгнул вниз, за ним я, а по реке плывет огромное бревно. Залез на него мой друг, и давай на нем танцевать.

Офицер кричит нам:

– Там ниже по реке выступ, прыгайте в воду, сукины вы дети, а то разобьетесь.

Подпрыгнул мой друг выше прежнего, бревно развернулось, а мы перескочили на камень, потом на второй и выбрались на берег.

Бежит офицер со своими солдатами и кричит нам:

– Молодцы, браво! Я умею ходить по проволоке на руках и ногах. Хочу, чтоб вы научили меня плавать на бревне.

«Если научу, – говорит грузин, – отпустите меня домой? Мой дом рядом, вон у подножья той вершины».

«Так близко? Можешь идти хоть сейчас, меня научит твой друг».

Грузин засмеялся и говорит:

– Эти горы можно и за неделю не перейти.

– А тебе, Степан, как служится?

– Все время – на германской. Нас сразу отправили на фронт, что ни день, то новые бои. Нас, казаков, бросали в самое пекло, туда, где были горячие бои. Сколько пробыл на войне и ни одной царапинки, а тут не повезло. Царапнуло так, что долго придется отлеживаться. А в доме работе нет конца. Жена замучилась одна-одинешенька дома: летом – в поле, зимой лепила с детишками горшки.

– А где твои братья Василий и Никифор?

– От Никифора получили весточку, что служит на флоте, а от Василия нет ничего. Когда ушел с дядей Леонидом со своей сотней в Питер, сообщил, что доехал хорошо, служба идет нормально. А где сейчас, никому не ведомо.

– И когда ты снова, Хома, в свою часть?

– Врачи сказали, чтобы я через две недели прибыл. Если рана заживет, заберут на фронт.

– Пошли, Степан, проведем наших ребят, сегодня воскресенье, грех работать, можно побаловаться немного водочкой. Нынче женщины с любовью нас стали встречать, больно много нашего брата в селе поубавилось. А баба без мужика, что сирота-безотцовщина.

По дороге зашли к деду.

– Здравствуйте, дедушка, как здоровье, как поживаете?

– Здоровье, внучек, хорошее, пока бог миловал, болезни обходят стороной. Плохо без вас, дорогих, внучек. Когда вы были дома, веселее было, и дела шли в гору. А когда вас забрали на войну, трудно стало. Не только пасекой занимаюсь, много делаю и по хозяйству. Когда ушел внучек Василий со всеми в Питер, переехал я с бабой в его дом. Помогаю снохе. Она занимается горшками, а на мне вся домашняя работа. Баба моя приболела, только около печки вертится, а дальше сил нет. Ты бы, Хома, со своими служивыми съездил бы в лес, привез бы нам дров. Когда Василий уходил на службу, то привез несколько возов дров, я смеялся и говорил внуку: – «На всю жизнь не запасешься». Васек мне отвечал: «На всю, деда, нет, а на год-два хватит». Уже и служба окончилась, и запас дров иссяк, а его все нет.

– Нынче почта не работает, и поезда плохо ходят. Получим весточку, деда. Мой брат должен быть жив.

– Это твоя душа желает своего брата видеть в живых, а жизнь свое диктует. Сколько похоронок получили матери и жены. Сколько безотцовщины бегаёт по улице.

Хоть ты, Хомушка, не позорь наш род. Приходит служивый, не только свою бабу топчет, норовит и к вдовушке сбежать. И бабы нынче пошли греховодницы без стыда и сраму. Перед первым встречным мужиком готовы штаны снять.

Вот родила моя соседка от своего муженька, а через улицу школьная подруга вслед за ней произвела байстрюка. От кого – от ее мужа. Каково житье бабе после всего этого. Там парень, а здесь девка. Вырастут, пойдут на улицу... Узнают детки всю правду... Носить этот грех будут родители до самой смерти.

– Не горюй, деда, я еще сам не ожил, как следует. С моей распрекрасной не очень разгуляешься, любой бабе найдет, что сказать, любая молодуха на три версты от меня убежать будет.

– Тебе, Хома, повезло, жена красавица, работающая, за двоих мужиков тянет. Но лучше бы вы дома были, а они лямку за вас тянули, а побольше вам детишек рожали.

Опустошила война дома, нет в доме детского смеха, нет в семье счастья. Пейте, мальчишки, а я свое отпил, мне стаканчик – и хватит на целый день.

– Вы не переживайте, дедушка, мы с Хомой и ребятами поедем завтра в лес за дровами. Привезем вам и себе.

– Дай вам бог здоровья и на хорошем слове.

На следующий день Хома запряг лошадей, посадил жену и детей в воз, заехал к Степану, и оба со своими семьями отправились в лес.

В лесу было полно валеного леса. Женщины пилили, дети сортировали, а мужики валили сухостой.

Неделя прошла быстро, заготовили дров, затем с угольного склада два дня, делая по два рейса в день, завозили по полтонны угля. На третий день привезли и деду.

Сосед деда пришел в гости к Василию Васильевичу, когда солдаты разгружали уголь.

– Счастливый ты, Василий, что ни внук у тебя, то клад. Не чета моим сыновьям. Мои заглядывают только бабам под юбки. Приехал, показался, какой он молодец и скрылся. Ни угля, ни дров жене. Только оставил на память жене малютку, да и соседку не обидел.

Около старой вишни умываются мужики и слушают разговор двух дедов.

– Не горюй, дед, коль наш друг опростоволосился, мы поможем и вам. Завтра повезем горшки на базар, а оттуда уголька вам захватим. Будет время, привезем и дров.

– Вы, деда, нас так сильно не укоряйте, проголодался на войне солдат по бабской юбке, вот и дуреет с голодухи.

– Вам голодуха, а бабам и детям позор. На всю жизнь. А если муж вернется...

– Поймет он бабу, сам, небось, в походе ни одну юбку не пропустил.

– Чертово дитя! Мы так раньше не думали, мы боялись бога и не грешили.

– Так, деда, и не грешили! А я чье чудо и творение? Чей я грех по ночам обнимаю, не ваше творение!!!

– Не сердитесь, мужики, так всегда в жизни было, так мир устроен, что даже сильный человек теряет самообладание и контроль над собой.

– Вы, дедушка, не защищайте своего товарища, он первый начал, а не Степан. Сколько Степан пережил со своей женой. Дружить с ней не разрешали его родители: «Зачем тебе бай-стриючка, безотцовщина?». Женился, и как живут счастливо, всем на зависть.

Отец отказался дать Степану за то, что взял беднячку, без роду, без племени. Построили дом, обзавелись детьми, стал богаче жить, чем отец.

– Хотя отец и круто с ним обошелся, но он его любит и почитает. Все приготовил себе и отцу на зиму, еще братьям и сестрам.

– Слышали, дед, что завтра и деду-греховоднику привезут уголь и дрова. Давай, дед, лучше ставь на стол свой мед, хорошая будет закуска к змию, который стоит на столе.

Хома вернулся в часть. Товарищи радостно его встречали. В такое трудное время посылок из дому не получали, баловались только тем, что привезет солдат из побывки.

Положил на стол кусок копченого сала с колбасой и бутылку самогона поставил.

– Еле довез, ребята, – говорит Хома, – думал по дороге сам все съем и выпью.

Грузин со всеми пил и ел, расхваливал сало и самогон.

– А ты когда поедешь домой? – спрашивают грузина друзья.

– Жду Хому, вчера был у полковника, отпускает, как и его. Я ему говорю:

– Он мне что брат, жизнь спас, вместе были в плену. Разрешите нам вместе домой поехать.

– Если капитан замолвит за вас доброе слово, – отпущу! Так и быть, поезжайте!

– Иди! – кричат подвыпившие друзья.

– Пойду, но не сегодня, больно злая она у тебя, так и бьет в голову. Появись на глаза капитану, не домой поеду, а на гауптвахту.

Солдаты смеются.

Входит капитан, все вскакивают.

– Вольно! Садитесь! Допивайте и ложитесь спать! Увижу кого из вас на улице в таком виде... Посажу на дня три на гауптвахту.

Хома наливает капитану. Тот снимает фуражку, крестится.

– Пью, Хома, за твоё здоровье и ваши награды. То, что совершили подвиг перед пленом, обоим наградили Георгиевским крестом. А то, что струсил и попал в плен, за это меня выжимали и выкручивали на изнанку.

Когда полковник узнал, что вы выучили турецкий, повеселел, налил мне стопочку и велел завтра вас к нему привести. Нужно пленных турков допросить, а переводчиков нет.

Перевод сделаете правильно, оба в гости отправитесь. Сейчас в горах красота и пахнет сеном. Поможете недельки две косить старикам и назад. Не напейтесь там, не опозорьте честь мундира.

Хмельные ребята поздравляют счастливых с поездкой.

– Еще по одной на дорожку.

Капитан забирает остаток колбасы и сала. Берет под мышку бутылку с самогоном.

– Даю пять минут, и чтоб были в постели. Остатком угощу тех, кто стоит на улице. Бутылку верну, привезешь нам, Георгий с Хомой, нам доброго грузинского вина.

Солдаты поднимаются и уходят спать. Когда все улеглись, капитан вышел на улицу, позвал караульных.

– Беру, мальчишки, грех на душу, не положено, но вы соскучились за домашним. Вот вам выпивка и закуска. Старшина, смотри, чтоб был порядок.

Хома с Георгием отдыхали на славу. В пять утра поднимались и шли в горы косить сено. Когда становилось жарко, отдыхали на речке, купались и пили вино. До одиннадцати вечера сгребали и копнили сено, а в полночь ложились спать.

Пришла суббота, Джугашвили позвал все село в гости в честь приезда сына на побывку. Пели и танцевали до утра и только запели петухи, женщины побежали доить коров. Мужики выпили на дорогу и пошли вслед за бабами.

Старый не нарадуется своим гостем, весь род Джугашвили славился хорошими, честными мастерами. Умели делать все сами. Ткали полотно, шили сапоги, выделывали кожу.

В селе был гончар, он держал родную сестру старого Джугашвили Георга. На вечеру в субботу он хвастался перед гостем, что умеет лучше всех в их округе делать горшки.

Гость внимательно слушал старого гончара, улыбался и шутил вместе с ним.

– У меня дома полно готовых горшков, осталось обжечь и украсить.

Засмеялся Хома и говорит гончару:

– Я и вся моя семья тоже делаем горшки и продаем на рынке. Покажите свое ремесло, у вас большой опыт, а я покажу свое умение.

– Хорошо, я согласен, – ответил старый гончар. – Беда у меня в том что некому свой опыт передавать, жена родила мне пятерых детей и все девочки.

– У нас на родине женщины и есть лучшие кудесники в гончарном деле, если сделает горшок, не налюбуеться. Он и звенит и красотой отдает. Возьмешь в руки горшок, а он в руках переливается разными красками.

Старый Джугашвили своего шурина толкает в бок, покажи, какие у тебя горшки, и мой гость пусть покажет свое искусство.

Пришли гости к шурина. Жена подоила коров, коз и овец, выгнала пасти. Поставила гостям вина на стол. Старики выпили вино, забыли, зачем пришли.

Жена гончара привела гостя в мастерскую и показала изделия мужа. Взяла горшок и давай на нем рисовать незатейливые рисунки

Хома берет кисточку и горшок, тоже рисует.

– А у тебя, сынок, красивые рисунки получаются, знаешь хорошо и наш орнамент, турецкий, и свой. Какие нарядные и веселые получились горшки, таких на нашем базаре редко увидишь. Давай, сынок, докажем и мы нашему старому, что и мы с тобой не лыком шиты, умеем делать свое дело не хуже его.

Хома зажег печь и стал обжигать горшки. До обеда он провозился в мастерской, потом помогал девочкам по дому.

– Пойди, сынок, отдохни, ты ночь не спал, устал, небось.

– Дома привык всю работу делать от начала и до конца, а потом отдыхать. На службе отвык от домашних дел. В армии легче, изучаешь военное дело, а дома за день сто работ делаешь и никак не переделаешь. Одну сделаешь, а в очереди еще сто стоит. Не знаю, как там моя жена дома с детишками успевает все делать. Был дома, помог, чем мог, вот теперь служу.

Проснулся старик к вечеру, уже солнце садится, и кричит:

– Что ты меня, баба, не разбудила, всю работу проспал!

Стоит баба перед ним и смеется. Пойди, посмотри, что твой гость в твоей мастерской натворил. Испугался гончар и босиком бежать в мастерскую. А там сидит Хома за столиком и рисует на его горшках.

– Боже упаси, мой сын, у тебя чудесные руки, твои горшки пляшут на моем столе от твоих рисунков. А глазурь какая, как блестит. Красками горшки переливаются, как живые. И кто тебя учил такому ремеслу?

– В нашем роду все горшечники. И дед был лучшим мастером и мой отец. А вот мой брат Василий обогнал всех. На рынке только его горшки покупают. Ушел на войну, и ни одной весточки нет от него.

– Где твой брат служит?

– В нашем роду старшие братья служили во дворце, за спасение Екатерины II была оказана такая почеть.

На второй день пошел дождь, остался Хома в мастерской гончара. Выглянуло солнце и все пошли на луг ворошить сено. Смотрит Хома в окошко, а больная коза пошла в огород, он за ней, а она в погреб.

Закрыв все калитки, Хома и пошел выгонять козу из погреба. Заглянул в погреб, а там огонек светится. Спрятался Хома за винными бочками и наблюдает за играющими в карты мужиками.

Их сидит шестеро, на столе еда и выпивка, а в уголке сумка. Один из игроков берет сумку и говорит: «Мы можем опоздать с нашей газетой, не доставить вовремя».

«Куда спешишь, куда торопишься? Вчера солдаты и полицейские перекрыли дорогу, могут словить, нужно переждать, потом перейдем горы, и доставим газеты».

На несчастье коза задела ведро, оно упало, вино разлилось.

Выскочили мужики, прогнали козу и увидели солдата. Двое выхватили пистолеты и к Хоме. Не растерялся солдат, одного сшиб кулаком, второму надел на голову ведро. А тут хозяйка пришла, услышала шум и в погреб. Увидела драку и давай кричать на мужиков:

– Не смей трогать, это наш почетный гость. Он Георгия из турецкого плена спас, а вы хотите его убить.

Отступили мужики. Держат оружие в руках и испуганно смотрят на хозяйку дома, которая их спасала в этом погребе.

Солдат подобрал под ногами упавший пистолет и играет с ним перед нападающими. Потом бросил пистолет его хозяину и говорит:

– Играете в карты вы лучше, чем умеете обращаться с оружием. Хотел выпить кружку доброго вина, да коза вылила.

– Идите мальчишки, играйте в карты, а я накормлю и напою гостя.

Нехотя пошли мужики за потайную перегородку, хозяйка вышла с Хомой из погреба и плачет.

– Сбежал из армии мой племянник с другими солдатами, вот и прячутся в моем погребе. Не выдай их, сынок, пошлют на фронт или посадят.

– Главное, мать, живы, отсидаются здесь, пока не надоест, потом и сами явятся в часть. Многие нынче убегают, ничего страшного нет.

На улице стало темнеть. Во двор въехали солдаты и начали искать революционеров. Офицер проверил документы Хомы, спросил, не видел ли чужих во дворе.

– А мне здесь все чужие, и я чужой в этом доме –приехал с Джувашвили в отпуск, дядя его пригласил меня в гости.

Солдаты зашли в погреб, в сарай, в дом. Полицейский кричит: «Они здесь, ищите». Обыскали весь дом, ничего не нашли.

Ушли солдаты, хозяйка дома заплакала.

– Зачем, старый, водишь всех сюда, если бы нашли, быть тебе в тюрьме. Чужой человек промолчал, а свои предали, указали на наш дом. Теперь будут следить, когда они выйдут. А если поймают, убьют на месте. Забыл, как в этом году с какими бумагами были у нас!!! И что случилось с ними. В горах при перестрелке все погибли, там и похоронили.

– Не скули, баба, сегодня ночью ребята уйдут. Приготовь им что-нибудь на дорогу, а я предупрежу проводника-соседа.

Хома ушел в мастерскую, стал снова разрисовывать горшки, заниматься любимым делом. Утром пришел старый Джуашвили, забрал Хому домой. Идут оба домой, а старик ругается:

– Хорошо, что тебя не было дома, а то бы мой и тебя потащил бы ночью в горы. Нашелся мне революционер. Эти бездельники из-за границы приносят газеты и распространяют смуту. А он надумал их ночью через горы в город проводить.

Чуть моего Георга ночью солдата не прихлопнули. Ведет он их, а солдаты выследили и за ними. Революционеры открыли огонь, а солдаты прикончили троих дружков моего сына и давай убегать. Солдаты думали, что они бросят газеты, а мой дурень помог донести их до самого города. Около города их ждал свой человек, они сели на лошади и уехали.

Георг вернулся утром, и все это рассказал их связному, а мать стояла поблизости и все слышала.

Солдаты снова будут в селе, начнут допрашивать, не видел ли кто незнакомых людей. Будут спрашивать, кого из местных не было эту ночь дома.

Будут и у нас. Ноги крутит, будет дождь. Хотя бы пошел, тогда солдаты сегодня не доберутся до нас. А завтра Георгий будет в хорошем состоянии.

Снова с утра пошел дождь, старый Джуашвили открыл ворота: это добрая весть, гость в доме.

Гости пили, веселились, а Хома с младшими братьями и сестрами готовил помещение для сушки винограда. В этом году много винограда, будет много изюма.

Георг проснулся в обед, сестры и братья позвали его друзей, и снова до вечера в доме Джуашвили играла музыка.

На второй день пришли солдаты, проводили обыск по всей деревне. Дом старого Георга обходили стороной, и когда всех обошли, пришли и к Джуашвили. Жена накрыла на стол, поставила вино и пригласила солдат выпить за приезд сына.

Много пили солдаты, полицейский все время наливал и приглашал выпить за дом старого Георга Джуашвили. Он еле стоял на ногах и ругал вчерашний дождь, который не дал найти проводника революционеров.

Полицейский провел за ворота солдат, а сам вернулся в дом, сел за стол, пригласил Хому и Георга.

– За вас, сорванцов, пью, чтоб вам служилось хорошо. А тебе малый Георг, следующий раз сниму штаны и по заднице надаю. Когда баба дарит тебе платочек, не теряй его в горах.

Допил рюмку, встал, пожелал доброй ночи и ушел домой.

Хома встал из-за стола, подошел к цветку.

– Дядя Георг, ваш цветок тоже пьет вино и никак не пьянеет, как полицейский.

– Ну, подлец, я ему завтра дам трепака. Зачем переводит доброе вино, зачем спаивает цветок, зачем дурит всех, что он непробудный пьяница.

– Он все делает так, как ему подсказывает его совесть. Пойдешь, отблагодаришь, что спас твоего сына. Был бы другой полицейский, сидеть бы нашему солдатику в тюрьме. Наш кум чудесный человек, – сказала жена. – А сейчас, мужики, идите спать. Моя душа чувствует, что вы снова во что-то влипнете.

Время солдаты проводили в деревенских заботах. Отец Георга души не чаял в своем сыне и его товарище. Их дружба нравилась ему.

Был бы не женат Хома, женил бы здесь и оставил бы около себя с сыном. Вежлив и воспитан, не отказывается ни от какого труда. Умеет все делать сам. Знает цену жизни и умеет вести себя среди людей.

Отгуляли свое, пора и в часть. Как встречал сына Джуашвили, так и проводил – всем селом.

Хома вернулся в часть посвежевшим и бодрым. Капитан вызвал возвратившихся из отпуска солдат, поспрашивал, как отдыхали, что нового в деревне и как живут люди.

Его интересовало все. Георгий и Хома не успевали отвечать на одни вопросы, как он задавал другие:

– Нынче и в деревне живется не сладко. Обеднела деревня без мужиков, вы нужны дома, а не здесь.

Что бог делает, то к лучшему, а вам, мои солдатики, велено ехать на учебу. Нам на границе нужен переводчик, а его нет ни у нас, ни у наших соседей. Вас полковник отправляет на учебу, будете усовершенствовать турецкий язык.

Солдаты получили новую форму, трехдневный паек и вместе с капитаном поехали в часть, из части выехали на второй день. Прибыли в Тбилиси, нашли извозчика и поздним вечером приехали домой к капитану.

Капитана встречали отец и мать.

– Что, сынок, ничего не писал и вдруг прибыл, надолго ли?

– На денька два-три, отец. Как определяю своих ребят в школу переводчиков, так сразу и уеду.

Школа находилась недалеко от дома капитана, и Хома с Георгием остались жить в доме стариков.

Учили не только турецкий язык, но и русский, и грузинский. Майор Лыков собрал всех курсантов и долго с ними беседовал.

– Вы не только будете переводчиками турецкого языка, вы должны быть грамотными и уметь хорошо читать и писать на своем грузинском языке. Вас, грузин, здесь больше, чем других национальностей.

Умеете говорить по-турецки, так как жили дома среди турков, а сейчас настало время изучать их язык так, чтобы вас никто не смог бы отличить от турков ни по разговору, ни по поведению.

Здесь будете говорить только на том языке, который изучаете.

Трудно было первый месяц. Хома в школе чувствовал себя словно в турецком плену. Ночью часто снился учитель-турок, который учил первым турецким буквам.

Потом стало легче, прошли и забылись сны о плене. Ложился и вставал, изучая новые турецкие слова. По ночам, если не спалось, с Георгием говорил по-грузински, а он ему отвечал по-русски.

У Хома хромал и русский, дома он окончил церковно-приходскую школу на украинском языке. У него получался корявый русский говор.

Иногда майор брал с собой не грузин, а славян, говоря «славяне, за мной» и отвозил в горы к крестьянам. Здесь самая лучшая школа, народная, утверждал он.

«Помогайте тем, у кого сыновья в армии, а сами учитесь у них говорить по-грузински».

Вечерами деревенский учитель собирал их около школы и проводил с ними диктанты. Учил грамотно писать. Давал учебники, и на следующий день гонял по грамматике.

Первые дни старики-грузины были недовольны новыми поселенцами и их занятиями с учителем. Прошла неделя, потом вторая, молодые парни выполняли все то, что требовал хозяин дома, в котором они жили и успевали учиться.

Даже ярые нацмены грузины стали приглашать парней в свои дома. Когда приехал майор, старики с почестью встретили его.

– Не обижайся, господин майор, что вначале плохо вас приняли, боялись за честь нашего села, а вы оказывается хороших парней нам привезли. Сейчас любой из нас с удовольствием поговорит с вашими солдатами. Они умеют и работать и отдыхать.

Много позанимался с ними наш учитель, теперь ваши солдаты умеют говорить по-нашему. Особенно Хома, тот даже вечерами под гармошку поет наши песни.

Вечером майор со своими солдатами пришел к учителю. Он посмотрел, как успевают его курсанты по грамматике. Был написан диктант. Майор хорошо знал грузинский и вместе с учителем проверил их.

– Можно забирать ребят или пусть еще подучатся? Многим трудно говорить и писать, а в деревне все их знают и стараются с ними разговаривать. Пусть закрепляют свои знания.

– Согласен с вами, дорогой мой коллега. До армии я был только учителем и знаю труд учителя. Полковник вам приказал оплатить за учебу, и если вы продолжите занятия, я поговорю, чтобы вам оказали материальную помощь.

Привезу в следующий раз досок, гвоздей, стекла. Отремнтируем вам и школу и ваш дом. Небось, хозяйка ругается, что дом валится, а вы учите бесплатно.

Жена учителя, услышав слова майора, улыбнулась.

– Я привыкла, что мой муж всегда рад помочь другим, не заботясь о своем доме. Бедно живет в селе учитель, мы выживаем за счет того, что дают родители за учебу детей. А нынче государство забыло, что где-то в горах есть школа и учитель должен получать зарплату.

– Обещаю, сам позабочусь, чтоб вам выплатили зарплату.

В следующий раз майор приехал не один, а с инспектором школ. Он привез все, что обещал учителю и его жене.

Несколько дней курсанты ремонтировали школу и дом учителя. На прощание майор подарил учителю старую военную лошадь.

– Хотели ее списать в солдатский котел, а я упрямил начальство подарить ее вам за ваш бесценный труд. Согласились. Хоть и старая лошадка, но скоро принесет потомство и получите в будущем хорошую подмогу. За курсантами приедет мой помощник. Желаю вам успехов в обучении моих ребят, а вам, дорогая хозяйюшка, желаю здоровья и счастья.

Курсанты, по-своему решили отблагодарить учителя. Пошли к кузнецу и договорились с ним сделать хорошую бестарку и воз.

В знойный день все мальчишки купались в речушке. Хома подошел к ним с двумя товарищами, и тоже стал купаться.

Наплававшись и напрыгавшись, солдаты вытащили из своей сумки еду, пригласили ребят к застолью.

За едой ребята перешли к солдатам на «ты», много смеялись и веселились.

Перед окончанием обеда Хома спросил ребят, могут ли они помочь им сделать подарки учителю.

– А что вы хотите подарить учителю?

– У вас в каждом доме есть лошадь и воз, а у учителя нет ничего. Майор подарил ему лошадь, а мы хотим сделать тележку, чтоб он мог ездить косить сено, возить дрова, ездить на базар.

Я слышал, что где-то в горах, недалеко от вашей деревни, глубоко в ущелье лежат несколько разбитых телег, там есть целые колеса. А самое главное для нас – поднять из ущелья железо. Мы сами в кузнице сделаем и откуем то, что нам будет нужно.

– Мы вам покажем, где они. Но это очень глубоко и туда опасно спускаться.

– А кто знает менее опасную дорогу?

– Отец и жена учителя. Она родилась там, недалеко от этого ущелья и часто говорила кузнецу: «Откуете мне топор, я покажу место, где много железа в ущелье». Кузнец брал у нее топор, оттягивал его, точил и отдавая, говорил: «Ничего мне от вас не нужно, пусть хорошо учит ваш муж наших детей, а топор пусть рубит легко дрова».

Хома ходил с мальчишками к ущелью, оно было глубокое и внизу ничего не было видно.

Вечером, сидя с учителем, он рассказывал ему о своем походе в горы и что он был около ущелья.

Жена учителя засмеялась, потом спросила:

– А вы не пробовали вверх идти над ущельем? Если подняться чуть выше к растущим деревьям, там увидите трещинку. Когда-то по ней спускались люди в ущелье и выходили на большую дорогу. Теперь наши люди забыли эту дорогу, построили мост и не нужна старая дорога. Там несколько лет был обвал, если перейти этот небольшой участок, можно выйти к нашему дому, где я родилась. А если пойдете левее, там найдете много разбитых телег, они лежат со дня большого обвала в горах. Многие пытались туда спуститься, но страх возвращал их назад.

Мы с отцом спускались несколько раз, брали там колеса, ось на телегу. Потом отец один раз споткнулся и вывихнул ногу, и оставил свой замысел поднять все из ущелья, что там лежит.

Несколько раз подзадоривала кузнеца, он только усмехнется на мои слова и громче начинает бить молотом по наковальне.

– А вы сможете нам показать туда дорогу? – спросил Хома.

– Смогу в воскресенье. Я слышала от ребят, что вы ищете железо. Муж поедет на базар, а мы с вами ходим в ущелье. Вы пойдете одни?

– Если много железа, как вы говорите, возьму ребят.

– Берите!

Пришло воскресенье. Учитель посадил детей на воз и поехал за покупками на базар. Хома собрался с ребятами за кладом в ущелье.

Внизу было светло и сыро. Женщина показывала, где больше чего лежит. Курсанты собирали и поднимали наверх.

Мальчишки приехали со своими лошадьми, и все перевезли во двор учителя.

– Отец мой много говорил об этом ущелье и хотел все поднять, но не смог. Если я ему расскажу о вашем интересе к его кладу, который вы подняли, он не поверит. На любой гулянке он упрашивал мужиков сходить всем в ущелье, и все отказывались, называли его сумасшедшим. Ему отвечали, зачем идти самому на смерть, если можно здесь хорошо прожить.

Вернулся учитель домой поздно вечером. Ему по дороге домой жители села рассказали о том, что его жена была с курсантами в ущелье и вынесла все, что было там ценное. Сложили у него около дома.

Он увидел всех своих взрослых учеников за работой, они перебрали старые телеги и делали ему новую.

Дети, увидев мать, подбежали к ней. Учитель занес покупки в дом, подошел к жене, нежно обнял и спросил:

– Страшно было?

– Как в детстве, когда ходили с отцом. Кружилась голова, и тяжело было идти. Хома часто поддерживал меня и говорил, что такое часто бывает и у их жен, когда спускаются впервые в колодец за гончарной глиной, а потом эта слабость проходит.

Зато ребяташки из нашего села носились, как угорелые по ущелью. Подобрали все и вынесли наверх.

Был кузнец, не верил всему увиденному, просил продать и деньги большие даст за это.

Но Хома сказал: сделаем подарок учителю, а там, что он хочет, то и пусть делает со всем этим.

– Хозяин всему этому – жена учителя, – сказал он.

Видишь, какие хорошие у тебя ученики.

Снова принялись за заучивание новых слов, повторение грамматики. По утрам зарядка, бег на большие дистанции, самозащита и стрельба.

Георг по субботам и воскресеньям брал с собой Хому, и они шли к его родственникам. Как и в деревне, косили сено, ходили в горы за дровами.

Тетя Георга жила одна и больше всего времени они проводили с ней. Она преподавала в лицее английский язык. Зная хорошо турецкий, она долгие часы обучала их произношению

турецких слов. Иногда она шутила со своими учениками и называла все домашние вещи и предметы по-английски.

Хома с Георгом, тоже шутя, отвечали ей по-английски. Прошла осень, наступила зима, во дворе было сыро, и слякоть заставляла их сидеть дома. Улицы были мокры и повсюду стояли лужи.

Тетя брала сказки на английском языке, смеясь говорила своим гостям: «Садитесь, детки, я вам почитаю сказку».

После прочтения сказки, она требовала пересказать ее по-английски. Они пересказывали и смеялись друг над другом за плохое произношение.

Пришла весна, и ребята уже весело болтали по-английски о временах года, о доме, об улице.

– Вы способные ученики, думаю, если ваше начальство узнает, что вы выучили бы английский, быть вам в другой школе. Мало военных, знающих иностранные языки, а повзростеете, начнутся новые заботы.

– Какое счастье для семьи, когда отец или муж возвращается из армии не бывшим служакой, а грамотным, умным и сильным.

Утром рано Хома взял книгу на английском языке и стал читать. Курсанты спали, и перед подъемом вошел полковник. Увидев Хому с книгой в руках, подошел к нему, дал знак, чтоб не будил курсантов.

– Читаешь на английском языке свободно? – спросил полковник по-английски.

– Да, господин, полковник.

– И это твоя книга?

– Нет, это книга моего товарища.

– Он тоже свободно говорит и читает, как ты?

– Да, господин полковник! Мы друг с другом говорим по-английски, когда находимся вне школы. В школе и на занятиях разговариваем по уставу, только по-турецки.

Полковник перешел на турецкий язык. Хома ответил.

После завтрака все курсанты пошли на занятия, Хому и Георга вызвал к себе полковник.

В кабинете полковника сидела высокая, красивая женщина. Они оба говорили по-английски и весело смеялись.

– Посмотрю на ваших курсантов, вы их так расхваливаете, как своих собственных детей.

– Хотелось бы самому иметь таких прилежных к учебе и работе детей. Но, увы, мои избалованы и никакого не имеют представления о жизни. Мои женаты, замужем. Живут одним днем. А эти тоже семейные, но столько

прилежания и стремления к учебе, прямо дивно. Отпускаю по субботам и воскресеньям к тете Георга, они изучили с ней английский.

Другие получают гауптвахту за время увольнительных, а они только благодарность.

Увидев вошедших курсантов, женщина встала и, продолжая разговаривать с полковником, обошла их, внимательно посмотрела на каждого.

Пригласила сесть, полковник вышел. Разговаривала незнакомая с курсантами больше часа. Потом дала листочки бумаги, посадила за стол и стала диктовать текст.

Окончив, забрала листочки, велела пойти подышать свежим воздухом и позвала полковника.

XII КАЗНЕН И ПОМИЛОВАН

Курсанты были на занятиях. Георг и Хома ходили во дворе, ждали вызова полковника. Проходили офицеры, весело здоровались, как с равными, называли счастливыми.

Окончились занятия, товарищи окружили их, начали спрашивать, почему вызвал полковник.

– Мы не знаем, велели ждать, вызовут, скажут.

– Так ли и не знаете, – говорили другие. – Вы просто зазнались, не признаетесь, что вам повезло.

Ординарец позвал курсантов к полковнику. У него в кабинете сидели все преподаватели и шумно говорили друг с другом.

Вошли курсанты, стало тихо. Полковник встал, вышел из-за стола, подошел к вошедшим.

– С сегодняшнего дня я вас передаю моему лучшему другу детства, коллеге по работе, полковнику Якименко Надежде Павловне.

У нее еще есть дела в нашей школе, идите к дежурному офицеру, получайте увольнительную и отдыхайте. Можете съездить в деревню к тете и дяде Георга. Только быть здесь вовремя.

Надежда Павловна вышла следом за своими курсантами.

– Думаю, мы подружимся, такие, как вы, нужны обществу и его высокопревосходительству императору Николаю II. Детали обсудим, когда приедем на место.

В городе было развешено огромное количество листовок: «Долой самодержавие!», «Долой царя!» «Землю тем, кто ее обрабатывает!». Повсюду сновали полицейские и срывали их со стен домов.

На улицах было оживленно, многие говорили о восстании рабочих, о советах. Побродив по улице и купив подарки для родственников Георга, они вернулись обратно.

Около учебного корпуса стояли полковник и Надежда Павловна.

– Куда собрались, мальчики?

– В деревню, к тете.

– Я еду в ту сторону и могу подвезти, а буду возвращаться, заберу вас обратно. Не бойтесь меня, соглашайтесь на мое предложение. Коль улыбаетесь, значит, согласны. Через полчаса в дорогу. Жду на этом месте.

После дождя воздух был полон ароматов цветов. Детишки бегали по лужам, разбрызгивали вокруг себя воду. Родители, увидев своих чад грязными, мокрыми, загоняли домой.

– Хватит бегать по лужам, на кого похожи, вымочились и вымазались словно черти. Дети не обращали внимания на крики родителей и продолжали бегать.

Загоняли родители детей, кто шлепком по заднице, кто хворостинной. Малые сорванцы, увеличивали скорость и бежали домой.

Надежда Павловна смотрела, как бегают дети, как падают в теплые лужи и звонко смеются.

– Самое счастливое время – это детство, – сказала Надежда Павловна. Я тоже любила после дождя бегать по лужам. Смотришь на забавы детей и самой охота побегать вместе с ними.

Человек всегда с теплотой и улыбкой вспоминает свое детство, какое бы оно не было, хорошее или плохое, тяжелое. Это целый сказочный мир. Счастливый тот человек, который долго носит в себе детские привычки, переживания, способен на улыбку, смех. Ему легко живется, он быстро умеет всем все прощать, на его детскую наивность люди отвечают взаимностью. Такие люди быстро находят себе друзей, мало переживают и быстро умеют все плохое и дурное прощать.

Как любили мы, девочки, играя в прятки, прятаться от мальчишек на деревьях. Искали самые кудрявые и роскошные деревья и среди них прятались.

Придешь домой, коленки разодраны в кровь, мать ругается, а отец нежно погладит по голове, поцелует и скажет: «Уймись, мать, не кричи, девочки хотят доказать мальчикам, что они тоже умеют лазить по деревьям, быстро бегать. Иди, дочка, умойся и переоденься». Отец начинает помогать матери накрывать стол, устанавливается тишина, и мы все садимся за стол.

А нас в доме было шестеро, а я – самая младшая. Мать часто говорила: «И в кого ты удалась, такая озорная?».

Капитан говорил, что хорошо поете. Спойте мне несколько песен на грузинском и русском языках, одни и те же песни, а я вам подпою, если их знаю.

Георг начинает петь, за ним Хома. Надежда Павловна сначала слушала, потом запела. У нее был звонкий голос, она пела легко и с увлечением.

Они въезжали в деревню, и люди, услышав песню, выходили за забор посмотреть, кто поет.

– Вот я и дома, Надежда Павловна. А с вами легко путешествовать, вы умеете легко скоротать дорогу. Приглашаю в гости к моему старшему брату.

– Спасибо, мои милые, идите, отдыхайте и ждите меня. Георг, тебя вышли встречать.

– Может, познакомитесь с моей родней.

– Это можно, но на недолго. – Она встает с коляски, низко кланяется всей семье брата Георга.

– Вот привезла вам гостя, а мне разрешите ехать дальше.

Георг знакомит всех с Хомой. Все слышали о его друге-казачке, обнимают и целуют, как родного.

– Почему не известил, что приедешь?

– Хорошо, что дали отпуск, а хороший гость и без предупреждения званый гость, – говорит сноха.

Мальчишки окружают Хому и ведут в дом. В доме полно горшков и сырой глины.

– Извини, брат, хочу немного денег заработать, вот и дом превратил в гончарню. Скоро выдавать замуж старшую дочь, а денег нет. Сидим, лепим день и ночь. Если будет удача, продадим и соберем немного денег.

– Чем я могу заняться в вашем доме, чем помочь?

– А что умеешь делать? – спросил брат Георга.

– Он гончар, как и ты, брат. Хорошо рисует на горшках, как живые получаются они у него. Дай, пусть рисует.

Дети садятся на коленки, смотрят, как рисует Хома, и слушают, как он поет.

Младшая дочь берет кисточку, подсаживается к Хоме, поет вместе с ним и срисовывает то, что он нарисовал.

– Это очень просто рисовать, как вы рисуете.

– Просто и легко, когда умеешь и любишь делать свою работу. А когда умения нет и любви нет к работе, то сколько не старайся, ничего не получится.

Дети сели кругом около Хомы, засмеялись, посмотрели друг на друга...

– Чур, не смеяться без дела! Давайте поиграем, кто из нас лучше украсит горшок, чьи рисунки будут смеяться и плясать.

– Живее начинайте, и я хочу посмотреть, как ваши рисунки будут смеяться и плясать.

Вошла мать, позвала всех обедать. Каждый подносил ей горшок, показывал свой рисунок.

– Хватит, замучили вы меня со своими рисунками. Чей лучше, будете оценивать сами.

А когда повезем на базар, чей горшок дороже продадим, тот и будет самым красивым.

За столом стало тихо. Все смотрят на Хому.

– Ваши горшки будут самыми дорогими, на них даже наша коза и баран смеются. А мама на рисунке шлепает меня, не кричит, а танцует. Кому не понравятся такие горшки.

– Но горшок должен быть не только красивым и твердым, но и звонким. Дядя Хома говорит, что все горшки будут завтра звенеть и сиять на солнце.

В полдень отдыхали, пошли в горы, насобирали грибов. Хома приготовил грибной суп.

– Прошу отведать моего грибного блюда.

Брат Георга кушает с аппетитом и приговаривает.

– Хорош грибной суп, если бы еще сюда добавить граммов триста мяса, можно было бы пальчики облизать.

– Как продадите горшки, будет вам шашлык. Благодарите бога за то, что есть. Слава богу, не голодаем.

– Грибы можно жарить с мясом, но это уже грибно-мясной суп. Завтра приготовлю суп с фаршированным мясом и грибами. Моя мама готовит дома одну фасоль с подсолнечным маслом и луком. Объедение, такое блюдо готовят летом, когда нет мяса.

Хозяйка слушает Хому, потом спрашивает.

– Вы дома сами все готовите, мужчины?

– Нет, у нас кухня лежит на плечах жен. Мужчины работают в поле, пашут, сеют. Женщины во всем им помогают. Во время праздников собираются все вместе, поют, танцуют.

Хома берет младшенькую дочурку хозяйки себе на колени и начинает петь.

Соседка, услышав пение в доме соседа, прибежала посмотреть, кто так хорошо поет.

– Это у тебя солдат поет так хорошо по-грузински?

Георг подает стулья соседке и подошедшему соседу. Сам садится около Хома и тоже начинает петь.

Прослушав песню Георга, соседка толкнула мужа в бок: а мы, что хуже поем...

Муж начинает петь, жена подпевает.

Около порога собрались другие соседи и слушают их пение.

– Хорош у тебя гость не только за работой, но и за столом. С таким не соскучишься, и работа спорится.

Джуашвили со своими товарищами поехал за газетами и листовками. После дождя дорога в горах была скользкая. Решили найти сухое место, чтобы обсушиться около костра, потом идти дальше.

Спустились к роднику, нашли воду, сели перекусить и отдохнуть. Вячеслав пошел по нужде в кусты и наткнулся на свежие следы. Группа людей шла по тому же направлению, куда шли и они.

Вячеслав вернулся и рассказал об увиденных следах. Джуашвили прошелся вниз, потом вернулся назад и поднялся по чужим следам вверх.

– Люди прошли с оружием в руках. Это не местные жители и не солдаты. Кто они? – думал он.

– Что опасное увидел, Джуашвили? – спросил Вячеслав.

– Девять человек прошли по этой тропинке, по которой нам нужно идти, они вооружены. Если солдаты, то нам нежелательно с ними встречаться. Можем попасть в засаду. Нас «черный» предупредил, что в горах можем встретить солдат.

– Что будем делать, Вячеслав, идти по их следу или в обход?

– Обходить нет у нас времени. Нам нужно их догнать и опередить. На месте встречи мы должны быть первыми, чтобы предупредить своих.

– Двое из нас хорошо знают эту дорогу. Это я и ты. Решайте, кто пойдет вперед. Нужно их догнать и в случае, если попадет к ним наш посыльный, чтоб не было подозрения.

– Придется тебе, Вячеслав, идти. Здесь в горах работают русские лесорубы. Если попадешься, скажешь, заблудился, а мы будем идти за тобой.

Дорога стала сухая, в этом месте дождя не было. Вячеслав шел быстро, местами перепрыгивал небольшие камни и невысокие кусты. След неизвестных ему людей хорошо был виден на давно нехоженой тропинке.

Сначала услышал запах дыма, увидел солдат.

– Девять!

Он вернулся назад, сделал небольшой обход вокруг солдат и вышел вперед них.

Вячеслав пропустил товарищей, постоял полчаса, наблюдал, как солдаты сушились, кипятили чай.

– Еще есть в запасе десять минут, мои должны дойти до места встречи.

Он тихонько прополз к солдатам и стал слушать, о чем они говорят.

– Через часа полтора мы будем на месте встречи, куда принесут газеты и листовки. Мы должны их схватить на месте, – сказал сидевший спиной к Вячеславу полицейский.

– У нас еще сутки впереди. Листовки принесут завтра.

Вячеслав догнал своих на месте встречи.

– Костер не разводите, привала не будет. Пойдем навстречу нашим товарищам. Не исключено, что и там по их следу идут солдаты. Нужно менять дорогу.

Через полчаса обе группы встретились. Джугашвили с Вячеславом рассказали о солдатах.

– А мы прошли спокойно, за нами нет хвоста, – сказали подошедшие.

Вячеслав пошел по следу пришедших, через пятнадцать минут он увидел, как по следу его товарищей идут солдаты.

Стерев следы временной стоянки, они разделились на четыре группы.

Солдаты долго искали следы, потом нашли их около родника, они вели вниз в широкое ущелье.

За ущельем начинается небольшая горная река. Следы шли вначале по берегу, потом возле крупного валуна они исчезли.

На песке лежал обрывок веревки.

– Они ушли на ту сторону речки, – сказал офицер. – Через час-два мы обогнем эту возвышенность и настигнем их.

У каждого за плечами был пуд бумаги, чем выше они поднимались, тем тяжелее становилось идти. Ремни рюкзаков врезались в плечи, люди подставляли под них ладони, пальцы, чтобы немного ослабить боль в плечах.

Сделали небольшой привал, убрали следы своего присутствия и снова двинулись вверх.

Уставшие и голодные они еле передвигали ноги. Остановились на небольшом плато.

– Георг, дай нам немного отдохнуть, мы и так давно оторвались от солдат, а ты все гонишь, как угорелый.

– До наступления темноты нужно дойти к месту встречи, там и отдохнете.

– На наших плечах появились пузыри, если лопнут, что я буду делать, какой из меня носильщик.

– Ахмет, не скули, натолкай травы или перекладину подложи.

– Всю кожу содрал, рубашка липнет на натертом месте, скоро натру плечи до крови.

– Дай мне часть груза, отдохнешь, потом возьмешь.

– Нашелся силач, сам с вершок, а хочешь еще кому-то помочь. Давай лучше отдохнем.

Мы уже два условных перевала прошли, два отдыха оставили позади и все идем и идем. Имей совесть, Георг.

– Мне дорог ты, Ахмет, а не твои плечи. Сейчас за поворотом новый перевал, там и отдохнем.

Только вышли на перевал, внизу появились солдаты, они шли в другую сторону.

– Уходить нужно с перевала. Вдруг сюда придут солдаты.

Шли быстрее прежнего. Около часа. Потом Георг сказал: привал.

Положили рюкзаки и попадали на землю. Сердце от сильного волнения билось, а ноги тряслись от непомерно тяжелого груза.

Георг с Ахметом оставили свой груз и направились в сторону солдат. Солдаты отошли от места встречи метров на пятьдесят, сели отдыхать. Они развели костер, поставили чайник.

– Они стоят, Георг, на нашей стороне дороги и ждут нас. Кто-то нас предал или выследил, по какой дороге мы ходили.

– Это случайность, Ахмет, мы ни разу не прошли дважды по одной и той же тропинке в горах с нашим грузом. Они догадываются, где мы можем пройти. Проводники у солдат – наши же грузины, а они хорошо эти дороги знают. Уходим, пока время работает на нас.

Разрозненные группы соединились, сделали небольшой отдых. Георг подошел к Джугашвили.

– На твоей тропинке были солдаты.

– Следов нет. Но мы недавно вышли на ваш след и заметили солдат.

– Этих, что вы заметили, бояться не надо, они ждут нас. Мы их обошли. Узнать бы, где вторая группа солдат, и не нарваться на них.

Ты, Иосиф, оставь свой груз и иди впереди. Заметишь солдат, дай сигнал, а если не успеешь, попробуй отвести их.

– Оставайтесь, я пошел.

– А зачем взял груз?

– Кому из вас мой груз нужен, еще есть сила, понесу.

– Будь осторожен, не напорись на солдат.

Джугашвили уходит, остальные поднимаются и идут вслед за ним. Иосиф заметил солдат и хотел присесть. В это время рюкзак он держал в руках и шевелил онемевшими плечами.

Выпустив рюкзак из рук, он вышел на оклик солдат.

– Кто идет? Стрелять буду!

Солдаты, увидев вышедшего из кустов парня, опустили оружие и ждали его подхода.

Заметив это, товарищи подобрали рюкзак и скрылись в кустах. Иосиф выхватил пистолет, выстрелил и скрылся в том направлении, куда убежали товарищи.

Упав на землю, солдаты начали стрелять. Убегающий быстро скрылся в густых зарослях и исчез.

В том месте, куда убежал незнакомец, раздался шум, зашевелились ветки и из-за кустов вышли бараны.

Солдаты подбежали к кустам, потом в том направлении, куда скрылся беглец. Они увидели старого пастуха, гнавшего баранов домой.

– Встречался вам кто-нибудь в горах?

– Нет, я здесь один со своими баранами.

Догнав товарищей и взяв у них свой рюкзак, Джугашвили пошел вслед за ними. Иногда он отставал и прислушивался, не идут ли солдаты.

Было тихо, только блеяли барашки. Старый пастух шел следом за баранами. Утих шум, старик скрылся за кустами, где были солдаты.

– Нужно идти быстрее, – сказал Иосиф.

– И этот гонит нас, как угорелый. Тише едешь, дальше будешь, – бурчит Ахмет.

– У старика орлиные глаза, он видит лучше, чем мы с тобой.

– Это ты верно сказал, нитку вдевает в иголку в свои семьдесят пять без очков. Он молчун, за всю свою жизнь старик ни раз не сказал, что я видел. Что бы ни спросил, ответит «нет».

– Ты совсем испортил свой новый костюм, Иосиф, и зачем ты его надел.

– Это мой талисман, все думают, что я отдыхаю в горах и сейчас, когда заметили меня солдаты, они подумали, что я отдыхающий.

– Ты опасный отдыхающий, но все-таки счастливчик. Меня бы они подстрелили бы, как утку. Давай помогу нести.

– Спасибо, Ахмет, потом, когда совсем устану, пойду вперед.

Иосиф ускорил шаг, обогнав товарищей, и пошел вперед. Его друзья останавливались, услышав условный знак, двинулись вперед.

Джугашвили стоял на месте встречи, они должны свой груз отдать своим товарищам. Но на место встречи никто не пришел.

Отдых был не долгий. Прибежал мальчишка, известил, что солдаты арестовали всех, кто шел к ним. Приказано груз на место доставить самим.

Это десять километров в обход.

– Я покажу короткую дорогу, она очень опасная. Двигаться придется над обрывом.

– Дорогу хорошо знаешь? – спросил Георг.

– Дядя Иосиф тоже знает, он и пойдет впереди, – ответил мальчик.

– А почему дядя Иосиф?

– У его родни в селе гости, а на праздник в гости люди движутся быстрее обычного, забывая усталость.

Перешли через мост на вторую сторону реки, сделали небольшой привал.

– Что слышно, малыш, нового в селе и почему никто не встретил нас?

– В селе полно полицейских, ищут двух беглецов из тюрьмы. В соседней деревне убили портного, забрали у него деньги и скрылись.

– Беглецы-убийцы из вашего села? – спросил Георг.

– Нет! Из нашего села никто не сидит в тюрьме. След убийц привел полицейских а наше село. Всех чужих, кроме жителей, арестовывают и везут на опознание.

К речке подошли женщины стирать. Мужчины оставили свои рюкзаки и спрятались в кустах.

С другой стороны подошли другие женщины, забрали газеты с листовками, вместо газет положили продукты и скрылись. Мальчик махнул рукой мужчинам. Они вышли из-за кустов, взяли рюкзаки и попрощавшись с маленьким проводником, заспешили домой.

– В этих местах много рыбы, сюда любители порыбачить приезжают часто на отдых. Но если сегодня дождь был в соседнем селе, никто не приедет, мы можем порыбачить.

Иосиф, ты костюм у здешнего портного брал?

– Да! Здесь у него было их всего два.

– Ты, Иосиф, влип в неприятную историю. Если убийцы, как говорит мальчик, убившие портного, забрали второй костюм, будут искать человека в костюме, который ты носишь.

– Я про это думал, Георг, когда слушал мальчика, но не ходить же мне голому, выбросив костюм.

На второй стороне речки было много рыбаков. Наши беглецы спустились ниже реки, разожгли костер, вскипятили чай, решили отдохнуть.

Достали из рюкзаков крючки, нарезали длинных удилиц и начали рыбачить.

Клев был чудесный, и вскоре в котелке закипела уха. Проголодавшие беглецы с большим аппетитом принялись за еду. Вдруг на второй стороне послышались выстрелы. Иосиф поднялся на высокий берег реки, откуда слышны были выстрелы. Солдаты стреляли в рыбаков, те, подбрав удочки, попрыгали в воду и скрылись в прибрежных зарослях реки.

Посмотрев вниз, он увидел полицейских, которые направились, где сидели его товарищи. Побежав в сторону полицейских, он выстрелил. Полицейские кинулись за ним, его товарищи, собрав вещи, залив костер водой, скрылись. До них доносились выстрелы.

– Пока стреляют, Иосиф жив, а там, как бог даст, может, убежит.

– Там крутой подъем и голые скалы. Убежать он убежит, а где спрячется? Хороший стрелок попадет в карабкающегося на голой вершине.

– Георг! Давай прикроем Джугашвили, пока он карабкается.

– Не стоит, на вершине его уже ждут солдаты.

Все подняли головы. На вершине стоял высокий человек, он ждал поднимающегося вверх беглеца, чтобы его схватить. Через несколько минут он будет в руках солдат.

– Боже мой! Спаси его душу и тело. Человек, стрелявший в полицейского и попавший в солдатам в руки, обречен на смерть. Они растерзают его на месте.

Полицейские кричали: «Это он, ловите его!». Они стреляли, но пули, выпущенные из пистолетов, не достигали цели.

Иосиф поднялся вверх, еще одно усилие – и он спасен. Чья-то сильная рука схватила его за плечи и подняла вверх.

У ног незнакомца лежал человек, которого он сбросил вниз и выстрелил вслед.

К упавшему телу подбежали полицейские, перевернули его, окровавленным лицом вверх.

– Это он, – они взяли труп за руки и ноги и понесли в гору.

Наверху около телеги стояла лошадь. Сняли брезент с телеги, положили на нее второй труп, перекрестились.

– Слава богу, не ушел. Нужно узнать, кто из солдат помог нам его поймать.

– Приедем в деревню, там стоят солдаты и все узнаем. Через несколько минут подошли раненные Иосифом полицейские.

– Мертв!

– Нет ни единой целой косточки, весь помят. Падал с большой высоты.

И стрелял издалека, а то отправил бы нас на тот свет.

Солдаты, увидев полицейских, несших труп упавшего человека, закричали:

– Это наш беглец. Мы его ловим!

– Нет! Это наш пленник, он ранил многих из нас.

Полицейские пошли по одной стороне реки, солдаты по другой.

Незнакомец в военной форме, помогший подняться Иосифу наверх, приказал ему спрятаться в густых зарослях кустарника и сидеть до тех пор, пока за ним не придет его брат.

Рано утром из городской тюрьмы убежало два рецидивиста. Солдаты и полицейские перекрыли все дороги, но их поиски были безрезультатными.

По дороге в село они встретили всадника, скакавшего в город.

Сегодня утром двое незнакомых пришли к портному, убили, забрали деньги и драгоценности и скрылись. У старика была дочь, она видела, как те двое вошли в дом, и слышала крик отца о помощи.

Дочь побежала к соседям. Пока собрались люди, убийцы переоделись в один в новый костюм светло-синего цвета, а второй – в ношенный, но целый костюм убитого портного.

Всего два костюма сшил отец из светло-синей материи. Один купил молодой человек из города, по заказу, а второй отец хотел продать.

Полицейские поехали в село, осмотрели место убийства. У убийц имеется огнестрельное оружие. Они сыты, при деньгах и хорошо выглядят. На таких мало кто обратит внимание.

Любой полицейский пожелал бы иметь такой современный модный костюм.

Несколько детей видели двоих мужчин, бежавших в горы в сторону перекидного моста.

Полицейские разделились на две группы, одна пошла по берегу реки, вторая – по следу беженцев. На реке было большое количество рыбаков. Когда рыбаки узнали, что в селе произошло убийство а убийцы, сбежавшие из тюрьмы, – воры-рецидивисты, оставили рыбалку и отправились домой.

Остались только рыбаки на другой стороне реки.

Полицейские, отпустив рыбаков, наткнулись на человека в светло-синем костюме.

Ранив несколько полицейских, он скрылся. Потом они увидели его, поднимающегося по скале. Беглец был далеко от них, они стреляли, но пули не долетали до поднимавшегося человека.

Высоко над поднимавшимся появился человек в военной форме. Беглец сначала поднялся вверх, скрылся на мгновение из глаз полицейских, затем они услышали два выстрела и увидели, как тело медленно катится с вершины, и упало вниз.

На нем был костюм светло-синего цвета. Не было только денег и драгоценностей, сворованных у портного.

Надежда Павловна окончила свои дела на два дня раньше, чем думала. Она медленно ехала, осматривая все вокруг. Еще час езды и она заберет своих курсантов, заедет к отцовой сестре в горы, немного отдохнет и снова за работу.

У нее большая удача: найти таких физически здоровых парней со знанием турецкого и английского языков, это для ее отдела – большая удача.

Один из них может решать вопросы украинцев, а там, как и здесь, народ бунтует, иногда приходится умирять силой. А эти два молодца недюжинной силы и большого ума, могут успокоить своей находчивостью и изобретательностью.

Пройдут повышенный курс учебы, переподготовку по их отделу и приступят к работе.

Второй грузин, обаятелен и мил, весел и вспыльчив, как девушка, но хладнокровный в поступках. Сначала подумает, а потом решит – делать или не делать.

Лошади остановились, на дороге стояли двое, один в светло-синем костюме, второй в темном. Оба парня красивые и милые.

Они попросили подвезти их только до деревни.

Один сел рядом, второй на переднем сидении. Взял у Надежды Павловны вожжи, стегнул кнутом лошадей.

Лошадь свернула в сторону и сидевший рядом Степан, схватил ее за руки. Второй пистолетом поднял ей подбородок.

– Вы еще умеете хорошо драться, милая барышня, а мы вас довезем до тех кусточков, изнасилуем по несколько раз, потом успокоим.

Посмотрели друг на друга и весело засмеялись.

– А может здесь, на ходу... – Степан махнул рукой.

– Таких, как она, я давно не пробовал, хочу, чтоб по-настоящему было, а не по собачьи, прыгая на возу.

Лошадь привязали к дереву, сидевший рядом взял ее за руку, а второй спрыгнув вниз, за вторую.

– Сама будешь раздеваться или помочь тебе?

– Женщина должна знать свои обязанности, а мужик – свои.

Стала быстро расстегивать пуговицы. Красиво одетый парень стянул с сидения шерстяное одеяло, бросил его на землю.

– Давай пистолет, расстели одеяло и скорее делай свое дело.

Надежда Павловна мельком заметила, как за спиной ее насильников появились Георг с Хомой и скрылись.

Георг ходил около берега со своими крючками в поисках хорошего места для ловли рыбы. Насадив на крючок червяка, он забрасывал крючок с наживкой в воду, хлопал малыша по спине, отдавая удочку: «Сиди тихо и смотри, когда начнет клевать, вытягивай».

Хома ставил закидушки. Комары не давали покоя. Но из-за хорошего улова можно было терпеть комариные укусы. У каждого рыбака были полные ведра рыбы. Георг упрашивал их идти домой, но малыши просили еще и еще раз по одной.

Наконец Георгу надоело их упрашивать, он собирал удочки, складывал их вместе, малышешей послал помогать своему другу. Сетчатый мешок был полон крупной рыбы. Малыши, увидев большую рыбу в мешке и посмотрев на свою мелюзгу, решили поменяться.

– Дядя Хома, у нас больше рыбы, а у вас она крупнее. Несколько рыб из вашего мешка – и полны наши ведра. Мы дарим вам свою, а вы по две нам. Согласны, дядя, или нет?

– Разделим дома пополам, а вашу мелочь дарю вам, вы отдадите ее маме. Будет из нее прекрасная уха. А из моей рыбы мама спечет пирог.

Мальши подхватили мешок со всех сторон и понесли с ведрами. По дороге подходили к ним рыбаки, смотрели в ведра и охали, потрогав рыбу в мешке.

– Хорош улов, ничего не скажешь. Умеют ловить, ловили недалеко от нас. Может, откроете свой секрет, хоть один из вас и чужак нам.

– Он не чужой, а свой человек, это мой лучший друг Хома.

– Для тебе да Георга он не чужой.

На берегу появились полицейские, они предложили всем уйти домой.

– Если в горах заметите двоих незнакомцев, предупредите нас. Это беглецы.

По дороге заметили бегущих солдат, а впереди убегающих от них парней. Дети со своей ношей побежали вперед, домой, а они стали наблюдать, куда убегут парни.

– Смотри, Хома, на того красиво одетого парня. Это мой двоюродный брат. За ними гонятся солдаты, им придется туго, если солдаты их заметят.

Брат Георга увел беженцев и они попали на полицейских, с которыми рыбаки только что расстались.

Полицейские увидели вначале шедшего впереди Иосифа, он несколько раз выстрелил и убежал от них.

Георг побежал за детьми, Хома вслед.

– Вон там, около той возвышенности, поднимется братан, ему нужно помочь.

Высочив наверх, они увидели, как двое с оружием в руках заставляют раздеваться Надежду Павловну.

– Освободим ее и успеем помочь Иосифу. Пока он вылезет наверх, один из нас увезет полковника, а второй увезет и спрячет Иосифа.

«Неужели он мог убить портного и украсть деньги? – думал Георг. – Он все время буянил, был непримирим к царскому режиму, но никогда не воровал, а презирал воров».

– Ты заметил, Георг, что у второго вора-беглеца, такой же костюм, как у твоего брата. Кто из них убил портного?

– Узнаем, когда освободим Надежду Павловну. Обещала приехать на три дня позже, а приехала раньше.

– Прошу, Хома, не стреляй в моего брата, если даже он в нас будет стрелять, прошу, стоя перед тобой на коленях. Век буду мучиться, если ты это сделаешь. Дай мне возможность честными глазами тетке в глаза смотреть.

Хома берет поднимает друга и идут тихонько к Надежде Павловне.

– У меня лифчик туго завязан, помоги развязать тесемочку, да не рви рубашку. Свое дело успеешь сделать, а у меня одна такая красивая рубаха.

– У таких, как ты, не бывает одна.

Он подходит к ней, задирает вверх нижнюю рубаху, она его хватает за руку и прячется за ним, второй стреляет и попадает в своего друга.

Увидев, что он попал в грудь своему товарищу, преступник убегает. За ним бегут оба друга.

– Возьмите оружие, – кричит Надежда Павловна и бросает им свой пистолет.

Георг поднял пистолет и начал стрелять вдогонку. Вор прячется за камнями, деревьями и отстреливается.

Хома выбежал на край возвышенности. Внизу стояли полицейские, ниже него вверх поднимался Иосиф.

Перед ним появился убийца, а сзади Георг. Убийца, увидев впереди себя военного, поднял пистолет. Раздался выстрел, убийца выпустил оружие, сделал несколько шагов к Хоме и упал у его ног.

Поднимающийся вверх человек поднял руку и с трудом ухватился за выступ камня. Хома, переступив труп, схватил карабкающегося человека и вытащил наверх.

Тот, обессиленный, упал рядом с мертвым. Военный подхватил труп и сбросил вниз. Вслед покатались камни.

Георг подбежал к брату, наклонился над ним.

– Это ты, Георг?

– Я братец! Это я!

– Вижу!!! А кто рядом с тобой?

– Тот, кто спас тебя.

– Помогите мне.

Георг дает воды брату.

– А где мои товарищи?

– Кроме тебя я никого не видел, они пошли в пещеру, где мы в детстве с тобой в прятки играли.

– Ты можешь идти, ты не ранен?

Георг ощупывает и осматривает брата.

– Где у тебя и что болит?

– Душа болит за друзей, смогут ли они спрятаться от солдат? Убежали ли они или догнали их солдаты? Ты выстрелы слышал?

– Кроме нас никто не стрелял.

– А в кого ты стрелял?

– В убийцу.

Хома держит узелок с деньгами и драгоценностями портного.

– Это платок дочери портного, у которого я купил вот этот костюм, откуда он у вас взялся?

– Его убили двое беглецов из тюрьмы, забрав деньги и драгоценности, один из них был одет, как ты. Тебя ловили не как революционера, а как вора и убийцу.

– Полицейские и солдаты получили, что им нужно и уйдут из гор.

– Солдаты будут стоять, они ждут нас, ждут нас завтра.

– Завтра вы будете дома. Я проведу вас другой дорогой.

– Дороги все перекрыты, у нас одно спасение: пересидеть и притаиться, пока не уйдут солдаты.

– Ты иди с Хомой к тетке, а я пойду к твоим друзьям, предупрежу, что все хорошо.

Надежда Павловна купалась, когда Хома пришел с Иосифом.

Тетка набросилась на Иосифа.

– Ты позоришь весь наш род, тебя мальчишки видели, как ты убежал от полицейских, и знают, что это ты убил портного.

Переоденься и сожги свой костюм убийцы, уходи из моего дома, здесь нет места убийце.

Только она это сказала, как вошел полицейский.

– Вы здесь, господин Джугашвили. Если бы я не поймал убийцу портного, которого я часто видел в тюрьме, то подумал бы, что это вы сделали. У вас костюм убийцы.

– Но он сшил два таких костюма.

– Верно, Иосиф, это мы уже знаем, нам сказала его дочь.

– А где его дочь?

– Дома, оплакивает отца, осталась одна без денег.

Надежда Павловна переделалась, привела себя в порядок, подошла к полицейскому.

– О чем вы спорите, мужчины? Что не поделили меж собой?

Подходит к Иосифу, смотрит на его костюм.

– Кто вы будете, если не секрет?

– Брат Георга.

– Вы в этом костюме похожи на одного из моих мучителей. Костюм красив и элегантен, под стать такому красивому парню, как вы. Кто шил вам его?

– Портной, которого убили те двое, которые встретили вас по дороге.

Подходит Хома к Надежде Павловне.

– С легким паром!

– Спасибо, Хома, тебя тоже ждет легкий пар, иди купайся.

– Что со вторым?

– Прикончил Георг, когда хотел убежать. Жаль, легкую смерть получил.

– Солдатская, мгновенная, а таким извергам нужно адскую смерть преподносить, а не легкую.

– Хотели, Надежда Павловна, изловить, да погиб в перестрелке.

– Поспешили мальчишки, но и на том спасибо, а за мое спасение вас ждет большой подарок от меня.

– Владимир Ильич, вот вам письмо из Тобольска, от ваших друзей по гимназии.

– Спасибо, Катенька, это хороший подарок для меня. Давно жду весточку. Что пишут мои из Сибири?

– Милюков и Гучков никак не успокоятся, снова хотят Романовых посадить на трон. Организовано общество спасения монархии в Тобольске. Несколько групп спасителей прибыло в Тобольск. Наладили переписку с императорским величеством.

– Они переписываются, а наши товарищи читают их записочки. Эти писульки нам известны со времен наших первых царских тюрем.

– Владимир Ильич, кто они и какую читают переписку?

– Монархисты из Тобольска готовятся к освобождению Николая II. Их там так много развелось, что в скором времени в Тобольске монархисты захватят власть.

– А мы им не позволим это сделать. Нужно связаться с товарищем Голощекиным, чтоб он в ближайшие дни произвел выборы в Советы и не допустил в управление Советами ни одного монархиста.

– Пусть наши товарищи постараются это сделать в самые ближайшие дни и на самом высоком уровне демократическим путем.

Родзянко и Керенский, когда арестовали царя и отправляли в ссылку, поставили своих людей сопровождать царскую семью. Но они оказались трусами. Им конституционная монархия оказалась не нужна и республика тоже. Не сказали народу, что им нужно, и что за государство хотят строить.

Наше рабоче-крестьянское государство – это союз рабочего и крестьянина. Вот чего они все боятся, землю тем, кто ее обрабатывает.

На сегодня о Николае II хватит. Пойду, подскажу товарищам о подготовке монархистов Тобольска к захвату здания, где заключен царь и его семья.

Приходит секретарша, приносит Владимиру Ильичу очередные письма. – Вы интересовались делами в Тобольске, вот вам ответ на все ваши вопросы. Я смотрела все письма, касающиеся только Тобольска.

– Вот это письмо и вот другое отдайте Дзержинскому, новый майор-монархист появился на арене Тобольска. Выяснить, что это за майор и за чьей спиной он стоит, о нем много пишут, а ни фамилии, ни имени не знаем. Но многие перед ним преклоняются. Любимец царской семьи.

Опросите членов бывшей Государственной Думы, может, кто из них знает, что это за человек. Пусть ищут, соберут фамилии всех любимцев царской семьи. Кто он и откуда родом?

Направьте и это письмо Дзержинскому: лучшая казачья сотня охраняла императрицу и ее семью. Я что-то об этом слышал. Это не та сотня, которая не вышла из казармы во время штурма Зимнего. Ее сотник не подчинился Родзянко и не стал защищать Зимний.

– Керенского не пустили казаки в казармы, они кричали на него, что он Иуда и предал царя и отечество. Не вмешайся тогда сотник, Керенского казаки зарубили бы на площади.

Адъютант Керенского встал на защиту, его прикончили тут же. Соберите все данные об этом сотнике, непременно сам поговорю с ним, если найдете его. В Петрограде такие нужны Советам.

– Дзержинский выполнил вашу просьбу, Владимир Ильич, и уже выделил двоих чекистов по делу Тобольска. Один из них будет этим вопросом заниматься здесь и вас через Дзержинского информировать. А второй поедет в Тобольск, по дороге заедет к Голощекину решить текущие вопросы о советизации власти в городе.

– Вы сказали «советизации власти». Это значит, как я понимаю, установить в городе Тобольске советскую власть.

На сегодняшний день у власти в Тобольске сидят враждебные советской власти люди. Там нет Советов, они есть только на бумаге.

– Владимир Ильич, к вам на прием по тобольским делам просится помощник Дзержинского.

– Просите! Пусть войдет!

– Здравствуйте, дорогой товарищ! Рад вас видеть, Геннадий Иванович, кажется, вас так зовут? Не стесняйтесь, говорите.

– Мы запросили полицейское управление Петербурга найти из приближенных царицы человека по кличке «майор». Такой человек в полицейском управлении, охранявший царскую семью, не числится.

Полковник Дышло сказал, что этот майор подчинялся только Александре Федоровне, и в полицейском управлении на него дела нет.

Его лично знают Великие князья Николай Николаевич и Михаил Александрович. Много раз полковник Дышло видел майора на приеме у Милюкова и Гучкова. Это было в десятом году, после этого полковник не видел и не слышал о нем ничего.

У Александры Федоровны был любимый художник, ученик профессора Балабы, он часто бывал в доме майора. Хозяева дома уехали за границу, а новые о них ничего не знают.

– Сегодня у нас мало данных о майоре, это темная личность, она появлялась на арене, когда семье императора грозила опасность.

Геннадий Иванович, я вас правильно понял, что майор – это кличка, а человек, стоящий за ней, является потомственным защитником царской семьи.

– Мы не уверены, но, возможно, это так. Материалы полицейского фонда говорят, что потомки майора, миргородские казаки, спасли царицу Екатерину II, когда она возвращалась из Крыма в Петербург.

– Данные надо искать на Украине, а там, как и здесь, беспорядок. А вы, Геннадий Иванович, постарайтесь, запросите своих товарищей из Киева, Полтавы, Миргорода. Кто-то, да что-нибудь скажет.

– Есть у нас не разгаданное, на расшифрованное письмо, в нем говорится о каком-то казачьем царском фонде в Швейцарии.

– Этим фондом пользовались отдельные доверенные лица царской семьи. Из этого фонда награждались казаки и агенты полиции, охранявшие царскую семью.

– Владимир Ильич, я лично сам проверил все банковские переводы наших банков за последние десять лет, там нет казаков и «майора». Но многое нашим работникам не понятно.

– Связь русских банков с иностранными банками, а особенно со Швейцарским, во многом утеряна. Исчезли первичные документы, и нет людей. Одни умерли, другие выехали за границу.

Геннадий Иванович вышел из Смольного, зашел к Дзержинскому, взял разрешение на встречу с членами Государственной думы, сидевшими в тюрьме.

– Зачем вам пропуск с моей подписью, вы со своим положением имеете такой же вес, как и я. Подпишите пропуска своим помощникам и выпишите себе.

Все документы, касающиеся Тобольска, исходят от вас, и я не имею права ваши указы и постановления подменять своими. Они идут сверху вниз и снизу вверх.

Баштанов вышел от Дзержинского, зашел в свой отдел, взял двух помощников и отправился в тюрьму. Предъявив документы начальнику тюрьмы, они попросили его дать им личные дела на каждого члена Государственной думы.

– У меня нет никаких первичных документов, их посадили после октябрьских событий. Они сидят, мы их охраняем. Я был начальником тюрьмы при его императорском величестве, при временном правительстве и остался при советах. За это время в распорядке тюрьмы никаких изменений не произошло. Разве только то, что стали мы хуже кормить в тюрьме. Наполовину срезали паек заключенным.

Личные дела членов Государственной думы лежат в Смольном, возьмите их там. Вы находитесь в одном крыле здания, а досье на членов Думы лежат во втором.

– С кем желаете поговорить?

– С Пуришкевичем.

Начальник тюрьмы вызвал своего помощника.

– Будьте любезны, приведите Владимира Митрофановича.

Помощник вышел в коридор, крикнул стоявшему красноармейцу.

– Извольте привести из камеры к начальнику тюрьмы господина Пуришкевича.

– Оставьте нас наедине, нужны будете, позову.

Начальник тюрьмы со своим помощником оставляют кабинет и идут в игровую комнату.

Долго Советы не тревожили членов Государственной думы, зачем им понадобился Пуришкевич, человек с двойным дном. В одно время он стоял за монархию, потом за республику.

– Как живется, как здоровье, Владимир Митрофанович? Кажется, мы с вами не виделись с февраля месяца. Помню ваше выступление в думе о конституционной монархии. Вас тогда Великий князь Николай Николаевич поздравил с победой.

– Было время, Геннадий Иванович, но с той поры утекло много воды, все изменилось, все преобразилось. Одни остались, кем и были, другие изменили своим взглядам, а третьи перекрасились.

– А вы к кому примкнули сегодня?

– Такие, как мы, вне закона. Любая страна судит своих нарушителей или оправдывает. Страна, именуемая Революцией, не имеет законов, она не судит а производит разбой. Вернее сказать, уничтожает без суда и следствия своих сыновей. Мы, осужденные Революцией, не пользуемся ни правом, ни законом.

Ленин в своих выступлениях говорит о том, что мы на развалинах строим коммунистическое будущее.

– Владимир Митрофанович, вы что, не верите в то, что все заводы и фабрики будут достоянием народа, а землю получит народ, крестьяне?

Это внешняя оболочка, Ленин делает опору в своей революции на рабочих и крестьян, они ему поверили. Сегодня его идеи самые прогрессивные. Но кто будет хозяином заводов, фабрик, земли. Народ – это нарицательное слово. Кто будет основным хозяином, кто будет беречь и умножать богатство, которое в будущем создаст этот народ?

Советы уже управляют страной, готовят новые законы о земле, о заводах и фабриках.

– Законы можно издать, Геннадий Иванович, но выполнять их в куче сообща не всегда удается, наступит когда-то кризис, провал.

– А как поживает ваш отец Иван Николаевич, как его здоровье и самочувствие. Я с ним виделся за день до моего ареста.

– Отец болеет, просит разрешения на выезд за границу. Прошу его не позорить меня, а он и слушать не хочет. Все твердит свое, что я предал Россию с Лениным немцам.

– Завидую ему, завидую его мечтам попасть в тот мир, в котором родился и вырос. Сегодняшний мир не для нас с твоим отцом. Дети стали не понимать отцов, а мы, в свою очередь, не понимаем их.

– Моих часто видите, Геннадий Иванович?

– Они замкнулись в своем одиночестве, хотел вчера поговорить с ними, но разговор не состоялся. Жена и дети, увидев меня, ушли, а отец с матерью еле терпели мое присутствие.

Я тот человек, который посадил вас сюда, так я слышу от многих семей членов Государственной думы. И этот крест мне нести всю жизнь. Одни сажают, а другие расплачиваются за это. У каждого своя судьба.

– Прекрасная у вас судьба, Геннадий Иванович, вы стоите у вершины нового государства, а я у могилы со своим отмирающим государством. Мы, прозаседавшиеся, ничего не сделали для спасения отечества. Дрались за свои портфели и в итоге потеряли их, а скоро потеряем и свои головы.

Хочу все спросить, что думают Ленин и Дзержинский о нас, о членах Государственной думы. Или вас этот вопрос не касается?

– После беседы с вами буду у Ленина и Дзержинского, непременно спрошу о вашей судьбе. Передам весточку родителям, жене, детям, что мы любезно с вами поговорили один на один.

Владимир Митрофанович, вы можете сказать, как производилась охрана царской семьи и что за особые привилегии у миргородской сотни.

– На этот вопрос вам ответит мой отец. А из членов последней Государственной думы никто вам ничего не ответит.

Если бы миргородская сотня пошла в защиту Государственной Думы, то большевики не взяли бы Зимний, а потерпели бы поражение. Большевиков спасло то, что сотник – ярый монархист – обвинил нас в предательстве Родины, в изгнании с престола царя.

– Он прав, мы голосовали за Конституционную монархию и за Республику. Но ничего не дали народу. Мы расплылись в спорах, а конкретного ничего не предложили.

Почему сотник пользовался большим уважением у Александры Федоровны и кто он такой? Меня интересует он и майор.

– Загляните в архив Екатерины II, там вы найдете ответ на этот вопрос. Зайдите к Великому князю Николаю Николаевичу, он любит сотника, как своего сына.

Что можно сказать о майоре. Это казак-сотник императрицы, дослужившийся до майора. Это бывает редко, обычно сотня служит при дворе три-четыре года и уезжает домой. На смену ей приходит новый сотник со своей сотней.

– Это что, Владимир Митрофанович, потомственная почетная служба при ее величестве императрице России дана кем-то миргородским казакам?

– Да, Геннадий Иванович, со времен Екатерины II. Даже Петр I не одержал бы победу, если бы миргородские казаки не разбили бы шведов в 22 километрах от своего города. Около тысяч шведов сложили там свои головы.

Своих погибших товарищей казаки увезли домой, а шведов схоронили в одном кургане.

– Кто может сказать фамилии сотника и майора?

– Списки казаков были у Великого князя и Александры Федоровны.

– Они состояли в партии восстановления монархии?

– Нет и еще раз нет. Всех монархистов Родзянко и Керенский разогнали, а их руководители сидят в соседней со мной камере. Они ждут своего часа, но пока о них все забыли. Не дошли руки до них у советов.

- Геннадий Иванович, если не секрет, его императорское величество и семья живы?
- Живы, Владимир Митрофанович, и слава Богу!
- И кто готовит суд над царской семьей, и где они,

если не секрет?

– Там, куда вы их определили.

– Значит, вам морочат голову монархисты, видать снова пытаются освободить и поставить на престол Николая II. Это у них не выйдет. Они хотят видеть его на престоле, но управлять империей хотят сами, без царя. Они распались на группы, а когда соединятся, то нечего им будет делать.

– Сегодня Николай II не в моде, он игрушка, для тех, кто пытается его восстановить.

– Там полковник Зарев, ярый монархист, отказался служить идеям февральской революции. Он обещал Родзянко и Керенского повесить их голяком на колышке и вывесить на посмешище в Питере, если освободит императора.

На второй день Баштанов отправился в загородный дом старшего Пуришкевича. Митрофан Карлович сидел в библиотечке, перебирал книги. То, чем он гордился всю свою жизнь, стало не нужным, превратилось в домашний мусор.

Вошел слуга, долго топтался на месте, не решаясь заговорить с хозяином. Непрошенные гости вызывали нервное раздражение у хозяина дома. Зная это, слуга всегда долго не решался говорить о приходе нового посетителя.

– Кто пришел? Говори и не топчись на месте.

– Ваш мучитель и сосед Геннадий.

– Эта чекистская крыса никому не дает покоя. Что ему нужно?

– Он пришел с военным поручением от Дзержинского.

– Феликс Эдмундович по пустякам посылать своих сотрудников не будет и такую важную чекистскую птицу нельзя выгнать. Накличешь беду. Пусть войдет.

Митрофан Карлович холодно встретил Баштанова. Не предложив сесть, он спросил, что желает гость знать, и что за дела привели такого важного человека, как он, в его дом.

– Желаю, с вашего позволения, сесть и поговорить с вами.

– Только со мной или может с моей женой, сыном, снохой? – спросил усталым обиженным голосом хозяин дома.

– Я не против, если при нашем разговоре будут присутствовать ваша жена, ваш усыновленный младший сын и сноха.

– Вы и это знаете, что он не мой сын.

– Да, знаю, что он сын князя Вирко, казненного Александром II.

– Вы пришли собирать мусор в моем доме и кому подарить его собираетесь?

– У меня, Митрофан Карлович, такая служба – рыться в чужом белье, собирать и вытряхивать пыль со своих клиентов и посетителей.

– Моя семья относится к вашим клиентам, и какую пыль нынче вы пустите нам в глаза?

Тихонько входит жена с приемным сыном, снохой и внуками, они садятся и смотрят молча на Баштанова.

– Прибыли все, можете говорить. Секретов у меня от моей семьи нет.

– Владимир Митрофанович шлет вам большой привет, желает вам большого здоровья, долгих лет жизни. Он в хорошем здравии, желает поскорее выйти на свободу и крепко вам всем пожать руку. Отцу и матери шлет свой низкий поклон.

Чтобы не быть голословным, я передаю вам лично от него письмо и жду ответ, который он завтра получит. Пожалуйста, напишите письмо, а мне разрешите погулять в вашем саду. Дадите ответ, позовете!

– Прошу, Митрофан Карлович, разрешить вам задать несколько вопросов, касающихся семьи его величества Николая II.

Входит в дом профессор Балаба со своей женой Лорой.

– А, здесь гости, причем большого полета, от самого главного чекиста. Не ожидал увидеть такую важную персону в этом доме. Коль вы здесь, Геннадий Иванович, то что-то у вас неладно. Слышал, вас интересуют какие-то майор и сотник.

– Садитесь, Владимир Алексеевич, разрешите сначала хозяину несколько вопросов задать, а потом вам.

– Как фамилия сотника, отказавшегося защищать членов Государственной думы?

– Зовут Василий, а фамилия Васильев.

– Почему только из Миргорода казаки могли охранять покой царицы?

– Этот указ издала Екатерина II, это почетная ответственность дается лучшей миргородской сотне. В ней служили только отличившиеся казаки под руководством сотника Фуголь, но не Васильева.

На этот вопрос точно ответит только Великий князь и никто больше, поезжайте в Тобольск, спросите у царицы.

– А кто такой Фуголь?

– Это старший сын Фуголя, который является почетным потомственным сотником миргородской сотни. Старший сын назначается сотником над лучшей миргородской сотней.

– Может ли сотник стать майором?

– Любой казак может дослужиться до майора в армии его превосходительства. Но есть одно «но». Сотник служит при Царском селе, охраняет Александровский дворец и в нем царскую семью. Но почему не царя, и не царицу?

– Таким был указ Екатериной II, что сотник служит четыре года и уезжает со своей семьей домой. И за все годы ни один сотник при дворе не получил высшее офицерское звание.

– Прослужил старший сын четыре года, а кто потом охраняет покой царицы?

– Новый сотник, старший сын Фуголя.

– В семье один старший сын, а царица живет пятьдесят-семьдесят лет. Кто ее после ушедшего сотника Фуголь, охраняет?

– А их старших развелось много, как у нас великих князей...

– Почему сегодня охраняет царскую семью Васильев Василий, а не Фуголь.

– Это знают великие князья и ее величество Александра Федоровна.

– А кто такой «майор»?

– Вы имеете в виду фамилию или звание, кличку?

– Митрофан Карлович, вы мне расшифруйте этого майора многоликого.

– Майор Зарев – монархист, граф, лишенный всех царских привилегий за участие в антигосударственных бунтах, выслан в Сибирь.

Майор Зарев – член географического общества, председатель общества сибирских золотопромышленников. Майор, уничтоживший всех монархистов и меньшевиков в Уральске. Это один и тот же человек.

– И да и нет!

– В полицейском управлении были заведены дела «майор» и «Зарев». После февральской революции дела исчезли и истинного майора отличить от майора Зарева, никому не удастся. Дела утеряли, но человек-то жив. Его должен кто-то знать.

Его императорское величество и великие князья знают их лично. Перед утерей личного дела я прочитал письмо матери Николая II, вдовы императрицы Марии Федоровны майору с просьбой и скорейшем спасении ее сына и семьи.

Кто-то в полицейском управлении занимался делами «майора», собирал материал с отречением царя от престола. Этот материал либо уничтожили, либо кто-то выкрал.

Съездите в Тобольск. Там Зарев, поговорите с ним.

– Митрофан Карлович, вы в одно время контролировали работу банков. Знаете хорошо систему банковских операций. Что за банковские операции «сотник» и «майор»?

– Это ежегодные премии казакам за участие в защите земель России.

– А в чем она проявилась, эта защита?

– Есть устав «Сотник» банковских операций. Казаки имели свой денежный фонд. Казак – это защитник отечества. Он живет на окраине империи, он первый встречает врага, он первый гибнет в бою, пока подойдет армия. Казак – это тот же солдат.

– Вы много фантазируйте, Геннадий Иванович. У вас, военных, есть лозунг «Жизнь – это борьба». Если есть революция, то есть и враги революции.

Тяжелую ношу вы взяли на себя: «перманентность революции». Непрерывных процессов не бывает, одно исчезает, на смену приходит обновленное другое.

– Митрофан Карлович, мы строим новое государство, которое из пепла поднимется ввысь.

– Опасны для здоровья дым и пепел. Дым медленно отравляет человека, а пепел его чернит не только снаружи, но и внутри.

– Это вопросы философии, Митрофан Карлович.

Геннадий Иванович раскланялся и ушел, пообещав передать письмо сыну и поговорить о его судьбе с Дзержинским.

Остались в комнате профессор со своей женой Лорой и хозяин дома.

– Вы слышали, Владимир Алексеевич, как Советы упорно ищут руководителей – монархистов, придет время, они казнят императорскую семью. Сделают то, что не успели сделать Родзянко и Керенский.

– Они ищут, Владимир Карлович, сотника – художника Александры Федоровны и майора Фуголь. У меня был ученик Петр Ковалевский – художник с большим будущим. В последнее время окупился в революцию. Так он хорошо знает художника и покровительствует ему во всем.

– Мне кажется, что в скором будущем все монархисты станут большевиками. Все монархисты Питера, переехав с Лениным в Москву, стали на сторону большевиков, произошла большевизация монархистов.

– В Тобольске, Владимир Алексеевич, монархисты взяли в свои руки основные ключевые посты, и этого боятся Ленин и Дзержинским. Они ищут руководителей монархистов Тобольска, считают, что эти две личности являются главным связующим звеном в монархическом движении Тобольска. Но по моим сведениям, оно не усиливается, а, наоборот, ослабевает.

Те группы, которые готовил Великий князь Николай Николаевич, распались на мелкие частицы, а объединиться они не хотят. Кому нужен беспомощный монарх, сам отказавшийся от престола.

Сотник без своей сотни сам беспомощен. Майор имеет реальную силу, но ему противостоят местные монархисты, анархисты и белоказаки, которые путаются в его ногах и мешают ему сделать свое благородное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.